

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXXVI.
— XXXVIII.
1882 — 1883.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ «ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО» ВЪ 1753 г.

Полный сборник записок гр. Муравьева-Виленского, о мятеже в Северозападной России в 1863-1864 гг. составленный по номерам журнала Русская старина.

Составитель - проект «Западная Русь» <http://zapadrus.su>

Оглавление:

Русская старина. Том XXXVI. 1882.

Выпуски журнала № 10-12

Выпуск 11 номера от ноября 1882 г.

Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северозападной России в 1863-1864 гг. Предисловие редактора **4 страница** Глава первая - **6 страница** (страницы в XXXVI томе «Русской старины» 387-432)

Выпуск 12 номера от декабря 1882 г

Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северозападной России в 1863-1865 гг. Глава вторая - **49 страница** (страницы в XXXVI томе «Русской старины» 419-646)

Русская старина. Том XXXVII. 1883.

Выпуски журнала № 1-3

Выпуск 1 номера от января 1883 г

Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863-1865 гг. Глава третья - **75 страница** (страницы в XXXVII томе «Русской старины» 131-166)

Выпуск 2 номера от февраля 1883 г

Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863-1865 гг. Глава четвертая - **111 страница** (страницы в XXXVII томе «Русской старины» 291 – 304)

Выпуск 3 номера от марта 1883 г

Записки графа Михаила Николаевича Муравьева, приложения к ним (части I – III).
Осужденные и наказанные за участие в смуте 1863-1865 гг. - **125 страница** (страницы в XXXVII томе «Русской старины» 615-630)

Русская старина. Том XXXVIII. 1883.

Выпуски журнала № 4-6

Выпуск 4 номера от апреля 1883 г

Записки графа Михаила Николаевича Муравьева, приложения к ним (части IV- V). Переписка Муравьева о ссылке приглашенных лиц, 1863-1864 гг.. Ведомость заключенным, июнь 1865 г.
- **142 страница** (страницы в XXXVIII томе «Русской старины» 193 -206)

Выпуск 5 номера от мая 1883 г

Граф Михаил Николаевич Муравьев на отъездах о нем русских людей. 1 и 2. Стихотворения Ф. И. Тютчева и кн. П. А. Вязенского. - 3. Рассказы Арат. Е-ва. - 4 и 5. Заметка и очерк. Сообщ. профес. Н. В. Берт - **156 страница** (страницы в XXXVIII томе «Русской старины» 207- 230)

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

ЗАПИСКИ ЕГО ОБЪ УПРАВЛЕНІИ СЪВЕРО-ЗАПАДНЫМЪ КРАЕМЪ И ОБЪ
УСМИРЕНІИ ВЪ НЕМЪ МЯТЕЖА,

1863—1866 гг.

Графъ М. Н. Муравьевъ—довольно часто является на страницахъ «Русской Старины». Въ теченіи тринадцати лѣтъ нашего изданія мы встрѣчали его то въ Запискахъ декабристовъ, упоминавшихъ о немъ, какъ объ участникѣ и если не прямомъ заговорщикѣ, то весьма близкомъ къ заговору, по чувству ю въ дѣятельности членовъ тайныхъ обществъ, — то видѣли его какъ министра государственныхъ имуществъ и упорнаго борца противъ освобожденія крестьянъ съ землею, пылкаго и энергическаго противника великой реформы Александра II Освободителя, то, наконецъ, типическій образъ Михаила Николаевича Муравьева-Виленьскаго (рисовывался войска донскаго генер.-лейтенантомъ Яковомъ Петровымъ Баклановымъ, профессоромъ Николаевской Военной Академіи П. С. Лебедевымъ, писателемъ и профессоромъ Варшав. Университета Н. В. Бергомъ и другими лицами, помѣстившими на страницахъ «Русской Старины» очерки и воспоминанія о послѣдней Польской смутѣ ¹⁾).

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г. т. IV, 154—161; изд. 1873 г. т. V, 454; 781; изд. 1873 г. т. VII, 18;—т. VIII, 114—118;—изд. 1874 г. т. XI, 99, 123, 124, 468, 539;—изд. 1875 г. т. XII, 606; т. XIII, 176;—изд. 1876 г. т. XVI, 301, 302;—изд. 1877 г. т. XX, 143;—изд. 1878 г. т. XXI, 535—537; изд. 1879 г. т. XXV, 517—520; 555; 562; 564; 714, 715, 723; томъ XXVI, 260, 267, 282, 283, 740;—изд. 1880 г. томъ XXVII, 323—334; 372, 374, 379, 433, изд. 1881 г. томъ XXX, 73, 74, 226—245; 729—738; 841; т. XXXI, 10, 539; т. XXXII, 118—134 840—847;—изд. 1882 г. т. XXXIII, 227—258; 537, 549, 562—568; 572—576; томъ XXXIV, 106—120, 130, 146, 392—411 и проч.

Но этотъ крупный дѣлатель минувшаго царствованія былъ бы все-таки не ярко и не полно освѣщенъ, еслибы мы не сообщили нашимъ читателямъ собственныя Записки гр. М. Н. Муравьева, изъ которыхъ только не большія выдержки приведены въ «Русской Старинѣ» изд. 1-79 г.

Записки эти продиктованы графомъ Михаиломъ Николаевичемъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, именно съ 3-го января по 4-ое апрѣля 1866 г., одному изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ А. М.—ву, и нѣсколько лѣтъ спустя разошлись по рукамъ, въ С.-Петербургѣ, въ нѣсколькихъ спискахъ. Нашъ списокъ полученъ изъ первыхъ рукъ, и 7-го декабря 1881 г. мы получили отъ старшаго достопочтеннаго внука покойнаго графа весьма любезно выраженное согласіе на то, чтобы подѣлиться съ читателями «Русской Старины» этимъ историко-біографическимъ памятникомъ.

Приведенное нами, вполнѣ точно, указаніе на время, когда гр. Михаилъ Николаевичъ продиктовалъ свои Записки «Объ управленіи Сѣверо-западнымъ краемъ и объ усмиреніи въ немъ мятежа», весьма важно въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, оно свидѣтельствуетъ, что все, что разсказываетъ Муравьевъ, было въ высшей степени свѣжо въ его памяти, да и не могло быть иначе, такъ какъ разсказывалось почти тотчасъ послѣ оставленія имъ поста генералъ-губернатора Сѣверо-западнаго края; во вторыхъ, это-же обстоятельство выясняетъ ту рѣзкость и желчность въ отзывахъ разсказчика о нѣкоторыхъ современныхъ ему министрахъ, которые по своимъ убѣжденіямъ не считали возможнымъ вполнѣ соглашаться съ Муравьевымъ относительно принятой имъ системы управленія возмущеннаго края. Понятно, что почти на другой день послѣ своего удаленія изъ Вильны, Муравьевъ былъ еще подъ живымъ впечатлѣніемъ борьбы съ своими противниками на поприщѣ государственной дѣятельности, и этотъ пылъ борьбы, нѣкъ раздраженія и, прямо сказать, злобы внесъ въ отзывы о тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣлателяхъ, ему современныхъ, и иногда явившихся его политическими противниками.

Необходимо, впрочемъ, и то сказать, что безпристрастіе въ оцѣнкѣ людей, ихъ нравственныхъ качествъ и значенія ихъ общественной дѣятельности, никогда не было достояніемъ ума гр. М. Н. Муравьева.

Печатавъ его Записки, едва ли нужно напоминать, что «Русская Старина» и въ этомъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, даетъ лишь матеріалъ, а отнюдь не историческую монографію писателя, спокойно, безстрастно, критически изучившаго источники, рисующіе тотъ или другой историческій образъ, ту или другую эпоху. Будущій историкъ послѣдней польской смуты звѣситъ, въ ряду прочихъ источниковъ, и свидѣтельство гр. М. Н. Муравьева, критически разсмотрѣвъ его и воздастъ каждому по дѣламъ его, а если приговоръ его будетъ справедливъ, то и войдетъ въ сознаніе потомства и перейдетъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

Многіе изъ лицъ, упоминаемыхъ гр. Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, вслѣдъ за нимъ самимъ, сошли въ могилу. Прошло почти четверть вѣка со времени послѣдней Польской смуты. Но вѣковой вопросъ борьбы и усобицы двухъ соплеменныхъ народовъ все еще живъ; эта рана все еще отзывается болью, и не отвергиваться отъ нея, а внимательно изучать, продолжать изслѣдованіе ея—вотъ задача, которая еще надолго будетъ вызывать труды многихъ публицистовъ, историковъ и государственныхъ людей нашего Отечества.

Наше скромное изданіе вноситъ, по мѣрѣ силъ и возможности, матеріалъ для такового изученія и, въ данномъ случаѣ, помѣщая на своихъ страницахъ «Записки гр. М. Н. Муравьева», съ величайшею готовностью, какъ и всегда, открываетъ свои страницы всѣмъ на нихъ возраженіямъ, поясненіямъ и опроверженіямъ.

Да будетъ на скрижаляхъ исторіи только правда, одна правда.....

Р е д.

I.

. . . . Я оставилъ въ исходѣ 1861 г. министерство (государственныхъ имуществъ) и въ мартѣ 1862 г. отправился за границу для леченія.

Возвратившись изъ-за границы осенью 1862 г. и находя необходимымъ въ слѣдующемъ году вновь ѣхать за границу для леченія, я испросилъ себѣ увольненіе отъ управленія департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, сохранивши званіе члена государственнаго совѣта и присутствующаго въ комитетѣ финансовъ.

Въ 1863 г., начавшіяся еще съ 1861 г., волненія въ Западномъ краѣ приняли характеръ вооруженнаго возстанія. Правительство наше, до того времени ослаблявшее всѣмъ польскимъ проискаммъ и революціоннымъ манифестаціямъ, коимъ сочувствовала и въ Россіи вся демократическая партія, утратило неминуемыхъ бѣдственныхъ для Россіи отъ того послѣдствій.

Маркизъ Веліопольскій, поставленный еще въ іюнѣ 1862 г. во главѣ (гражданскаго) управленія Царства Польскаго, началъ уже терять свое вліяніе во мнѣніи Государя и вообще Петербургскаго общества, утраченного быстрымъ развитіемъ вооруженнаго мятежа какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ въ особенности въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ.

Польская революціонная партія была покровительствуема За-

падными европейскими державами, которыя, видя слабость нашу и значительное сочувствіе высшаго общества и вообще демократической русской партіи польскому дѣлу, признали возможнымъ настойчиво требовать возстановленія Польши.

Правительство наше, уstraшенное совершающимися въ Царствѣ и въ Западныхъ губерніяхъ событіями, угрожаемое опасностію отъ европейскихъ державъ, долго еще колебалось предпринимать рѣшительныя мѣры къ укрощенію мятежа. Въ Царствѣ Польскомъ мятежь возрастала ежедневно. Въ Литовскихъ губерніяхъ генер.-губернаторъ Назимовъ, человекъ (недалекій) и слабый, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Государя и лично даже привязанностію его, при всей своей добросовѣстности, не понималъ положенія края и не находилъ никакихъ разумныхъ средствъ къ подавленію мятежа. Впрочемъ, надо въ оправданіе его сказать, что направленіе, даваемое изъ Петербурга, преимущественно министромъ внутреннихъ дѣлъ, также шефомъ жандармовъ княземъ Долгоруковымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, не давало ему возможности дѣйствовать твердо и рѣшительно, ибо первые два заботились только о томъ, какъ примириться съ поляками и склонить ихъ къ снисхожденію въ Россіи разными уступками, которыя, какъ извѣстно, еще болѣе возрождали въ нихъ самоувѣренность въ успѣхъ, а послѣдній, вн. Горчаковъ, раздѣляя систему дѣйствій Валуева, вн. Долгорукова и Веліопольскаго, (который овладѣлъ почти всѣми правительственными умами въ Петербургѣ, въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ), страшился еще угрозъ Западныхъ державъ, которыя настойчиво требовали признанія независимости Польши въ предѣлахъ 1772 г. Государь колебался, хотя и чувствовалъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ. Изъ Варшавы прибыла депутація (?) Замойскаго, который на аудіенціи у Государя настойчиво требовалъ автономіи Польши и возстановленія ея въ предѣлахъ 1772 года.

Страхъ правительства (!?) нашего былъ такъ великъ, что Замойскаго приняли и выслушали весьма милостиво, хотя не согласились на его предложенія; но и не смѣли (!?) подвергнуть его отвѣтственности и отпустили съ обязательствомъ лишь ѣхать за границу и не возвращаться въ Царство.

Замойскій, по прибытіи въ Парижъ, огласилъ слабость (?) и колеблемость нашего правительства.

Въ Петербургѣ, въ началѣ марта мѣсяца 1863 г., князь Горчаковъ склонилъ Государя къ изданію манифеста объ амнистіи всѣхъ поляковъ, которые положатъ оружіе въ 1-му маю. Мѣра эта послужила къ вышшему поощренію ихъ къ мятежу. Они увидѣли изъ нея страхъ, обуявшій наше правительство, и западныя державы еще болѣе стали настаивать на исполненіи прежнихъ ихъ требованій на счетъ Польши. Дѣла въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ болѣе и болѣе запутывались и усложнялись: насилия, грабежи, неистовства, производимыя мятежными шайками надъ русскими, захваченными вездѣ въ располхъ, увеличивали обуявшій наши правительственные лица страхъ.

Они боялись уже не за Литву, а за Петербургъ и за себя, они страшились всеобщаго развитія демократическихъ началъ: въ Петербургѣ во второй половинѣ апрѣля 1863 г. между главными правительственными дѣятелями была общая паника (?). Событія подъ Динабургомъ, т. е. разграбленіе графомъ Плятеромъ транспорта съ оружіемъ, до того устрашили Петербургъ, что по желѣзной дорогѣ былъ посланъ уланскій полкъ для усмиренія ничтожной этой шайки, съ которой не могли справиться мѣстныя власти, потому что само высшее правительство не принимало на мѣстѣ никакихъ мѣръ; министерство внутреннихъ дѣлъ и жандармская часть вполнѣ бездѣйствовали.

Надо замѣтить, что возстаніе Динабургское было перетолковано поляками, имѣвшими большое вліяніе на Петербургскія власти, совсѣмъ иначе, чѣмъ было. Жандармерія увѣряла, что это есть бунтъ раскольниковъ противъ помѣщиковъ, что это предвѣщаетъ рѣзню, бывшую въ Галиціи въ 1848 г., что Плятеры, Моли и прочіе помѣщики совершенно покойны и нѣтъ никакого заговора противъ правительства. Виленскій окружной жандармскій генералъ Гильдебрандъ, въ душѣ полякъ, и имѣвшій много родныхъ въ Динабургскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ, всѣми средствами старался увѣрить, что въ краѣ нѣтъ мятежа и что надобно смирить старообрядцевъ, которые грабятъ мызы помѣщичьи. Князь Долгоруковъ увѣрилъ въ этомъ Государя и 16-го числа испросилъ высочайшее повелѣніе отправить туда войско и генерала для усмиренія старообрядцевъ, которые управлялись министерствомъ государственныхъ имуществъ, и извѣстилъ о томъ министра Зеленаго.

Ген.-адъют. Зеленый, зная прератное толкованіе этого дѣла со стороны жандармовъ, ввечеру 16-го апрѣля отправился къ Государю, объяснилъ ему настоящее положеніе дѣла и испросилъ отмѣну послыши особаго генерала отъ шефа жандармовъ и разрѣшеніе о предоставленіи ему, министру государственныхъ имуществъ, прекратить тамошніе беспорядки, безъ вмѣшательства жандармовъ, для чего и посланъ былъ имъ, служившій въ министерствѣ, ген.-лейтен. Длотовскій, съ предоставленіемъ ему правъ военнаго начальника той мѣстности. Генер. Длотовскій, по прибытіи въ Динабургъ, обнаружилъ настоящее положеніе дѣлъ, весь заговоръ тамошнихъ помѣщиковъ и развивавшійся мятежъ во всѣхъ сосѣднихъ уѣздахъ, какъ въ Витебской, такъ и въ Виленской губерніяхъ, при чемъ принялъ мѣры къ охраненію крѣпости Динабурга, въ которой все управленіе было въ рукахъ польскихъ чиновниковъ и почти не было для охраненія оной войскъ, кромѣ одного резервнаго баталіона и прибывающихъ для комплектованія его рекрутовъ. Динабургъ не былъ взятъ мятежниками по собственному ихъ безсмыслию, ибо не дождавшись предназначеннаго ими дня для взятія его (что было сдѣлать весьма легко), гр. Плятеръ, съ своими сообщниками, семью днями ранѣе кинулся на транспортъ и тѣмъ обнаружился ихъ замыселъ и вооруженный мятежъ. Старообрядцы, ненавидящіе поляковъ, давно видѣли ихъ приготовленія къ возстанію и при первомъ покушеніи Плятера всѣ вооружились, отбили транспортъ, разсѣяли шайку и взяли самаго Плятера. Не ограничиваясь самъ, старообрядцы отправились по Динабургскому и Рѣжицкому уѣздамъ укрощать мятежъ и тѣмъ самымъ отняли возможность сформироваться собиравшимся мятежнымъ бандамъ. Поляки испугались, въ особенности помѣщики, ибо увидѣли, что всѣ ихъ замыслы уничтожены одними старообрядцами, которые, за неимѣніемъ войскъ, сами усмирили мятежъ въ Динабургскомъ уѣздѣ. Вотъ причина всѣхъ возгласовъ, бывшихъ въ Петербургѣ, противъ старообрядцевъ, которые подверглись бы страшному гоненію отъ нашего правительства за исполненіе ими вѣрноподданнической присяги. Таково было настроеніе Петербургскаго управленія. Генераль Зеленый первый показалъ необходимость принять рѣшительныя мѣры противъ мятежа и противодействовать петербургскимъ дѣятелямъ.

По причинѣ возгоравшагося мятежа, я не признавалъ возможнымъ оставлять Россію и потому отложилъ предположеніе о поѣздѣ за границу.

17-го апрѣля 1863 г., въ день рожденія Государя, я былъ на маломъ выходѣ въ церкви; тамъ только и говорили о Динабургскомъ произшествіи. Государь подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— „Слышали-ли вы, что случилось въ Динабургѣ?“ Я отвѣчалъ его величеству, что слышалъ и что этого ожидать надо было не только въ Динабургѣ, но и вездѣ въ Западныхъ губерніяхъ, и въ особенности въ Ковенской (надо замѣтить, что до апрѣля мѣсяца Ковенскій губернаторъ и Виленскій генераль-губернаторъ увѣряли, что въ Самогитіи все спокойно и никакихъ нѣтъ приготовленій въ мятежу, тогда какъ тамъ было все его основаніе). Государь отвѣчалъ мнѣ, что „послалъ туда полкъ и надѣется, что все это будетъ прекращено“. Я же старался его увѣрить въ противномъ, прибавивъ, что уже болѣе 30-ти лѣтъ знаю тотъ край и что тѣ фамиліи, которыя замѣшаны въ Динабургскомъ дѣлѣ, участвовали и въ мятежѣ 1831 года. Тѣмъ и прекратился разговоръ мой съ Государемъ.

Между тѣмъ возстаніе европейскихъ державъ противъ насъ увеличилось; повидимому готовились грозныя силы и въ особенности во Франціи, гдѣ польскіе революціонеры съ необыкновеннымъ успѣхомъ вооружали общее мнѣніе противъ насъ. Правительство наше готовилось къ отпору.

Войска наши были въ самомъ неустроенномъ положеніи и только что формировались изъ кадровъ. Баталіоны, квартировавшіе въ Западномъ краѣ, наполнялись рекрутами, которые въ апрѣлѣ мѣсяцѣ едва прибывали въ оныя и не были ни вооружены, ни одѣты. Въ Литвѣ стояли одни только: 1-я пѣхотная и 1-я кавалерійская дивизіи, съ которыми можно было предпринять войну; остальные же ¹⁾ едва только могли бороться съ мятежными бандами. Правительство вынуждено было отправить въ Литву 2-ю

---

¹⁾ Въ Гродненской губерніи—2-я пѣхотн. дивизія, въ Мясской губерніи 3-я пѣхотн. дивизія; впрочемъ 2-я дивизія скоро была отправлена въ Царство Польское, по настоятельнымъ требованіямъ тамошней власти. Гр. М. М.

гвардейскую пѣхотную дивизію, потому что тамъ не было войскъ, и на случай войны съ Европой нельзя было дать отпора ¹⁾

Въ виду европейскаго напора и могущихъ быть военныхъ дѣйствій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г., вызванъ былъ сюда (въ Петербургъ) братъ мой ген.-адъют. Николай Николаевичъ для совѣщанія о защитѣ всего побережья отъ Свеаборга, въ Финляндіи, до границъ Пруссіи.

II.

25-го апрѣля 1863 г. братъ мой былъ у Государя, и, какъ я послѣ узналъ, Государь былъ очень разстроенъ полученными изъ Литвы свѣдѣніями. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія брата отъ государя, чтобъ узнать о ходѣ дѣлъ на Западѣ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ отъ Государя фельдъегерь съ приглашеніемъ меня къ нему. Я немедленно отправился во дворецъ и нашелъ въ аванзалѣ Государя одного министра иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчакова, очень смущеннаго. Я у него спросилъ, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ Государь меня потребовалъ и кто теперь у государя? Онъ отвѣчалъ, что у его величества еще мой братъ и что государю угодно со мной поговорить о дѣлахъ Западныхъ губерній. Не прошло пяти минутъ, братъ вышелъ отъ государя и сказалъ, что Государь меня требуетъ (ему Государь объявилъ о своемъ намѣреніи на счетъ меня).

Взойдя къ Государю, я его нашелъ весьма смущеннымъ. Онъ мнѣ рассказывалъ о положеніи Литвы и Царства Польскаго, обо всѣхъ своихъ опасеніяхъ относительно возможности удержать за нами Литву, въ особенности при европейской войнѣ, которую должно ожидать послѣ сдѣланныхъ намъ угрозъ Франціею и Англіею. При этомъ его величество сказалъ, что имѣеть до меня просьбу, чтобы я принялъ на себя управленіе Сѣверозападнымъ краемъ, съ командованіемъ всѣми войсками, въ немъ расположен-

¹⁾ Чтobъ судить до какой степени правительство наше было непредусмотрительно и не подозрѣвало даже мятежа въ Царствѣ Польскомъ и Западныхъ губерніяхъ, тогда какъ явные признаки онаго были видны въ 1860 и 1861 гг., можно замѣтить то, что оно съ 1862 г. распустило большую часть войскъ, такъ что мятежъ засталъ армію въ кадромомъ составѣ и не вооруженную, кромѣ нѣкоторыхъ дивизій.

ними, и съ присоединеніемъ къ четыремъ губерніямъ Виленскаго генераль-губернаторства, двухъ Бѣлорусскихъ; онъ надѣется, что я прекращу мятежъ и приведу тамъ все въ надлежащій порядокъ; что онъ даетъ мнѣ всѣ полныя права дѣйствовать по усмотрѣнію надобности и что отъ меня будетъ зависѣть, по укрощеніи мятежа, ежели пожелаю, или оставаться тамъ генераль-губернаторомъ, или возвратиться.

Предложеніе Государя было для меня совершенно неожиданно. Мнѣ и въ мысль не приходило, что я буду посланъ въ Литву, а въ особенности когда, оставляя министерство, я видѣлъ нерасположеніе Государя . . . . На предложеніе Государя я отвѣчалъ, какъ русскому, было бы безчестно мнѣ отказываться отъ исполненія возлагаемой нынѣ на меня его величествомъ обязанности: всякій русскій долженъ жертвовать собою для пользы отечества, и потому я безпрекословно принимаю на себя эту трудную обязанность генераль-губернатора въ томъ краю; что отъ его величества будетъ зависѣть приказать мнѣ оставаться тамъ столько времени, сколько онъ найдетъ это нужнымъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ прошу полнаго со стороны его величества довѣрія, ибо въ противномъ случаѣ не можетъ быть никакого успѣха. Я съ удовольствіемъ готовъ собою жертвовать для пользы и блага Россіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ желаю, чтобы мнѣ были даны и всѣ средства къ выполненію возлагаемой на меня обязанности, и, главнѣе всего, условиться предварительно въ системѣ дѣйствій; при чемъ я сказалъ его величеству, что нахожу дѣйствія по управленію Царствомъ Польскимъ вовсе несоотвѣтственными настоящимъ обстоятельствамъ; необходимо, чтобы какъ въ Западныхъ губерніяхъ, такъ и въ Царствѣ, была одна система, т. е. строгое преслѣдованіе крамолы и мятежа, возвышеніе достоинства русской національности и самаго духа въ войскѣ, которое теперь негодуетъ отъ того, что оно, будучи постоянно оскорбляемо поляками, не имѣло даже права противодѣйствовать ихъ буйству; что необходимо дать рѣшительный отпоръ иностраннымъ державамъ, которыя будутъ всѣми средствами опорочивать предлагаемую мною систему строгаго преслѣдованія мятежа и польскаго революціоннаго духа; что необходимо, дабы и министры его величества были проникнуты тою же системою и тѣми же мыслями, ибо, въ противномъ случаѣ, не можетъ быть успѣха въ дѣйствіяхъ на мѣ-

ствахъ. Все это, совокупно взятое, заставляетъ меня просить его величество еще разъ обсудить, не найдетъ ли онъ другое лицо для выполненія возлагаемаго теперь на меня порученія, система дѣйствій котораго привлекала бы въ себѣ болѣе расположенія Европы и петербургскихъ правительственныхъ лицъ. Я впередъ знаю, что система моихъ дѣйствій не будетъ нравиться; но я отъ нея отступить не могу и заявляю впередъ, ибо знаю довольно народъ польскій и увѣренъ, что уступчивостію и послабленіями мы только ухудшимъ дѣло, а единственно мѣрами строгой справедливости и преслѣдованія крамолы мы можемъ возстановить спокойствіе въ краѣ. При этомъ я выразилъ его величеству мое убѣжденіе, что край тотъ искони русскій, что мы сами его ополчили, и что опытъ 1831 г. намъ не послужилъ въ пользу и что теперь надо рѣшительно подавить мятежъ и уничтожить крамолу и возстановить русскую народность и православіе въ краѣ. Говоря о политическомъ и нравственномъ положеніи края, я ссылался его величеству на пріобрѣтенный мною опытъ въ распознаваніи польскаго характера и враждебныхъ его противъ Россіи направленій; что въ бытность мою въ томъ краѣ, т. е. въ Витебскѣ—вице-губернаторомъ, въ Могилевѣ и въ Гроднѣ—губернаторомъ, и находившись во время всего похода 1831 года въ Литвѣ при главнокомандующемъ, графѣ Толстомъ, который ввѣрилъ мнѣ всѣ распоряженія по гражданской части во время мятежа, я могъ узнать, какъ тотъ край, такъ и революціонные замыслы и польскія крамолы.

На все это Государь мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня благодарить за самоотверженіе и готовность принять эту трудную обузу, что онъ вполне раздѣляетъ мой образъ мыслей, предлагаемую систему и отъ оной не отступить.

Весь этотъ разговоръ съ Государемъ былъ такъ неожиданъ, что когда мнѣ Государь сказалъ, что поэтому можно отдать въ приказъ о назначеніи меня генералъ-губернаторомъ, я просилъ его еще повременить и приказать своимъ министрамъ со мною объясниться по дѣламъ Западныхъ губерній, дабы я могъ разъяснить имъ мой взглядъ на управленіе тамошними краемъ, ибо я долженъ быть увѣренъ, что и министры будутъ мнѣ во всемъ содѣйствовать. Государь на это согласился и сказалъ:

— „Я поручаю вамъ объясниться по этому дѣлу, въ видѣ

комитета, съ кн. Долгоруковымъ, военнымъ министромъ Милютинымъ, министромъ государственныхъ имуществъ Зеленымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ; но прошу васъ только ускорить этимъ, ибо время не терпитъ; по окончаніи съ ними соглашенія, вы мнѣ напишите, и я васъ тотчасъ призову для окончательныхъ мѣроположеній“.

Во исполненіе высочайшей воли, 27-го числа апрѣля 1863 г. мы окончили совѣщаніе. Министры всѣ были со мною согласны на словахъ, хотя видимо было, что кн. Долгоруковъ и Валуевъ колебались; но видя трудность положенія дѣлъ, вынуждены были согласиться, ибо, какъ я выше сказалъ, страхъ (?) обуялъ ихъ всѣхъ.

28-го числа апрѣля я былъ уже у Государя, объявилъ ему соглашеніе съ министрами и представилъ его величеству нѣкоторые вопросы по управленію съ расширеніемъ правъ дѣйствія; на всѣ мои предположенія Государь изволилъ согласиться. Но вслѣдъ за тѣмъ я увидѣлъ уже возраждавшееся противодѣйствіе со стороны Валуева и Долгорукова. Имъ не нравились испрошенные мною права по управленію.

30-го апрѣля я опять былъ у Государя и замѣтилъ уже въ немъ нѣкоторую холодность, такъ что я вынужденъ былъ повторить ему, что не лучше ли послать другаго въ Западныя губерніи.

Государь прогнѣвался и сказалъ:

— „Я однажды высказалъ свои убѣжденія и не намѣренъ ихъ повторять“.

А когда я ему сказалъ, что его министры не совсѣмъ раздѣляютъ его убѣжденія, то онъ мнѣ съ нѣкоторою грубостью отвѣчалъ: „это неправда“.—Тогда я всталъ и сказалъ его величеству: „найдите другаго вмѣсто меня“.

Государь взялъ меня тогда за руку и просилъ извиненія въ неправильномъ выраженіи, которое вырвалось, какъ онъ говорилъ, невольнымъ образомъ. Я сказалъ Государю, что „неправды не говорю и еще разъ повторилъ: найдите другаго, который вашему величеству будетъ говорить правду“.

Тогда Государь меня обнялъ, просилъ еще разъ извиненія и чтобы я навсегда это забылъ, что такой у него „дурной характеръ, иногда высказываетъ противъ его желанія не должное слово“. Мы примирились и Государь спросилъ только: „и такъ я могу отдать въ приказахъ о вашемъ назначеніи?“

Я отвѣчалъ, что „когда и какъ будетъ угодно вашему величеству. Я согласенъ и сдѣлаю все, что могу для исполненія этого важнаго возлагаемаго на меня порученія. Я служу Россіи и готовъ жертвовать собою для нея и для вашего величества. Прошу только не оставлять жены и дочери“.

Мы обнялись съ Государемъ и расстались очень дружелюбно; но можетъ быть на сердцѣ у него что и осталось. При семъ Государь мнѣ повторилъ, что онъ желалъ бы, чтобы я скоро ѣхалъ, что дѣла въ Литвѣ очень плохи, что Назимовъ просить поскорѣе его смѣнить. Я просилъ у Государя, по крайней мѣрѣ, недѣлю времени, чтобы приготовиться, собрать людей и вообще русскихъ дѣятелей, ибо мнѣ одному дѣлать тамъ нечего, а въ особенности желалъ я устроить лучшее управленіе въ Бѣлороссіи прежде, чѣмъ прибуду въ Вильну, откуда было бы уже трудно распоряжаться, по случаю прекращенія всѣхъ внутреннихъ сообщеній мятежными шайками.

1-го мая 1863 г. отдано было въ привазѣ о назначеніи меня генераль-губернаторомъ шести сѣверозападныхъ губерній. До 12-го мая я оставался въ Петербургѣ, принимая людей на службу, входилъ въ сношенія съ министрами на счетъ различныхъ мѣроположеній, кои я признавалъ необходимыми, какъ въ отношеніи гражданскаго, такъ и военнаго устройства; былъ нѣсколько разъ у Государя въ Царскомъ Селѣ съ докладами.

Передъ отъѣздомъ представилась и императрицѣ, которая была въ большемъ смущеніи о положеніи дѣлъ въ Царствѣ и Западныхъ губерніяхъ. Она благодарила меня за рѣшимость и самоотверженіе и, между прочимъ, объясняя трудность положенія дѣлъ и о напорѣ противу насъ западныхъ державъ, сказала: „если бы мы могли удержать за собою хотя Литву“, а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи,—вотъ въ какомъ расположеніи были тогда сами царственныя лица.

12-го мая, помолившись въ Казанскомъ Соборѣ, въ 10 часовъ вечера, я отправился по желѣзной дорогѣ въ гор. Вильну. Грустно была разлука съ женою и съ дѣтьми. Меня провожали братъ Николай Николаевичъ (Муравьевъ-Карскій), Зеленой и многіе другіе.

III.

Я, скрѣпя сердце, разстался со всѣми, полагая одну надежду на помощь Божию, ибо я видѣлъ, что въ Петербургѣ не будетъ мнѣ никакой (?) опоры; въ краѣ я также не могъ ожидать ничего благоприятнаго, ибо всѣ шесть губерній были охвачены пламенемъ мятежа; правительственной власти нигдѣ уже не существовало; войска наши сосредоточивались только въ городахъ, откуда дѣлались экспедиціи, какъ на Кавказѣ въ горы; всѣ же деревни, села и лѣса были въ рукахъ мятежниковъ. Русскихъ людей почти нигдѣ не было, ибо всѣ гражданскія должности были заняты поляками. Вездѣ кипѣлъ мятежъ и ненависть и презрѣніе къ намъ, къ русской власти и правительству; надъ распоряженіями генераль-губернатора смѣялись и никто ихъ не исполнялъ. У мятежниковъ были вездѣ, и даже въ самой Вильнѣ, революціонные начальники; въ уѣздныхъ городахъ окружные и парафіальные; въ губернскихъ городахъ цѣлыя полныя гражданскія управленія, министры, военные революціонные трибуналы, полиція и жандармы, словомъ цѣлая организація, которая безпрепятственно, но вездѣ дѣйствовала, собирала шайки, образовывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятежъ, и все это дѣлалось гласно для всего польскаго населенія и оставалось тайною только для одного нашего правительства. Надо было со всѣмъ этимъ бороться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уничтожать вооруженный мятежъ, который болѣе всего занималъ правительство. Генераль-губернаторъ ничего этого не видалъ; русскія власти чувствовали только свое безсиліе и вообще презрѣніе къ нимъ поляковъ, ознаменовавшееся всевозможными дерзостями и неуваженіемъ даже къ самому войску, которому приказано было все терпѣть и переносить съ самоотверженіемъ; такъ все это переносили русскіе и даже само семейство генераль-губернатора было почти оплевано поляками.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи находился край, когда я прибылъ въ Вильну 14-го мая 1863 г., къ 3 часамъ пополудни.

Дорогою я остановился ночевать въ Динабургѣ съ 13-го на 14-е число мая. Я былъ боленъ и притомъ крѣпко усталъ. Мнѣ необходимо было видѣть также власти динабургскія, чтобъ узнать о поло-

женіи края, ибо въ Петербургѣ ничего не знали. Генералъ Дзотовскій мнѣ подробно изложилъ все бѣдственное положеніе гражданскаго и военнаго управленія. Я здѣсь еще болѣе удостовѣрился въ необходимости принять строгія и рѣшительныя мѣры, ибо мятежь разгорался, поляки были увѣрены въ успѣхѣхъ, и увѣрили въ томъ все населеніе, такъ что даже русскіе старожилы въ томъ краѣ считали дѣло потеряннымъ и убѣждены были, что мы будемъ вынуждены уступить требованіямъ поляковъ, желавшихъ присоединенія къ независимой Польшѣ нашихъ западныхъ губерній. Никто не вѣрилъ, что правительство рѣшится на какія либо мѣры, не согласныя съ намѣреніями западныхъ державъ, и что оно уступить необходимости, т. е., что оно признаетъ законность польскихъ притязаній о возстановленіи Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Мнѣ было надо на первыхъ порахъ разсѣять польскую дурь и возродить въ русскихъ и въ войскѣ увѣренность въ непоколебимости предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ. Словомъ, надобно было возстановить правительственную власть и довѣріе къ оной — безъ этого ничего нельзя было дѣлать. Задача трудная, но я, рѣшившись на всѣ самопожертвованія, какъ матеріальныя, такъ и моральныя, съ полнымъ упованіемъ на Бога, взялся за дѣло.

Въ Динабургѣ я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для охраненія его отъ мятежныхъ покушеній и призвавъ предводителя дворянства и бывшихъ въ городѣ дворянъ, громогласно, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, высказалъ имъ свой взглядъ на дѣло и ту систему, которой буду руководиться въ моихъ дѣйствіяхъ. Чтобы выказать свою рѣшимость дѣйствовать не на словахъ, а на дѣлѣ, я тутъ же приказалъ отдать подъ строгій надзоръ полиціи предводителя дворянства, который явнымъ образомъ показывалъ увѣренность, что польское дѣло останется торжествующимъ. Это былъ двоюродный братъ того Плятера, который напалъ на транспортъ съ оружіемъ и впоследствии былъ разстрѣлянъ. Но моимъ словамъ еще мало вѣрили, ибо въ продолженіе почти десяти лѣтъ не было никакого управленія и власти въ краѣ, и поляки вездѣ господствовали, такъ что даже войска были наполнены офицерами польскаго происхожденія, бывшими по большей части въ заговорѣ и многіе изъ нихъ ушли въ лѣсъ для формированія швекъ. Римско-като-

лическое духовенство было вездѣ во главѣ польской пропаганды, раздувало мятежъ и внушало это всѣмъ отъ мала до велика, даже и на исповѣди. Усмотрѣвъ въ Динабургѣ, что главнѣйшія силы мятежниковъ совокупляются въ лѣсахъ за Двиною, въ Ново-александровскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, я присоединилъ эти два уѣзда къ району дѣйствій генерала Длотовскаго.

Въ Вильнѣ я былъ принятъ генералъ-губернаторомъ очень радушно, онъ угостилъ обѣдомъ меня со всѣмъ штабомъ (прибывшими изъ Петербурга военными и гражданскими чиновниками). Назимовъ, повидимому, былъ доволенъ моимъ прїѣздомъ, ибо дѣйствительно находился въ безвыходномъ положеніи; онъ не зналъ и не понималъ ни края, ни обстоятельствъ, среди которыхъ находился, и видѣлъ только, что все идетъ очень дурно; былъ крайне недоволенъ петербургскими властями и въ особенности министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому онъ неоднократно писалъ о необходимости измѣнить систему уступчивости и, такъ называемой, легальности, которыми . . . . . хотѣла побороть мятежъ. Назимовъ не могъ мнѣ ничего рассказать о положеніи края, послѣ обѣда, провожая меня на верхъ въ мой кабинетъ, пригласилъ только зайти въ церковь посмотреть изготовленные имъ ризницы, разложенныя нарочно для показа на столахъ и потомъ объяснилъ только, что около дома всѣ посадки вустарниковъ сдѣланы его женою. Въ отношеніи края онъ ничего не могъ указать, кромѣ реляцій, получаемыхъ ежедневно отъ военныхъ начальниковъ о встрѣчѣ съ мятежниками, въ которыхъ они выставляли блистательныя побѣды надъ огромными будто бы бандами мятежниковъ, тогда какъ большею частію шайки эти были самыя ничтожныя и рѣдко превосходили 300—500 человекъ. Объ секретной же организаціи мятежа, Назимовъ и понятія не имѣлъ; когда же я у него спросилъ какія онъ имѣетъ средства для секретныхъ дознаній о мятежѣ, то онъ объяснилъ мнѣ, что поручаетъ ихъ своему племяннику Мясоѣдову, котораго и рекомендовалъ для этого и еще одного извѣстнаго..... еврея, подрядчика Алпатова.

Я былъ весьма затрудненъ пребываніемъ Назимова въ Вильнѣ, тѣмъ болѣе, что отъ него узнать ничего не могъ и былъ очень доволенъ, узнавъ, что онъ черезъ два дня уѣдетъ, ибо онъ только мнѣ мѣшалъ пустыми рассказами и просьбами протевцій разнымъ чиновникамъ.

о томъ, что всту-
 я приемъ чиновниковъ,
 Вильнѣ; но передъ этимъ
 вмѣстѣ съ Назимовичъ,
 соборъ, гдѣ нашегъ убитого
 товарищами своими, ожидав-
 ланихида; — это первое явленіе
 грустное впечатлѣніе. Возвратившись
 дворца наполненными.

меня съ большимъ радушіемъ и радостію,
 пѣхотной дивизіи, ибо они увѣрены бы-
 системы управленія
 и позволявшіе себѣ всевозмож-
 при встрѣчѣ съ русскими, скоро
 кромѣ русскихъ, бывшихъ въ небольшомъ
 въ виднымъ неудовольствіемъ, а въ осо-
 предводители дворянства и городское общество, преиму-
 щественно католическое. Евреи же играли двусмысленную роль
 и выказывали будто бы радость, но это было притворно, ибо они
 тайно содѣйствовали мятежу и даже помогали оному день-
 гами. Римско-католическое духовенство было принято мною въ
 особой заѣ, и на лицахъ, и изъ разговоровъ ихъ, въ особенно-
 сти же епископа Красинскаго, замѣтна была полная увѣрен-
 ность, что я не успѣю подавить мятежъ. Я всѣмъ представляв-
 шимся высказалъ предназначенную себѣ систему дѣйствій, т. е.
 строгое и справедливое преслѣдованіе мятежа и кралома, не взи-
 рая ни на какія лица, и потому выражалъ надежду найти въ
 нихъ самыхъ усердныхъ помощниковъ, причемъ совѣтовалъ тѣмъ,
 которые не раздѣляютъ этихъ убѣжденій, оставить службу:
 ибо въ противномъ случаѣ я самъ немедленно ихъ отъ оной
 уволю и предамъ законной отвѣтственности. Всѣ они болѣе мол-
 чали, вѣроятно желая убѣдиться на опытѣ въ твердости моихъ
 камѣреній и не буду-ли я вынужденъ уступить и подчиниться
 (другой) системѣ . . . . .

Епископъ Красинскій такъ былъ убѣжденъ въ неисполни-
 мости моихъ предположеній, что онъ мнѣ съ улыбкою отвѣчалъ:
 — „Какой здѣсь мятежъ? Здѣсь просто погоня за нѣсколькими не-

чи повстанцами; за ними гоняется войско въ лѣсахъ, какъ и“.

чѣтательнѣй былъ разговоръ жандармскаго окружнаго гильдебрандта, который во всеуслышаніе обвинялъ Длотовскаго въ потачкѣ старообрядцевъ, уничтожившайву графа Плятера. Онъ старался доказать въ присутствіи поляковъ, всѣхъ чиновниковъ и римско-католическаго духовенства, что тамъ мятежа не было, а что это чистый грабежъ и разбой старообрядцевъ и вообще русскихъ мужиковъ.

Я заставилъ его молчать и когда всѣ уже разошлись, высказалъ генералу Гильдебрандту, что я подобныхъ ему лицъ, во вѣренномъ мнѣ краѣ, оставлять не могу, что жандармерія должна мнѣ помогать, а не противодействовать и, еще менѣе, ободрять поляковъ и обвинять русскихъ за то, что они исполнили обязанности вѣрноподанныхъ; что засимъ я съ нимъ служить не буду и прошу отправиться въ Петербургъ въ шефу жандармовъ, которому напишу о немъ для доклада Государю, съ просьбою о замѣнѣ его другимъ. Гильдебрандтъ былъ удивленъ моею рѣшимостью, ибо онъ привыкъ по своему произволу распоряжаться дѣйствіями главнаго мѣстнаго начальства. Черезъ недѣлю Гильдебрандта уже не было въ Вильнѣ и Долгоруковъ, хотя съ видимымъ неудовольствіемъ, вынужденъ былъ его уволить отъ занимаемой должности.

16-го мая выбрался изъ Вильны и генераль-адъютантъ Назимовъ, — я только тогда могъ свободно распоряжаться чиновниками, которые болѣе или менѣе, при малой благонадежности, состояли подъ особымъ покровительствомъ или самаго Назимова, или его семейства.

IV.

Первое время пребыванія моего въ Вильнѣ было крайне затруднительно. Я долженъ былъ потерять по крайней мѣрѣ недѣлю, чтобы ознакомиться какъ съ разными личностями, коимъ поручено было управленіе, такъ и вообще съ ходомъ дѣлъ, т. е. съ политическимъ положеніемъ края. Меня особенно заботило положеніе войскъ и правильное ихъ распредѣленіе на огромномъ

протяженіи вѣреннаго мѣ края, для преграды бродившимъ вездѣ шайкамъ.

Всѣму успѣху дѣла я обязанъ гвардейцамъ. И въ нихъ нашелъ самыхъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ сотрудниковъ. Они съ радушіемъ принимали всѣ возлагаемыя на нихъ обязанности, какъ военныя такъ и гражданскія, и исполняли ихъ отлично; даже въ солдатахъ было замѣчено особое стремленіе къ подавленію мятежа: они на все шли съ самоотверженіемъ, ихъ много ободрило данное мною приказаніе, чтобы нигдѣ не давали спуска полявамъ, которые бы осмѣлились быть дерзкими въ отношеніи къ нимъ; я приказалъ всѣхъ таковыхъ немедленно брать подъ арестъ и отправлять къ коменданту; эта повидимому маловажная мѣра значительно однако же поддѣйствовала на упадокъ духа поляковъ: они увидали, что возстановляется значеніе правительства и должное уваженіе въ русскимъ.

Для обузданія мятежа необходимо было, кромѣ возвышенія духа въ войскѣ и вообще въ русскихъ дѣятеляхъ, преподать правила для управленія на мѣстахъ, т. е. инструкцію съ подробнымъ изложеніемъ обязанностей военныхъ начальниковъ и другихъ лицъ, коимъ вѣрялись участки. Главное состояло въ раздѣленіи всего края и всѣхъ уѣздовъ на соотвѣтственные, соображаясь съ обстоятельствами и ходомъ мятежа, военные отдѣлы, съ подраздѣленіемъ оныхъ на участки, которые, съ полными правами главнаго распорядителя, вѣрялись особо назначеннымъ для сего лицамъ, съ полнымъ подчиненіемъ имъ всего населенія въ тѣхъ отдѣлахъ. Написавъ подробную инструкцію военнаго полицейскаго управленія и обозначивъ въ оной ту систему, которой я предполагалъ руководствоваться при управленіи краемъ, съ обозначеніемъ обязанностей каждаго военнаго начальника къ прочимъ властямъ и лицамъ, равно съ полною отвѣтственностію тѣхъ и другихъ, я разослалъ ее повсемѣстно, къ точному и непремѣнному исполненію, сдѣлавъ распредѣленіе участковъ и постепенно назначая въ оныя благонадежныхъ, по возможности, начальниковъ, съ подчиненіемъ имъ всѣхъ войскъ, въ частяхъ находящихся.

Инструкція эта приведена въ исполненіе съ 24-го мая 1863 г., и послужила краеугольнымъ камнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженій по укрощенію мятежа и устройству края.

Къ этому времени я получалъ первое утѣшительное сочув-

ственное заявленіе къ монѣмъ дѣйствіямъ, изъ Москвы, отъ митрополита Филарета, который прислалъ мнѣ икону св. Архистратига Михаила при письмѣ, съ выраженіемъ всей важности возложенной на меня обязанности, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіе церкви и Россіи и сильно поддержалъ меня нравственно на этомъ трудномъ поприщѣ. Знаменательное письмо его слѣдующаго содержанія ¹⁾).

„Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро царское слово васъ вызвало на защиту и умиротвореніе Отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя, не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ царю и отечеству.

„Вѣрные сыны Царя и Отечества узвали о семъ съ радостію и надеждою: ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда.

„Господь силъ да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира.

„Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго Архистратига, да идетъ предъ вами съ мечомъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ, вмѣстѣ съ симъ, въ благословеніе икону святаго Архистратига Михаила“.

На это письмо я отвѣчалъ слѣдующимъ:

„Глубоко коснулось сердца моего милостивое посланіе ваше и архиепископское благословеніе иконою святаго Архистратига Михаила. Пути Всевышняго неисповѣдимы;—я неожиданно призванъ волю Государя отъ жизни мирной на поприще брани, для подавленія кривоты и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворять край, карать вѣдущихъ преступниковъ мѣрами казни и крови. Человѣческій взоръ не можетъ прозрѣть сквозь завѣсу, покрывающую будущность этого дѣла.

„Исполняя долгъ вѣрнооуданнаго и русскаго, въ полномъ упованіи на Бога, я духомъ покоенъ и иду смѣло по пути, мнѣ свыше предопредѣленному. Съ содѣйствіемъ доблестнаго воинства нашего, въ успѣхѣ сомнѣваться не смѣю.

„Повергая себя и порученное мнѣ дѣло умиротворенія литовскаго края архиепископскому благословенію и святой молитвѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ и т. д.“.

Между тѣмъ я занялся устройствомъ самаго города Вильны и учрежденіемъ въ ономъ полиціи, которой не существовало, такъ что начальники шаяекъ, окружавшихъ городъ и вообще всѣ пов-

¹⁾ Письмо это напечатано въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Любителей Духовн. Просвѣщенія“ 1871 г. сент. стр. 34.

станцы получали все нужное изъ Вильны и сами проживали въ оной по нѣскольку дней—словомъ Вильна была арсеналъ и плацдарма мятежниковъ, снабжавшая ихъ ежедневно и значительнымъ числомъ новобранцевъ. Всякій день полиціймейстеръ представлялъ мнѣ свѣдѣнія объ ушедшихъ въ мятежъ обывателяхъ, среднимъ числомъ отъ 40—50 человекъ въ сутки; останавливать ихъ войсками не было возможности, ибо городъ открытый.

Я прибѣгнулъ къ мѣрѣ обложенія штрафами, которая въ результатѣ оказалась очень удачною. Приказано было домохозяевъ, а также мастеровъ, трактирщиковъ и другихъ облагать штрафомъ отъ 10—25 рублей за каждаго ушедшаго отъ нихъ человека въ мятежъ и взыскивать штрафъ неукоснительно, продавая послѣднее имущество. Такимъ образомъ были обложены монастыри и приходское римско-католическое духовенство за всякаго уходившаго изъ ихъ среды въ мятежъ по 100 рублей, а при возобновеніи побѣговъ—штрафъ велѣно было удваивать. За ношеніе траура также приказано было взыскивать 25 р. штрафу и удваивать при повтореніи. Мѣрами этими, приводимыми строго и немедленно въ исполненіе, прекратились всѣ упомянутыя неурядица и изъ города уже рѣдко стали уходить кой какія неприютныя лица въ мятежъ. Ксендзы же и монахи, заплативши нѣсколько сотъ рублей штрафу, перестали уходить въ шайки; но тѣмъ не менѣе, оставаясь въ Вильнѣ, они тайно и явно содѣйствовали и раздували пламя мятежа. Самъ епископъ Красинскій былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей онаго. Всѣ эти мѣры и многія другія, о которыхъ не упоминаю, ибо одно перечисленіе ихъ было бы затруднительно, а многія изъ нихъ напечатаны и достаточно извѣстны, принесли видимую пользу и утишили польскія революціонныя манифестаціи; но этого было слишкомъ мало, надо было приступить къ болѣе важнымъ мѣропозложеніямъ и строгому преслѣдованію крамолы. Много было взято лицъ подъ стражу въ разное время за участіе въ мятежѣ; ими наполнены были всѣ тюрьмы, но, къ сожалѣнію, по большей части, ихъ дѣла не были окончены, даже не начаты. О тѣхъ же личностяхъ, кои были приговорены военными судами, не было постановлено конфирмацій, ибо опасались строгостью раздражить мятежниковъ.

Желая, напротивъ того, показать полякамъ, что правительство наше ихъ не страшится, я немедленно занялся разсмотрѣніемъ приго-

воровъ о болѣе важныхъ преступникахъ; конфирмовалъ ихъ и немедленно привазалъ исполнить приговоры въ Вильнѣ на торговой площади, въ самый полдень и съ оглашеніемъ по всему городу съ барабаннымъ боемъ. Я началъ съ ксендзовъ, какъ главныхъ дѣятелей мятежа: разстрѣляны были два ксендза въ теченіи недѣли. Поляки не вѣрили, что я рѣшусь на это; но когда увидѣли исполненіе сего на дѣлѣ, а не на словахъ, всѣхъ ихъ обуялъ страхъ. Вошло и крику было много въ городѣ и многіе даже убѣжали изъ него. Епископъ Красинскій болѣе другихъ испугался казни ксендзовъ. Онъ боялся за себя и за свой капитулъ, и когда я потребовалъ, чтобы онъ циркулярно предписалъ римско-католическому духовенству противодѣйствовать мятежу, то онъ притворно сказался больнымъ и передалъ другому распоряженіе консисторію. Для примѣра другимъ я отправилъ его съ жандармомъ въ Вятку ¹⁾. Въ числѣ лицъ, находившихся подъ стражею, былъ раненый, бывший капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій, командовавшій самою большою шайкою въ Самогитіи, уничтоженною командиромъ финляндскаго полка генер. Ганецкимъ; также дворянинъ Колышко, начальникъ другой значительной шайки.

Я приказалъ ускорить производимыя о нихъ дѣла и также конфирмовалъ—обоихъ повѣсить.

Эти четыре примѣра сильно подѣйствовали на поляковъ и они стали удостовѣряться, что съ ними шутить не будутъ, и потому, по обычному польскому характеру, многіе искали уже у насъ покровительства, тѣ, которые навагунѣ съ гордостію называли себя возстановителями польской отчизны и гонителями москалей и монголовъ!

V.

Принимая мѣры къ уничтоженію повсюду скитавшихся мятежныхъ шаекъ, получавшихъ продовольствіе и вооруженіе отъ самихъ владѣльцевъ, которые тайно и явно содѣйствовали и покровительствовали мятежу, я скоро убѣдился, что однимъ оружіемъ не предстоить возможности подавить мятежъ, ибо весь

¹⁾ Гдѣ онъ и понынѣ (1866 г.) находится.

край былъ зараженъ мятежнымъ духомъ, поддерживаемымъ ксендзами, дворянствомъ и шляхтою, и потому необходимо было принять самыя рѣшительныя мѣры противъ владѣльцевъ, дающихъ пріютъ мятежникамъ, и въ открытію тайной организаціи, покрывавшей весь край.

Съ учрежденіемъ, какъ выше сказано, военно-полицейскаго управленія въ уѣздахъ и съ сосредоточіемъ власти въ рукахъ военныхъ начальниковъ, при распространеніи на всѣ шесть губерній военного положенія, я получилъ возможность учредить во всѣхъ уѣздахъ, болѣе участвовавшихъ въ мятежѣ, военно-слѣдственные комиссіи, независимо отъ таковыхъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, поручивъ дѣятельно заняться изслѣдованіями поступковъ всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ мятежѣ, подвергая ответственности и тѣхъ владѣльцевъ, которые давали пріютъ мятежникамъ и снабжали ихъ хлѣбомъ, оружіемъ, деньгами, не исключая и тѣхъ, которые, для прикрытія своей вины, утверждали, что они были вынуждены угрозами давать пособія мятежникамъ. А дабы болѣе поставить помѣщиковъ въ отвѣтственность за участіе въ мятежѣ, я распорядился, чтобы всѣ, которые жили по городамъ (будто бы для безопасности, но въ сущности для прикрытія только тайныхъ сношеній съ шайками, кои снабжались ими на мѣстахъ чрезъ управителей всѣмъ необходимымъ), отправиться немедленно въ свои деревни и тамъ отвѣтствовать за спокойствіе въ лѣсахъ и принадлежавшихъ имъ земляхъ, подъ опасеніемъ военного суда, въ случаѣ недонесенія ближайшей командѣ о прибытіи мятежниковъ. Совокупность этой и иныхъ принятыхъ мною мѣръ поставили мѣстное управленіе въ возможность захватить въ скоромъ времени главныхъ дѣятелей мятежа, тайно содѣйствовавшихъ развитію шайекъ, которыя сами собою начали уничтожаться, не имѣя опоры въ населеніи. Тогда и крестьяне, видѣвшие возстановленную силу правительства нашего, бывшіе столь долгое время подъ страхомъ истязанія и мучительныхъ казней, производимыхъ надъ ними мятежниками, съ содѣйствіемъ ксендзовъ, за преданность ихъ правительству, начали по немногу освобождаться отъ обуявшаго ихъ страха и содѣйствовать правительству въ открытію считающихся еще въ лѣсахъ мятежныхъ скопищъ, такъ что въ скоромъ времени можно было образовать изъ самихъ крестьянъ сель-

скую вооруженную стражу, которая повсюду содѣйствовала войскамъ въ окончательному истребленію мятежниковъ.

Нельзя не удивляться, какимъ образомъ главное мѣстное управленіе въ краѣ могло быть такъ недалновидно и безпечно, что попустило полное уничтоженіе правительственной власти и уваженія къ ней, такъ что никто уже не вѣрилъ, чтобы въ краѣ томъ могло быть восстановлено русское правительство; даже и крестьяне въ этомъ были убѣждены.

Манифестъ 19-го февраля 1861 г. о прекращеніи крѣпостнаго права, по слабости и безпечности начальства, не былъ даже введенъ въ дѣйствіе. Крестьяне еще въ началѣ 1863 года во многихъ мѣстахъ отправляли барщинную повинность, или платили немовѣрные оброки тамъ, гдѣ была прекращена барщина. Мировые посредники были всѣ избраны изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и болѣею частію были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями онаго; въ уѣздахъ и въ городахъ учреждены были сѣзды помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ для общихъ стоговоровъ по устройству мятежа и увлеченію въ оный самихъ крестьянъ. Въ Вильну были вызваны всѣ почти помѣщики и мировые посредники въ февралѣ 1863 г. будто бы для обсужденія по крестьянскому дѣлу; но на этомъ и на подобномъ же сѣздѣ въ Ковно были положены начала для дѣйствій по мятежу и соединились объ партіи, такъ называемыхъ, бѣлыхъ и красныхъ, при чемъ избраны для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ по два делегата, которые бы наблюдали за дѣйствіями предводителей дворянства и самаго правительства—и все это дѣлалось явно въ глазахъ того же правительства; генераль-губернаторъ не имѣлъ рѣшимости прекратить эти мятежныя манифестаціи. Я уже не говорю о тѣхъ манифестаціяхъ, которыя продолжались съ 1860-го по 1863-й годъ въ разныхъ видахъ повсемѣстно, въ костелахъ, на улицахъ, народныхъ гульбищахъ и вообще вездѣ, гдѣ только было можно; собирались сотни и тысячи народу и пѣли гимны объ освобожденіи Польши отъ ига москалей со всевозможными ругательствами. Учрежденные, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, полицейскіе суды, составленные изъ тѣхъ же дворянъ, служили только посмѣшищемъ надъ безсиліемъ нашего правительства. Полицейскихъ чиновниковъ, которые рѣшались доводить до свѣдѣнія начальства о сихъ сборищахъ, толпы били и съ ругательствами

вытаскивали изъ костеловъ и тому подобныхъ мѣстъ. Когда однажды генераль-губернаторъ рѣшился взять подъ стражу нѣсколькихъ гимназистовъ, пѣвшихъ въ костелѣ гимны, то толпы женщинъ всѣхъ сословій пришли къ нему во дворецъ на выручку ихъ; генераль-губернаторъ вынужденъ былъ удалиться во внутренніе покои, и, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, арестованные были выпущены, а женщины удалились, узнавъ, что приказано было привести пожарныя трубы. Описывать всѣ дерзкіе поступки обывателей въ Вильнѣ было бы излишне—они довольно всѣмъ извѣстны.

Положеніе 19-го февраля было превратно истолковано крестьянамъ, при составленіи же уставныхъ грамотъ отняты у нихъ лучшія земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими ихъ средства; крестьянамъ объявили, что въ этомъ заключается дарованная Государемъ милость и свобода, и что ежели они пойдутъ въ мятежъ и будутъ помогать польскому правительству, то отдастся имъ вся земля даромъ и они не будутъ платить никакихъ податей; между тѣмъ, тѣхъ крестьянъ, которые не платили возвышенныхъ оброковъ, подвергали строгимъ наказаніямъ, заключали въ тюрьмы, и малосмысленное мѣстное главное начальство, по ходатайству тѣхъ мировыхъ посредниковъ и помѣщиковъ, посылало войско для усмиренія мнимыхъ крестьянскихъ бунтовъ.

Въ началѣ мая мѣсяца 1863 г. большая часть мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ предводителей дворянства, и нѣкоторые изъ польскихъ чиновниковъ (еще при бывшемъ генераль-губернаторѣ) прислали просьбы объ увольненіи ихъ отъ службъ: въ просьбахъ сихъ употреблялись самыя дерзкія на счетъ правительства выраженія, въ томъ смыслѣ, что будто бы оно возмущаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и готовить Галиційскую рѣзню; что посему мировые посредники и предводители дворянства, въ томъ числѣ и губернскіе: Гродненскій—Старжинскій и Минскій—Лаппа, признавали неприличнымъ служить такому правительству; цѣль же ихъ существенно заключалась въ томъ, чтобы возбудить общее негодованіе помѣщиковъ противъ правительства и склонить ихъ къ болѣе усердному содѣйствію мятежу, во главѣ коего они сами находились.

Генераль-адъютантъ Назимовъ былъ испуганъ этимъ общимъ заговоромъ чиновниковъ, оставлявшихъ службу, какъ видно, по

привязанію революціоннаго жонда; нѣкоторыхъ онъ уговаривалъ остаться на службѣ, а большую часть просьбъ оставилъ безъ разрѣшенія, ожидая, вѣроятно, моего прибытія.

Полагая, что на эту дерзкую манифестацію слѣдуетъ отвѣтствовать рѣшительной мѣрой, я распорядился немедленно отрѣшить отъ должностей всѣхъ просившихъ объ увольненіи; а тѣхъ изъ мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, которые въ просьбахъ своихъ употребили дерзкія выраженія, или замѣчены были въ тайныхъ сѣздахъ и заговорахъ противъ правительства, приказалъ, арестовавъ, доставить въ губернскіе города, подъ строгій надзоръ полиціи; болѣе виновныхъ содержать подъ строгимъ карауломъ, предавъ ихъ на мѣстѣ военному суду; мировыя же учрежденія во всѣхъ четырехъ, такъ называемыхъ, Литовскихъ губерніяхъ, какъ дѣйствовавшія во вреду правительства и къ угнетенію крестьянъ, окончательно закрыть, поручивъ огражденіе крестьянъ отъ притѣсненія владѣльцевъ военнымъ начальникамъ и уѣздной полиціи, которую постепенно наполнялъ русскими чиновниками.

Принятая противъ лицъ, подавшихъ заговоромъ въ отставку, мѣра произвела всеобщій страхъ; многіе изъ неблагонадежныхъ мировыхъ посредниковъ и предводителей дворянства были отправлены на житье въ отдаленныя губерніи, съ себестромъ ихъ имуществъ, другіе же содержались подъ стражею до окончанія о нихъ военно-судныхъ дѣлъ; затѣмъ не только превратилась подача просьбъ объ увольненіи, но многіе стали просить о помилованіи и возвращеніи къ должностямъ; симъ послѣднимъ было, конечно, отказано; но польскій чиновничій міръ, хотя наружно, смирился. Оставались еще изъ губернскихъ предводителей два главные дѣятеля мятежа: минскій—Лаппа и исправляющій должность гродненскаго—гр. Старжинскій. Лаппа, какъ одинъ изъ руководителей дѣла, былъ привезенъ арестованнымъ въ Вильну и отправленъ въ Пермскую губернію; графа же Старжинскаго я приказалъ привезти въ Вильну, гдѣ, держа его подъ арестомъ, произвести надъ нимъ военный судъ.

Старжинскій былъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ польской пропаганды и мятежа. (Онъ уже прежде сего былъ за участіе въ политическихъ заговорахъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ и служилъ рядовымъ). Въ 1856 году былъ прощенъ и, вмѣстѣ съ прочими,

возвращенъ на родину, избранъ гродненскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и исправлялъ съ 1861 года должность губернскаго. Онъ умѣлъ вкратчѣ въ ближайшее знакомство съ главными нашими властями въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ тайныя сношенія со всѣми заграничными революціонными агентами и особенно съ варшавскими; тамъ ему покровительствовала Веліопольскій. Будучи протезированъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ представлялъ ему прозеты о восстановленіи Литвы, отдѣльной отъ Россіи, но соединенной съ Польшей, увѣряя, что этимъ однимъ можно усмирить продолжающееся болѣе трехъ лѣтъ революціонное волненіе въ краѣ; покровительствуемый такимъ образомъ Валуевымъ, кн. Долгоруковымъ и иными лицами, которые, по несчастію, тогда признавали, какъ и нынѣ еще, (1866 г.), весь Западный край не русскимъ, но искони будто бы польскимъ, Старжинскій былъ представленъ Государю, ему даже отведена была квартира во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ и онъ не однажды удостоивался быть у Государя, прочитывая ему свои прозеты; зимою же 1862 г. онъ даже былъ приглашенъ сопровождать Государя въ Москву, гдѣ находился все время пребыванія тамъ Его Величества, стараясь всѣми мѣрами доказать, что надо смирить поляковъ кротостію, милостію и восстановленіемъ границъ 1772-го года.

Такъ велико было заблужденіе въ высшихъ сферахъ правительства нашего, что Старжинскому вѣрили какъ оракулу и тайно разрѣшено ему было сообщить министру внутреннихъ дѣлъ свой взглядъ на дѣло для будущаго усвоенія края. Старжинскій, по возвращеніи въ 1862 г. въ Гродно, не хотѣлъ уже и знать генераль-губернатора и показывалъ ему полное пренебреженіе, рассказывая всѣмъ о блистательномъ приѣмѣ Государемъ и о покровительствѣ петербургскихъ властей; подъ симъ обаяніемъ онъ овладѣлъ всѣми умами безумной польской интеллигенціи въ краѣ; всѣ поляки смотрѣли на него, какъ на будущаго избавителя, смѣло уже пренебрегавшаго мѣстную правительственную власть.

.....Въ февралѣ 1863 г., когда вспыхнулъ мятежъ, Старжинскій рѣшился дѣйствовать уже самостоятельно, написалъ дерзкія письма Государю и министру внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ обвинялъ правительство въ допущеніи будто бы демократическихъ началъ и въ восстановленіи крестьянъ противъ владѣльцевъ, также

въ принятіи строгихъ мѣръ къ гоненію польскаго начала въ краѣ и въ употребленіи вооруженной силы противъ онаго (тогда какъ, напротивъ того, правительство безнаказанно допускало распространеніе революціонныхъ началъ и только принимало полумѣры для прекращенія манифестацій и начавшейся рѣзни отдѣльныхъ русскихъ командъ), объявляя, что засимъ онъ не считаетъ себя обязаннымъ служить правительству въ качествѣ предводителя дворянства и слагаетъ съ себя это званіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ о томъ всѣмъ гродненскимъ уѣзднымъ предводителямъ, дабы и они послѣдовали его примѣру, что и было ими исполнено. Министръ внутреннихъ дѣлъ, не признавая (?) въ этомъ поступкѣ ничего противнаго чести поляка и обязанности вѣрно-подданнаго, исходатайствовалъ всемілостивѣйшее увольненіе его отъ должности по прошенію, съ тѣмъ только, чтобъ онъ оставался на жительствѣ въ Гроднѣ.

Генераль-губернаторъ Назимовъ, находя пребываніе Старжинскаго въ Гроднѣ, по связямъ его съ революціонерами, вреднымъ и опаснымъ для края, поступокъ же въ высшей степени дерзкимъ и противозаконнымъ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы подвергнуть его законной отвѣтственности, но министръ внутреннихъ дѣлъ, подъ разными предлогами, оттягивая дѣло, не давалъ никакого отвѣта. По прибытіи въ Вильну и удостовѣрившись въ вредѣ, приносимомъ Старжинскимъ въ Гроднѣ, я приказалъ доставить его арестованнымъ въ Вильну, гдѣ и предалъ его военному суду, извѣстивъ о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы онъ доставилъ всю бывшую съ нимъ и о немъ переписку. Само собою разумѣется, что министръ не смѣлъ противорѣчить, но доставилъ мнѣ кое-какія неполныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Старжинскаго въ Петербургѣ.

Все то, что выше сказано было, найдено въ собственныхъ бумагахъ Старжинскаго. Военный судъ, на точномъ основаніи законовъ, приговорилъ его въ каторжной работѣ; но и здѣсь петербургская интрига старалась вредить этому дѣлу: постоянно требовались, по высочайшему повелѣнію, свѣдѣнія о ходѣ онаго, видимо съ цѣлію прикрыть нелѣпыя дѣйствія и сношенія съ Старжинскимъ министра внутреннихъ дѣлъ, и таеъ какъ Старжинскій, въ оправданіе своихъ поступковъ, ссылался на петербургское правительство, а потому и необходимо было смягчить

приговоръ ссылкой Старжинскаго на жительство въ отдаленныя губерніи, съ выдержаніемъ въ крѣпости одного года; но и этотъ приговоръ былъ въ Петербургѣ ослабленъ: крѣпостное содержаніе ему назначено въ Бобруйскѣ, т. е. въ краю, гдѣ польская пропаганда еще сильно дѣйствовала, и потому онъ высланъ въ Воронежскую губернію. Вотъ примѣръ тенденцій высшихъ петербургскихъ правительственныхъ лицъ ¹⁾, которыя, конечно, были болѣе виновны въ совершившихся въ край событіяхъ, нежели тѣ жертвы польскаго сумасбродства и безумія, которыя рѣшились поднять оружіе противъ правительства нашего, потому лишь, что они были увѣрены въ его слѣпотѣ и безсиліи, а частію въ надеждѣ даже на покровительство нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Петербургѣ

VI.

Я рассказываю эпизодъ о Старжинскомъ во всей подробности единственно для того, чтобы ознакомить съ положеніемъ, въ которомъ находилось правительство при началѣ мятежа и съ чѣмъ мнѣ предстояло бороться; очевидно, что изъ трехъ враговъ: мятежа, Петербургскаго правительства и варшавскаго, самая трудная борьба была съ двумя послѣдними, ибо вся сила мятежа была въ этихъ двухъ пунктахъ и на мѣстахъ онъ поддерживался не столько собственною силою (въ полякахъ нѣтъ достаточно постоянства, чтобы долго преслѣдовать одну цѣль), а въ надеждѣ только на (особое) покровительство (?). . . . .
 . . . . . Послѣднее доходило до того, что когда мятежъ въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ значительно началъ утихать послѣ принятыхъ мною мѣръ, то для огражденія спокойствія въ край, я вынужденъ былъ посылать отряды войскъ въ сосѣдственныя губерніи Царства Польскаго, чтобы уничтожить тамъ мятежныя скопища, предоставленныя тамъ своему произволу, безъ всякаго преслѣдованія, и безпрестанно вторгавшіяся въ Гродненскую губернію, гдѣ и производили грабежи и разныя неистовства. Въ Августовской же губерніи формировалось и регулярное войско.

¹⁾ Писано въ янв.—апрѣлѣ 1866 г.

Слабость управленія въ Царствѣ доходила до того, что повелѣно было въ уѣздныхъ назначеніяхъ принимать на счетъ казны всѣ выдаваемые мятежниками квитанціи за взимаемую ими контрибуцію. Раненныхъ же мятежниковъ приказано было оставлять на попеченіе владѣльцевъ, не считая ихъ плѣнными¹⁾.

Безначаліе и поблажка польскому возстанію въ Царствѣ Польскомъ доходила до того, что нѣсколько волостей Августовской губерніи прислали мнѣ, 6-го августа, съ депутаціею, адресъ за подписью нѣсколькихъ тысячъ съ просьбою принять ихъ въ мое управленіе и оградить отъ неистовствъ мятежниковъ. Вслѣдствіе этого и вида усиливающееся неустройство и развитіе мятежа въ Царствѣ, Государь повелѣлъ принять мнѣ въ свое управленіе Августовскую губернію. . . . .

Управленіе Царствомъ послѣ сентября 1863 г. было ввѣрено графу Бергу.

Изъ губернскихъ предводителей виленскій—Домейко умѣлъ скрыть свои польскія тенденціи предъ бывшимъ ген.-губернаторомъ; съ одной стороны онъ потворствовалъ революціонному направленію владѣльцевъ, а съ другой онъ заискивалъ расположеніе правительства, такъ что къ пасхѣ 1863 года, когда мятежъ уже былъ въ значительномъ развитіи, онъ получилъ въ награду за свое двусмысленное поведеніе орденъ Станислава 1-й ст.; но вслѣдъ за тѣмъ, получивъ общее приказаніе жонда оставить службу и выраженіе негодованія онаго за полученную награду, а еще болѣе испугавшись слуховъ о моемъ назначеніи генералъ-губернаторомъ, Домейко исходатайствовалъ себѣ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, дабы избавиться, какъ онъ говорилъ, отъ преслѣдованія мятежниковъ. Дѣйствительно, Домейко человекъ не дурной, но слабый и хитрый; онъ хотѣлъ плавать между двухъ водъ и, явившись ко мнѣ въ Петербургъ, просилъ объ увольненіи его за границу на воды. Само собою разумѣется, что я ему въ этомъ отказалъ и потребовалъ немедленно отправиться въ Вильну, ибо теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, каждому слѣдуетъ

¹⁾ Все, что сказано здѣсь о дѣйствіяхъ русскаго управленія въ Царствѣ, за время 1863—1864 гг., не подтверждается, но крайней мѣрѣ въ той силѣ, какъ то утверждаетъ Муравьевъ, изслѣдованіями прочихъ русскихъ людей, писавшихъ о послѣдней польской смутѣ.

быть на своемъ мѣстѣ, не взирая ни на какія опасности; онъ прикинулся больнымъ и только черезъ нѣсколько недѣль послѣ прибытія моего въ Вильну ко мнѣ явился. Я заставилъ его вступить въ должность и дѣйствовать рѣшительно, т. е. показать себя или преданнымъ правительству, или врагомъ онаго. Въ то время начали уже убѣждаться въ томъ, что сила правительства будетъ восстановлена въ Литвѣ, и Домейко рѣшился, хотя по наружности, показывать себя противодѣйствующимъ мятежу—и дѣйствительно, около него образовался кружокъ изъ нѣсколькихъ польскихъ помѣщиковъ, признавшихъ болѣе выгоднымъ устранить себя въ настоящее время (1863 г.) отъ мятежныхъ заявленій.

Пользуясь симъ начинающимся благопріятнымъ направленіемъ, я старался внушить мысль о ходатайствѣ (со стороны) дворянства о помилованіи. Такъ какъ мятежъ видимо уже ослабѣвалъ въ исходѣ іюня, большая часть тайныхъ и явныхъ вожаковъ мятежа были открыты и арестованы, другіе, страха ради, бѣжали за границу, и сами крестьяне и вообще простолюдины, бывшіе въ мятежѣ, увидѣли безсиліе шаекъ, безпрестанно уничтожаемыхъ войсками и притомъ, по причинѣ полевыхъ работъ, безъ чего хозяйства ихъ значительно бы потеряли, начали расходиться, то дворяне Виленской губерніи (стали) приставать къ тому кружку, который намѣревался просить о помилованіи.

Для усиленія сего движенія, я въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. обратился съ воззваніемъ вообще къ народу, объясняя поселянамъ всю бессмысленность мятежа и бѣдственныя онаго послѣдствія, при чемъ обѣщалъ помилованіе всѣмъ простолюдинамъ, которые возвратятся во-своихъ съ отдачею оружія, и независимо отъ сего, поручилъ всѣмъ сельскимъ обществамъ имѣть ближайшее наблюденіе за помѣщиками и управителями, и объ участвующихъ въ мятежѣ немедленно доводить до свѣдѣнія начальства; съ тѣмъ вмѣстѣ приказано было заняться составленіемъ обывательскихъ книгъ и переписью всѣхъ сословій, принявъ строгія мѣры къ прекращенію безпаспортныхъ отлучекъ лицъ всѣхъ сословій — и особенно есендзовъ, облагая нарушающихъ преподанныя для сего правила значительнымъ штрафомъ; равнымъ образомъ подвергая контрибуціямъ тѣхъ владѣльцевъ и вообще селеній, которые давали пріютъ мятежникамъ.

Мѣра эта имѣла самый благопріятный успѣхъ. Въ концѣ іюля

мѣсяца уже многія тысячи народа оставили шайки и водворились на прежнемъ мѣстѣ жительства; при этомъ начальники бандъ, не будучи въ состояніи противиться сему движенію и распуская шайки, требовали, чтобы послѣ покоса и уборки хлѣба они вновь возвращались въ оныя, для чего зарывали бы оружіе въ лѣсахъ для будущаго вооруженія; вмѣстѣ съ тѣмъ мятежныя банды, по распоряженію жонда, раздѣлились на мелкія шайки отъ 20—25 человекъ, расположились по всѣмъ уѣздамъ и лѣсамъ, гдѣ только было можно, и держали терроромъ въ страхѣ все населеніе, учреждая во всѣхъ мѣстахъ полиціантовъ, такъ называемыхъ жандармовъ - вѣшателей, которые слѣдили за направленіемъ народнаго мнѣнія и тѣхъ, которые выказывали преданность правительству, увлекали въ лѣса и вѣшали, подвергая предварительно всякаго рода истязаніямъ, производимымъ даже надъ женщинами и дѣтьми.

Этотъ новый способъ дѣйствій мятежниковъ представлялъ немаловажныя затрудненія для военныхъ распоряженій, ибо мелкія шайки въ лѣсахъ были неуловимы: между тѣмъ алармъ и терроръ вездѣ увеличивались, всюду только и было слышно объ изувѣченыхъ, убитыхъ, повѣшенныхъ мятежниками разныхъ лицахъ; въ томъ числѣ было и нѣсколько нашихъ священниковъ. Надо было принять выходящія изъ обыкновеннаго разряда мѣры къ уничтоженію сего страшнаго для края дѣйствія мятежниковъ — надо было уничтожить жандармовъ-вѣшателей и мелкія бродячія шайки, которыя находили еще пріютъ у помѣщиковъ и ксендзовъ и получали продовольствіе также изъ шляхетскихъ оволицъ.

Оставалось мнѣ одно послѣднее средство: приказать уничтожать до тла помѣщичью мзмы и шляхетскія околицы, въ которыхъ произведены мятежниками неистовства и допущено водвореніе жандармовъ-вѣшателей; тѣ же селенія, которыя наиболѣе участвовали въ мятежѣ, по надлежащемъ изслѣдованіи, пересѣлять въ Сибирскія губерніи; тѣхъ лицъ, которыя составляли бродячія неистовыя шайки, при взятіи, судить на мѣстѣ военнымъ судомъ и тутъ же разстрѣливать; самыя же селенія облагать огромными контрибуціями и на 10—15 верстъ весь околотокъ, допуславшій завѣдомо пребываніе разбойниковъ, и не дошедшій о семъ ближайшимъ командамъ. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ скоро положили преграду помянутымъ неистовствамъ мятежниковъ, ибо

они, какъ и всѣ содѣйствующіе имъ обыватели, увидѣли, что правительство не шутитъ и сильнѣ мятежа.

Все это, вмѣстѣ исполненное, скоро побудило и дворянство во всѣхъ губерніяхъ писать адреса о помилованіи, ибо оно полагало, что симъ способомъ подписавшіеся, хотя бы и замѣшанные въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, будутъ помилованы. Первый примѣръ адреса подало Виленское дворянство 27-го іюля 1863 г.: адресъ былъ представленъ мнѣ губернскимъ предводителемъ, при нѣсколькихъ депутатахъ, и былъ подписанъ болѣе 200 лицами.

Я былъ обрадованъ этимъ движеніемъ умовъ или, лучше сказать, страхомъ помѣщиковъ: оно доказало, что принятія мною мѣры достигали цѣли. Адресъ этотъ я сдѣлалъ гласнымъ по всѣмъ губерніямъ, дабы возродить вездѣ подобное же движеніе. Въ Гроднѣ и Ковнѣ начали также помышлять о составленіи подобныхъ адресовъ.

Революціонный жондъ былъ уstraшенъ этимъ успѣхомъ и рѣшился принять отчаянныя мѣры къ остановкѣ дѣйствій главнаго мѣстнаго начальства.

VII.

Варшавское революціонное правленіе, видѣвши ослабленіе мятежа въ Литвѣ, еще съ іюля мѣсяца 1863 г. начало присылать своихъ агентовъ въ Вильну для поддержанія упадающаго революціоннаго движенія, но всѣ эти агенты, при довольно порядочно уже устроенной полиціи, были захвачены въ Вильнѣ; но они успѣли однакоже въ половинѣ іюля мѣсяца сформировать команду тайныхъ кинжалщиковъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность убить генералъ-губернатора, губернскаго предводителя дворянства и тѣхъ, которые наиболѣе противодействовали мятежу; но кинжалщики эти, страха ради, ни на что не рѣшились; между тѣмъ начальство уже получило о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія и приняло мѣры къ ихъ обнаруженію.

Для рѣшительнаго дѣйствія былъ, наконецъ, присланъ изъ Варшавы извѣстный полиціантъ-вѣшатель Бенъковскій, съ обязанностію убить Домейко и меня.

27-го іюля (въ день рожденія императрицы) Бенъковскій пробирался на паперть собора, чтобы меня убить, но не могъ близко

подойти по огромному стеченію служащихъ и вообще народа.

29-го іюля (черезъ два дня послѣ представленія адреса) онъ, въ 9 часовъ утра, вошелъ въ квартиру Домейки и нанесъ ему семь ранъ кинжаломъ, равнымъ образомъ изранилъ и челоуѣка, пришедшаго на помощь, а самъ скрылся. Раны Домейки были сильны, но не опасны. Жюндъ публиковалъ по городу, что Домейко убитъ и наказанъ за измѣну польскому дѣлу; а въ особенности за составленіе адреса. Надо замѣтить, что адресъ, по поднесеніи, былъ посланъ мною Государю при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, съ испрошеніемъ награды Домейкѣ, а 29-го я телеграфировалъ Государю о связанномъ событіи. Между тѣмъ приняты были всевозможныя мѣры въ отысканію убійцы: сдѣланы были повсемѣстно обыски, опубликованы примѣты убійцы, поставлены въ сомнительныхъ мѣстахъ караулы, а въ особенности усиленъ надзоръ на желѣзной дорогѣ и на всѣхъ путяхъ, ведущихъ въ ней. Одинъ изъ Виленскихъ кинжалщиковъ (въ стыду,—русскій православный, сынъ отставнаго солдата, женатаго на полькѣ), Мирошниковъ, проговорился въ хвастовствѣ о кинжалщикахъ; онъ былъ спрошенъ, уличенъ и въ угроженіи совѣсти открылъ большую часть полиціантовъ и названіе самаго убійцы—Беньковскаго.

Послѣдній былъ взятъ 6-го августа 1863 г. на желѣзной дорогѣ. готовясь къ отъѣзду въ Варшаву, переряженный, съ окрашенными волосами, въ сопровожденіи Варшавскаго своего товарища Чаплинскаго. Уже до того, въ короткій промежутокъ времени, было взято 10 кинжалщиковъ, изъ Виленскихъ обывателей, которые признали заправшагося Беньковскаго: онъ былъ родомъ изъ Варшавы, цирюльникъ, учинившій уже тамъ многія преступленія и извѣстный своимъ отчаяннымъ характеромъ. Беньковскій, Чаплинскій и прочіе были немедленно судимы военнымъ судомъ: семеро повѣшены въ Вильнѣ, а остальнымъ смагчены приговоры и они отправлены въ каторгу, (въ томъ числѣ и Мирошниковъ, въ уваженіе его признанія).

Это послѣднее покушеніе Варшавскихъ революціонеровъ къ возбужденію мятежа въ Литвѣ окончательно было разрушено скорымъ и успѣшнымъ отысканіемъ присланныхъ въ Вильно злодѣевъ и казнью ихъ, такъ что главные революціонные дѣятели скрылись или бѣжали, ибо всѣ они были обнаружены или скрывались, подъ разными фальшивыми именами, появляясь только

по временамъ въ Вильнѣ; по страху и ихъ обузду; ибо вслѣдъ за винжалъциками, были взяты въ Вильнѣ прочіе революціонные дѣятели, какъ-то: Далевскій, Гажичъ, Дормаловскій (прибывшій изъ Познани) и Здановичъ, которые, по приговору военнаго суда, всѣ (кромѣ Гажича) были казнены. Начальникъ самаго города Вильны—Малаховскій (офицеръ путей сообщенія, служившій при желѣзной дорогѣ) скрылся въ Петербургъ, а оттуда бѣжалъ за границу. Другой же важный дѣятель мятежа—Дюлоранъ (служившій тоже при желѣзной дорогѣ) скрылся въ Варшавѣ.

Оставался въ Вильнѣ одинъ бодрствующій, нѣкто Каляновскій, въ качествѣ главнаго начальника жонда Литовскаго, но скрывавшагося подъ фальшивымъ именемъ Витольда Витоженца, и съ нимъ еще нѣсколько второстепенныхъ лицъ, которыя тоже были взяты по обнаруженнымъ сношеніямъ ихъ съ минскими и ковенскими революціонерами, такъ что уже въ концѣ августа мѣсяца главные дѣятели мятежа были обнаружены и взяты кромѣ Каляновскаго. Въ Ковнѣ и Гроднѣ также успѣшно подвигалось открытіе мятежной организаціи, всѣ тюрьмы были наполнены арестантами и обнаружена была связь между губерніями и Царствомъ Польскимъ, при чемъ открывались мятежныя связи и съ польскими агентами въ Россіи. Одна оставалась Минская губернія, какъ будто въ затишьи, т. е. не было въ ней обнаружено тайной организаціи.

Находя нужнымъ еще болѣе ослабить мятежныя дѣйствія Ковенской губерніи, населенной фанатическими католиками, состоящими подъ ближайшимъ вліяніемъ епископа Волончевскаго, я долженъ былъ принять мѣры, чтобы заставить его склонить, посредствомъ увѣщанія, народъ къ положенію оружія. Мѣра эта принесла успѣхъ и мятежъ, самый упорный, въ Ковенской губерніи уменьшился; оставался тамъ одинъ главный дѣятель, всендзъ Мацкевичъ, человекъ необыкновенно ловкій, дѣятельный, умный и фанатикъ; онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ и безпрестанно формировалъ шайки и появлялся въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи. Хотя шайки его неоднократно были разбиваемы нашими отрядами, но онъ умѣлъ самъ ускользать отъ преслѣдованія и формировать новыя. Такимъ образомъ послѣ пораженія его въ Зеленковскомъ лѣсу и въ другихъ мѣстностяхъ Поневѣжскаго уѣзда, въ августѣ и сентябрѣ 1863 г. онъ скитался по Ковенской

губерніи и возбуждалъ вездѣ къ мятежу. Въ исходѣ же ноября, не находя болѣе средствъ къ продолженію и къ поддержанію крамолы, онъ рѣшился уйти за границу, но былъ захваченъ, почти надъ самымъ Нѣманомъ, отрядомъ нашихъ войскъ, привезенъ въ Ковно съ своимъ адъютантомъ и казначеемъ, и по приговору военнаго суда повѣшенъ въ Ковнѣ. Съ казнію всенгда Мацкевича въ Ковенской губерніи почти повсемѣстно прекратился мятежъ, остались только незначительныя бродячія шайки, которыя и были въ скоромъ времени уничтожены. Въ Гродненской губерніи также все затихло и мятежъ въ концѣ 1863 г. былъ прекращенъ. Въ Минской, хотя и не было новыхъ наружныхъ проявленій мятежа, но зародышъ онаго оставался не тронутымъ, по бессмысленности тамошняго управленія, а въ особенности губернатора. Хотя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 г. тамошнее дворянство составило также адресъ, и сильнѣе, нежели другіе, выражало свои вѣрноподданническія чувства и раскаяніе, но всѣ тайныя мятежныя дѣятели оставались на мѣстахъ и, безъ сомнѣнія, при первомъ удобномъ случаѣ возобновили бы покушеніе на крамолу.

Надо замѣтить, что Минское дворянство отличалось болѣшимъ нерасположеніемъ къ русскому правительству, чѣмъ дворянство прочихъ губерній; оно постоянно было въ сношеніяхъ съ дворянствомъ юго-западныхъ губерній, и въ октябрѣ 1862 г. на дворянскихъ выборахъ составило протоколъ для представленія всеподданнѣйшаго адреса, по примѣру Подольской губерніи, о присоединеніи Минской губерніи къ Царству Польскому; ихъ дерзость была такъ велика, что когда имъ было тогда же объявлено высочайшее повелѣніе о противозаконности подобныхъ дѣйствій, то они, не отмѣняя своего постановленія, записали только оное въ журналъ, съ отмѣткою, что они не привели его въ исполненіе вслѣдствіе воспрещенія высшаго правительства.

Крамольный этотъ духъ Минскаго дворянства еще болѣе развился во время вооруженнаго мятежа въ 1863 г.; но они не могли вооружить столько шаекъ, какъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ меньшаго числа шляхетскихъ околицъ и потому что болѣшая часть населенія губерніи—православнаго исповѣданія; но тѣмъ не менѣе во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ только было возможно, а особенно въ Борисовскомъ и въ Игуменскомъ уѣздахъ, были значительныя

шайки. Шайки же Новогрудскаго и Слудскаго уѣздовъ соединились съ таковыми же Гродненской губерніи.

Справившись съ открытіемъ тайной враголы въ Литовскихъ губерніяхъ, я послалъ особую слѣдственную комиссію въ Минскъ для обнаруженія секретной администраціи; въ скоромъ времени предсѣдатель оной, жандармскій полковникъ Лосевъ, обнаружилъ главныхъ дѣателей мятежа въ Минской губерніи и ихъ сношенія съ прочими губеніями, преимущественно съ Виленской; такимъ образомъ окончательно были взяты оставшіеся Виленскіе революціонеры и въ томъ числѣ Калиновскій, главный распорядитель мятежа въ Литвѣ. Съ уничтоженіемъ ихъ прекратились и всѣ мятежныя покушенія. Минскіе же революціонеры были судимы въ Вильнѣ; такимъ образомъ окончены были главнѣйшіе мятежныя заговоры, въ томъ числѣ и Могилевскіе, имѣвшіе непосредственныя сношенія съ Минскими, а Витебскіе—съ Виленской губерніей и Динабургскимъ уѣздомъ.

О Могилевскомъ вооруженномъ возстаніи здѣсь въ подробности не говорю, ибо оно было въ высшей степени безсмысленно и, начавшись 17-го апрѣля 1863 г., окончено было въ первыхъ числахъ мая (того же года), почти безъ содѣйствія войскъ одними православными крестьянами: они перехватывали въ лѣсахъ и на мѣзахъ почти всѣхъ пановъ, гимназистовъ и шляхту, которые образовали шайки, изъ коихъ часть только, подъ предводительствомъ извѣстнаго Топора (подполковникъ генеральнаго штаба Звирждовскій) ограбили городъ Горки и бѣжали въ Минскую губернію; самъ же Топоръ бѣжалъ въ Царство Польское, гдѣ впоследствии былъ взятъ и повѣшенъ. Замѣчательно, что Могилевское возстаніе произведено было подъ видомъ охоты на лося и, въ извѣстный назначенный день, большая часть молодежи, а также руководителей мятежа, собрались въ охотничьей одеждѣ, съ запасомъ, продовольствія въ указанныя мѣста и тамъ были постепенно обезоруживаемы и взяты крестьянами. Могилевскіе революціонеры были до такой степени увѣрены въ безсиліи и послабленіи правительства нашего, что они смѣло, въ отвѣтахъ своихъ слѣдственнымъ комиссіямъ, увѣряли, что не имѣли никакихъ мятежныхъ замысловъ, но дѣйствительно повсемѣстно сговаривались идти на охоту; остальное польское населеніе Могилевской губерніи старалось поддерживать это нелѣпое оправданіе, такъ что даже многіе рус-

скіе, а въ особенности въ Петербургѣ, старались этимъ оправдать покушенія къ мятежу въ Могилевской губерніи. Тамошній губернский предводитель, князь Любомирскій, былъ однимъ изъ главныхъ секретныхъ дѣятелей и руководителей онаго; но онъ такъ себя осторожно велъ, что его трудно было юридически въ томъ уличить; впрочемъ онъ былъ уволенъ отъ должности и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что Бѣлорусскія губерніи: Могилевская и Витебская, которыя 37 лѣтъ тому назадъ, когда я тамъ былъ — въ первой губернаторомъ, во второй — вице-губернаторомъ, почти были совершенно русскими, за малыми исключеніями, и когда въ 1830 г., по моему ходатайству, высочайше повелѣно было уничтожить въ нихъ производство дѣлъ по Литовскому статуту, повсемѣстно ввести русскій языкъ, какъ въ судопроизводствѣ, такъ и во всемъ управленіи, то это было принято не только безпрекословно, но составленъ былъ благодарственный государю адресъ за дарованіе имъ общихъ съ Россіею правъ, и это все было въ 1831 г., во время самаго разгара польскаго мятежа въ Варшавѣ и въ Литовскихъ губерніяхъ.

Надо замѣтить, что и въ 1831 г. мятежъ преимущественно распространенъ былъ въ Ковенской и Виленской губерніяхъ и только кое-гдѣ появлялись шайки въ Минской и весьма немного въ Гродненской; въ Бѣлорусскихъ же губерніяхъ въ одной Витебской — и именно въ Лепельскомъ уѣздѣ были проявленія мятежныхъ покушеній. Но вообще противуправительственное направленіе наиболѣе выказывалось въ Полоцкомъ, Дриссенскомъ и Динабургскомъ уѣздахъ, т. е. тамъ, гдѣ была прежде іезуитская коллегія (до 1817 года) и вообще отъ нея утвердился католическій фанатизмъ.

Въ 1863 г. всѣ эти губерніи были объаты пламенемъ мятежа и ежели не вездѣ проявлялись вооруженныя шайки по недостатку средствъ вооруженія и противодѣйствию православнаго сельскаго населенія, то тѣмъ не менѣе все дворянство, шляхетство и ксенды повсемѣстно явно и безбоязненно провозглашали владичество Польши, старались въ томъ увѣрить крестьянъ и тѣмъ самымъ, при малѣйшемъ успѣхѣ мятежа въ Литовскихъ губерніяхъ, Бѣлоруссія безъ всякаго затрудненія вошла бы въ со-

ставъ, предполагаемой революціонерами, Польши въ границахъ 1772 года.

Политическое и нравственное положеніе губерніи въ 1831 г., когда мятежники имѣли отличное регулярное войско и вели даже войну съ нами, иногда даже съ значительнымъ успѣхомъ, (было удовлетворительно), и когда вездѣ все было тихо (кромѣ Ковенской губерніи, всегда фанатизированной католицизмомъ); въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1863 г., ясно доказываетъ, что правительство, въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, не только не принимало мѣръ къ уничтоженію въ краѣ польской пропаганды, но напротивъ того, по крайнему неразумію мѣстныхъ и главныхъ правителей, давало всѣ средства къ развитію польскаго элемента въ краѣ, уничтожая всѣ бывшіе зародыши русскаго начала. Я не стану въ подробности упоминать о дѣствіяхъ тѣхъ лицъ, которые съ 1831 г. были главными на мѣстахъ распорядителями, о ихъ бессмысленности и неразуміи положенія края, польскихъ тенденцій; о незнаніи исторіи сей искони русской страны и постоянномъ ихъ увлеченіи призраками польскаго высшаго общества, пресмыкавшагося предъ ними и выказывавшаго преданность правительству; но не только тайно, а явно обнаруживавшаго свои тенденціи къ уничтоженію всего русскаго; но все это привлекало на ихъ сторону генералъ-губернаторовъ, а въ особенности женскій полъ, жертвовавшій честью и цѣломудріемъ для достиженія сказанныхъ цѣлей. Для исторіи нельзя однако-жъ умолчать о тѣхъ начальникахъ того края, которые наиболѣе ознаменовали себя подобными тенденціями и нанесли огромный вредъ могуществу Россіи въ той странѣ, это были: въ Бѣлоруссіи—кн. Хованскій, генералъ-адъютантъ Дьяковъ и кн. Голицынъ; въ Вильнѣ—кн. Долгоруковъ, Илья Гавриловичъ Бибииковъ и генералъ-адъютантъ Назимовъ; вотъ рядъ людей, которые при содѣйствіи подобныхъ же дѣятелей въ Петербургѣ, въ глубокомъ невѣдѣніи своемъ положили въ краѣ твердое начало польской пропагандѣ и впоследствии развитію мятежа, стоявшаго такъ дорого Россіи!

Теперь (1866 г.), благодаря Бога, все обнаружено, мятежъ подавленъ, крамола и заговоры противъ правительства открыты во всѣхъ отрасляхъ и направленіяхъ, не исключая и петербургскаго польскаго жонда подъ руководствомъ Огрызко, Юндзилла

Сѣраковскаго и иныхъ. Теперь остается правительству воспользоваться тяжкимъ урокомъ и положить конецъ польской крамолѣ въ Западномъ краѣ, признавъ его окончательно русскимъ, не силою оружія, но моральнымъ возрожденіемъ въ немъ долго подавляемыхъ исконныхъ русскихъ началъ!

VIII.

Во время принимаемыхъ мною мѣръ къ прекращенію въ 1863 г. мятежа во вѣренныхъ мнѣ губерніяхъ, Государю угодно было поручить моему завѣдыванію, какъ выше сказано, Августовскую губернію, которою мятежники распоряжались по произволу и въ которой войска наши (почти цѣлая дивизія) расположены были по городамъ, не будучи въ силахъ, безъ содѣйствія гражданскаго начальства, принимать какія нибудь благоразумныя мѣры къ прекращенію мятежа. Варшавское же правительство, какъ объяснено выше, не только бездѣйствовало (?), но подѣ управленіемъ Веліопольскаго, равнодушно (?) смотрѣло на всѣ неистовства, производимыя мятежниками въ краѣ.

Въ сентябрѣ 1863 г., получивъ высочайшее повелѣніе объ Августовской губерніи, я отправилъ туда войско подѣ начальствомъ генерала Бакланова и поручилъ ему немедленно ввести военно-гражданское управленіе на основаніи данной мною 24-го мая для Сѣверозападныхъ губерній инструкціи. Преображенскій полкъ, подѣ начальствомъ князя Бяратинскаго, занялъ главные мятежныя пункты губерніи и не прошло трехъ недѣль, какъ со введеніемъ сказаннаго управленія мятежъ почти совершенно тамъ утихъ; оставались только въ Ломжепскомъ уѣздѣ нѣкоторые бродячія шайки, преимущественно наполненныя шляхетскимъ населеніемъ, а также туда вторгались мятежныя банды изъ другихъ губерній Царства Польскаго, такъ что, для огражденія этого уѣзда, я вынужденъ былъ распорядиться о занятіи нѣсколькихъ пунктовъ въ сосѣднемъ Остроленскомъ уѣздѣ Плоцкой губерніи.

По мѣрѣ подавленія мятежа въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ, я принималъ мѣры къ прочному обезпеченію сельскаго населенія и къ огражденію онаго отъ насилія пановъ. Трудно было до этого достигнуть, по неизмѣннѣю лицъ достаточно благонадежныхъ, чтобы пору-

чить имъ на мѣстахъ это важное дѣло: всѣ чиновники, какъ выше сказано, были польскаго происхожденія, также и мировые посредники; большая часть ихъ были взяты подъ стражу за участіе въ мятежѣ, или по неблагонадежности уволены отъ должности; надо было спѣшить скорѣй занять русскими людьми всѣ полицейскія должности и вообще имѣющія привосновеніе къ народу, который составлялъ главную нашу опору. Трудно было вдругъ наполнить край русскими чиновниками: я еще при выѣздѣ изъ Петербурга отнесся ко всѣмъ начальникамъ губерній, прося ихъ присылать ко мнѣ лицъ болѣе благонадежныхъ, для чего и исходатайствовалъ для нихъ у Государя особыя льготы и пособія, просилъ о томъ же и министра внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствительно, чиновники начали прибывать, но, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ далеко не соответствовали ожиданіямъ, особенно присланные министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что я вынужденъ былъ многихъ возвращать обратно и медлить занятіемъ вакантныхъ мѣстъ.

Имѣя въ виду, что главное дѣло въ край состояло въ упрощеніи быта сельскаго населенія, уничтоженіи надъ нимъ власти мятежныхъ пановъ и привлеченіи народа въ правительству, я преимущественно обратилъ вниманіе на вызовъ изъ Россіи дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Съ августа 1863 г. въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ былъ подавленъ мятежъ, постепенно назначались русскіе мировые посредники и члены повѣрочныхъ комиссій, такъ что къ концу года въ большей части уѣздовъ были русскіе дѣятели по крестьянскому дѣлу, которые и обнаружили всю бездну злоупотребленій и угнетеній, которымъ подвергался несчастный народъ русскій отъ польскихъ пановъ и избранныхъ изъ среды ихъ посредниковъ.

Зло было такъ велико, что нельзя было оставлять его безъ радикальнаго излеченія и даже исправленія тѣхъ правилъ, которыя были установлены по крестьянскому дѣлу для западныхъ губерній, ибо они составлены (были) въ Петербургѣ, теоретично, безъ знанія мѣстнаго хозяйственнаго быта крестьянъ, по указанію лицъ, вызванныхъ изъ тамошняго края, въ видѣ экспертовъ, которые употребили всѣ усилія, чтобы обмануть правительство и еще болѣе поработить крестьянъ владѣльцамъ.

Скоро можно было убѣдиться, что утвержденіе уставныхъ грамотъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были составлены, послужило бы къ

ващему раззоренію крестьянъ и къ возбужденію сихъ послѣднихъ противу правительства; въ этомъ и заключалась цѣль бывшихъ польскихъ дѣятелей и всего шляхетскаго управленія краемъ. Я рѣшился воспользоваться моментомъ (съ одной стороны—боязни (?) правительства нашего отъ распространившагося мятежа, съ другой—устрашенія самихъ владѣльцевъ сильными мѣрами противу мятежа и всеобщимъ почти участіемъ ихъ въ ономъ), чтобы разсѣчь гордіевъ узелъ пагубнаго вліянія пановъ на сельское населеніе. Я пригласилъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и иныхъ дѣятелей, болѣе другихъ изучившихъ положеніе крестьянъ и отношенія ихъ къ владѣльцамъ, и въ августѣ 1863 г. издалъ инструкцію для дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, предоставивъ имъ право передѣлывать уставныя грамоты, составленныя въ противность закону, возвращать крестьянамъ отобранныя отъ нихъ въ послѣднее время (съ 1857 г.) земли, обезпечивать обезземеленныхъ крестьянъ и батраковъ, назначать имъ безобидные повосы и выгоны, не лишать ихъ права пользоваться общимъ съ владѣльцемъ топливомъ и пастбищемъ свота, причемъ приказано было опредѣлять оцѣнки оброчныхъ сообразно дѣйствительной цѣнности участковъ, отнюдь не стѣсняясь прежними высокими платежами. Мѣры эти, взятыя въ совокупности, были немедленно приведены въ дѣйствіе; паны, какъ всѣ виновные въ мятежѣ, безпрекословно подчинились онымъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, сочувствуя мятежу, объявляли крестьянамъ въ началѣ 1863 года, что имъ отдадутъ земли безвозмездно, если они пойдутъ въ мятежъ, и потому опасались, что правительство отберетъ землю всю даромъ.

Владѣльцы упали духомъ, а крестьяне воспрянули и почувствовали новую жизнь; причемъ приняты были мѣры къ возстановленію православныхъ церквей и къ возвышенію духовенства съ распространеніемъ повсюду русскихъ школъ. Для довершенія уничтоженія возможности формироваться вновь къ веснѣ мятежнымъ шайкамъ среди огромныхъ лѣсовъ, покрывающихъ еще Сѣверо-западныя губерніи, приказано было подѣлать просѣки къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ могли удобно укрываться шайки и въ случаѣ, ежели помѣщики сего не исполнятъ, то предоставить это, по указанію начальства, самимъ крестьянамъ. Большая часть просѣкъ была исполнена сими послѣдними и сею мѣрою въ одно время былъ обезпеченъ край отъ могущихъ вновь появиться мятежниковъ, а

крестьяне получили за труды большое количество лѣсу и въ слѣдующемъ году большая часть отлично обстроилась вмѣсто бывшихъ ихъ убогихъ хатъ.

Помѣщики на мѣстахъ вполнѣ смирились и тайно роптали; но въ Петербургѣ подняли большой вопль и нашли сочувствіе (?) въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ и у иныхъ правительственныхъ лицъ. Не взирая на все это, я рѣшился привести до конца начатыя мѣры, ибо этимъ единственно способомъ можно было упрочить наше тамъ владычество и подавить польскую преобладающую интеллигенцію, противъ которой уже крестьяне въ улучшенномъ своемъ состояніи, при содѣйствіи правительства, могли бы бороться.

Къ этому возстанію въ Петербургѣ противъ принятыхъ мною мѣръ сильно присоединилась нѣмецкая партія, владѣющая значительными имѣніями въ Инфляндскихъ уѣздахъ Витебской, а также въ Сѣверозападныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи: нѣмцы теряли едва-ли не болѣе поляковъ, такъ какъ еще болѣе угнетали крестьянъ и вводили батрачество въ своихъ имѣніяхъ, т. е. полное обезземеленіе крестьянъ. Тѣ же самыя мѣры по устройству быта крестьянъ были примѣнены мною еще въ 1863 г. въ Августовской губерніи, причѣмъ приказано было постепенно уничтожать гминное управленіе владѣльцевъ и назначать на мѣсто ихъ гминными войтами крестьянъ по собственному ихъ выбору; равнымъ образомъ введены были, независимые отъ помѣщиковъ, крестьянскіе суды, съ правомъ рѣшать дѣла до 100 руб. сер.

Всѣмъ этимъ мѣрамъ подчинились безропотно владѣльцы Августовской губерніи и, въ скоромъ времени, крестьяне до такой степени ожили, что начали сами ловить мятежниковъ и представлять правительству. Тоже самое было въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ; отовсюду я получалъ отъ крестьянъ депутаціи съ благодарственными адресами; вездѣ крестьяне молились торжественно за Государя, даровавшаго имъ свободу, присылали адреса и устраивали часовни и образа во имя Александра Невскаго, — словомъ всеобщее было торжество крестьянъ, которые вполнѣ передались на сторону правительства и нелицемѣрно благодарили Государя за всѣ оказанныя милости. Въ край такъ ожило русское начало, что вездѣ заговорили по русски и православные священники, бывшіе въ угнетеніи и въ рабскомъ почти порабоженіи

у есендзовъ и пановъ, стали пренебрегать прежними своими властелинами; помѣщиками же явно упали духомъ, въ особенности же когда въ половинѣ 1863 г. были обложены 10% сборомъ съ доходовъ ихъ имѣній, каковой однако-жъ былъ безпрекословно и въ кратчайшее время внесенъ и послужилъ въ поддержанію русскихъ чиновниковъ, прибывающихъ въ край, на устройство церквей и иныхъ предметовъ, о коихъ будетъ упомянуто далѣе.

Противу правильности обложенія помѣщиковъ 10% сборомъ было много возгласовъ, особенно въ Петербургѣ. Обвиняли меня въ неуравнительности и возвышенности раскладки и никто не хотѣлъ понять, что во время самаго разгара мятежа, т. е. въ іюнѣ и іюлѣ 1863 года, нельзя было въ нѣсколько недѣль составить правильную раскладку и оцѣнку доходовъ помѣщичьихъ имѣній; но таково было увлеченіе высшей петербургской сферы, что они, подстрекаемые польскою партіею, хватались за всѣ самыя нелѣпыя идеи, чтобъ только обвинить и обезсилить принятыя мною необходимыя мѣры къ укрощенію мятежа; они не хотѣли понять, что у поляковъ нѣтъ настоящаго патріотизма, но лишь влеченіе къ своеволію и угнетенію низшихъ классовъ, что имъ хотѣлось возстановленія древнихъ правъ польской аристократіи во время Рѣчи Посполитой, что имъ нужно было до невозможности поработить народъ и выжимать изъ него сокъ, превращая его въ „будю“ (по польски значить: свотина, такъ обыкновенно называли паны простой народъ); по сей-то причинѣ паны и вообще польская интеллигенція не столько возставали противъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ къ укрощенію мятежа, сколько во всеуслышаніе вопіяли противу огражденія крестьянъ отъ панскаго гнета и возрожденія въ нихъ нравственной силы; они называли дѣйствія управленія въ семъ отношеніи разрушительными для общественнаго порядка и послѣдствіемъ системы социалистовъ.

Въ Петербургѣ тоже твердили, ибо не понимали ни положенія края, ни необходимости утвердить въ ономъ русскую народность. Министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ (кн. Василій Андреев. Долгоруковъ) преимущественно противодействовали (?), сколько могли, принятымъ къ устройству быта крестьянъ мѣрамъ, и старались (?) поколебать довѣріе Государя къ мѣстному управленію; причемъ они старались распространить мысль, что мѣры эти приведутъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ въ самой

Россіи и потому министр внутреннихъ дѣлъ долго не допускалъ обязательнаго выкупа крестьянами земель въ Западныхъ губерніяхъ.

10% сборъ они считали и называли грабежемъ и явнымъ разореніемъ владѣльцевъ, не принимая въ соображеніе, что тѣ же самые владѣльцы платили дань мятежникамъ, далеко превосходящую 10% сборъ; они не хотѣли понять, что раскладка сдѣлана была по указаніямъ самихъ помѣщиковъ, т. е., что взята въ основаніе оцѣнка десятины, объявленная помѣщиками при составленіи уставныхъ грамотъ; такимъ образомъ владѣльцы, стараясь, увеличить свои доходы угнетеніемъ крестьянъ, сами заплатились при обложеніи 10% сборомъ тѣхъ доходовъ.

10% сборъ, кромѣ справедливости мѣры и способа разложенія, представлялъ ту главную выгоду правительству, что онъ лишалъ помѣщиковъ возможности удѣлять доходы свои на поддержаніе мятежа. Мѣра эта, съ присоединеніемъ къ ней взиманія штрафовъ за трауръ и другія революціонныя манифестаціи, а также контрибуціи за пособіе мятежникамъ, произвели самое благотворное вліяніе въ краѣ, ибо польскіе паны, шляхта и ксендзы вынуждены были дорого платить за всѣ безсмысленныя ихъ покушенія; поляка же ничѣмъ нельзя остановить въ его безуміи, какъ деньгами; его надобно, какъ говоритъ пословица, бить по варману; болѣе благоразумные поляки въ этомъ сами сознаются. Съ уменьшеніемъ доходовъ уменьшились и революціонныя затѣи, всякій занялся поддержаніемъ своего хозяйства и опасался только, чтобы не попасть подъ новые штрафы и взысканія и засимъ все въ скоромъ времени смирилось въ краѣ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ мною для окончательнаго подавленія мятежа и переловленія скрывающихся одиночныхъ мятежниковъ, я испросилъ высочайшее соизволеніе на утвержденіе, во избрennomъ мнѣ краѣ, жандармскихъ командъ изъ 30 человекъ въ каждомъ уѣздѣ, подѣ начальствомъ одного офицера. Команды эти снабжены были подробною инструкціею и размѣщались въ уѣздахъ, на опредѣленныхъ пунктахъ, для наблюденія за дѣйствіями обывателей, гдѣ съ содѣйствіемъ войскъ и казачьихъ командъ, размѣщенныхъ также по уѣздамъ, въ скоромъ времени были уничтожены послѣдніе остатки бродячихъ шаекъ.

Жандармскія эти команды до такой степени очистили край отъ послѣднихъ остатковъ мятежа, что уже въ 1864 году можно было безопасно вездѣ ѣздить и всѣ мирные обыватели вполне по-

чувствовали столь необходимы для нихъ и ихъ благосостоянія силу и покровительство нашихъ властей.

Инструкція, данная жандармскимъ командамъ, выходила изъ разряда обыкновенныхъ, принятыхъ у насъ, началъ для жандармеріи: онѣ поставлены были въ непосредственную зависимость мѣстнаго начальства, которое ими распоряжалось по своему усмотрѣнію, какъ высшею административною полиціею; команды составляли тоже, что во Франціи „*maréchaussées*“. Высшее жандармское управленіе стремилось къ тому, чтобъ ихъ обратить въ безответственныхъ доносчиковъ, чѣмъ уничтожилась бы полезная ихъ административная отвѣтственная дѣятельность, но я этого не допускалъ во время управленія моего краемъ и команды эти были дѣйствительно весьма полезны, подчиненныя главному мѣстному начальству. Независимо отъ сего, во всѣхъ уѣздахъ была учреждаема, съ половины іюля мѣсяца 1863 г., постепенно сельская вооруженная стража подъ начальствомъ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ, ее формировавшихъ. Стража эта доходила въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1,000 и 2,000 человекъ, охраняла селенія, очищала лѣса, совокупно съ войсками, отъ мятежниковъ, и держала въ страхѣ мятежныхъ пановъ, которые были обложены особымъ сборомъ на содержаніе оной; каждый стражникъ получалъ въ сутки 10 коп. деньгами, кромѣ продовольствія; въ сложности содержаніе стражи обошлось польскому дворянству шести Сѣверозападныхъ губерній болѣе 800,000 р. с. Дворянство также заплатило за всѣ убытки, которые учинены мятежниками, какъ въ казенномъ, такъ и въ частномъ имуществѣ, т. е. священниковъ, крестьянъ и т. п. Эти мѣры, совокупно съ 10⁰/₀ сборомъ, имѣли самые благопріятные результаты. На счетъ помѣщиковъ же было ограждено все протяженіе желѣзной дороги, расчищены окрестные лѣса, устроены баракы для войскъ по всей линіи,—словомъ они вполне заплатили деньгами за свое безуміе, не говоря уже о частныхъ штрафахъ.

IX.

Въ ноябрѣ 1863 г. военныя дѣйствія почти повсемѣстно прекратились, такъ что въ декабрѣ можно было возвратить въ Петербургъ 1-ю гвардейскую дивизію, оказавшую такъ много услугъ правительству (равно какъ и прежде бывшая 2-я дивизія) при укрощеніи мятежа; въ тому времени уменьшились повсемѣстно и аресты и усиленно только дѣйствовали на мѣстахъ военносудныя

и слѣдственные коммисіи, для скорѣйшаго очищенія тюремъ, наполненныхъ лицами, участвовавшими въ мятежъ. Такъ какъ онъ былъ повсемѣстно прекращенъ, то я призналъ возможнымъ облегчить и мѣру наказаній, дозволивъ простолудниковъ, участвовавшихъ въ шайкахъ, но принесшихъ чистосердечное раскаяніе, все освободить въ взысканія, съ отдачею на поручительство обеществъ; такимъ образомъ въ теченіе 1863 и 1864 гт. болѣе 4,000 человекъ разнаго званія лицъ, замѣшанныхъ въ мятежъ, отданы были на поручительство, съ учрежденіемъ за ними полицейскаго надзора, кромѣ таковаго же количества добровольно возвратившихся изъ шаякъ, также водворенныхъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; количество же лицъ, присужденныхъ къ разнымъ тяжкимъ наказаніямъ, высланныхъ и оставленныхъ въ край, въ подробности (было) указано въ вѣдомости, сообщенной мною военному министру для доклада Государю.

Изъ вѣдомости этой ясно видно, какъ преувеличены были всѣ толки и возгласы объ огромномъ будто бы числѣ лицъ, сдѣлавшихся жертвою жестокости управленія сѣверозападнымъ краемъ. Едва ли когда либо мятежъ, столь сильно охватившій всѣ шесть Сѣверозападныхъ губерній (съ населеніемъ болѣе 6.000,000), могъ быть оконченъ съ меньшимъ числомъ жертвъ; всѣ бывшія революціи въ Европѣ и возстанія въ Англійскихъ колоніяхъ стоили нѣсколько вратъ болѣе жертвъ, чѣмъ бывшее въ Западныхъ губерніяхъ возстаніе—ибо главное начальство сего края заботилось о томъ только, чтобы введеніемъ строго отвѣтственной и правильной администраціи возстановить достоинство правительства и только нѣкоторыми болѣе разительными примѣрами смертной казни главныхъ руководителей мятежа и въ особенности лицъ, учредившихъ правильнаго неистовства и злодѣянія надъ безоружнымъ народомъ, надо было остановить тотъ терроръ, который они повсюду распространяли. Здѣсь дѣло заключалось не въ однихъ строгихъ наказаніяхъ, ибо ихъ было весьма не много, но въ совокупности всѣхъ принятыхъ мѣръ къ подавленію мятежа и къ предупрежденію всѣхъ безпрестанно измѣняющихся способовъ дѣйствія мятежнаго жонда; въ этомъ собственно и заключалось достоинство управленія и успѣхъ его дѣйствій; мятежъ самъ собою погасъ и все смирилось, потому только, что во всѣхъ попушеніяхъ своихъ онъ находилъ своевременное правительственное противодѣйствіе; бессмысленные польскіе умы отрезвились и все затихло въ край, когда убѣдились, что правительственная власть возстановлена и идетъ непреодолимо къ предначертанной цѣли, не останавливаясь ни передъ какими препонами, повсюду поставляемыми.

Мятежъ прекратился, когда самые происки петербургскихъ и варшавскихъ революціонеровъ не могли побороть и ниспровергнуть систему дѣйствій главнаго начальства Западнаго края.

4-го апрѣля 1866 г.

Графъ Михаилъ Муравьевъ.

С.-Петербурга г.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ ¹⁾.

ЗАПИСКИ ЕГО ОБЪ УПРАВЛЕНІИ СЪВЕРО-ЗАПАДНЫМЪ КРАЕМЪ И ОБЪ
УСМИРЕНІИ ВЪ НЕМЪ МЯТЕЖА,

1863—1866 гг.

Регрессектавичъ обзоръ событій 1863 г.—Моральное и политическое положеніе края.—Сношенія главнаго управленія Сѣверо-Западнаго края съ высшимъ правительствомъ.—Возраждающееся противудѣйствіе высшихъ властей и особия болѣе или менѣе замѣчательныя въ 1863 году событія.

I.

Я изложилъ вкратцѣ общій обзоръ хода мятежа и подавленія онаго въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ и временно присоединенной къ моему управленію Августовской губерніи.

Изъ этого описанія видны всѣ мѣстныя трудности и въ особенности самое развитіе мятежной организаціи во всемъ краѣ, поддерживаемой польскою эмиграціею за границей, утвердившимся революціоннымъ жондомъ въ Варшавѣ, развитіемъ всеобщаго мятежа во всемъ Царствѣ Польскомъ и агентами онаго въ Петербургѣ и Россіи.

Заграничное вліяніе революціонной партіи увлекло противу насъ главныя Европейскія державы: Францію, Англію и Австрію; дипломатическія наши сношенія шли неуспѣшно и уступчивость наша возраздала еще болѣшую самонадѣянность польскихъ мятежниковъ. Они имѣли полную надежду на содѣйствіе Англіи

¹⁾ Первая глава напечатана въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г. томъ XX XVI, ноябрь, стр. 337—432.

анціи. Всѣ успѣшно принимаемыя мѣры въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ получали на мѣстахъ противодѣйствіе не столько матеріальное, сколько моральное отъ надеждъ, что Западные авы принудятъ петербургское правительство согласиться на желанія поляковъ и подчиниться необходимости восстановленія шн.

Надежды эти еще болѣе возрастали при видимомъ не только дѣйствіи (?) управленія Царствомъ Польскимъ, но даже какъ при явномъ сочувствіи мятежу партіи такъ называемыхъ "ихъ," тайно руководимой маркизомъ Веліопольскимъ.

Революціонеры въ Западныхъ губерніяхъ ожидали высадки прусскихъ войскъ въ Курляндіи, и на границахъ Ковенской губерніи. Надежды эти, при легкомысленности поляковъ, скоро обратились въ несомнѣнную увѣренность и никакія убѣжденія не могли ихъ въ томъ разуверить; между тѣмъ петербургское правительство наше само колебалось (?) и тогда только рѣшилось говорить самостоятельно, отстаивая интересы Россіи, когда принятыми энергическими мѣрами видимо ослабился мятежъ въ Северо-Западныхъ губерніяхъ, такъ что въ половинѣ іюля 1863 г. министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, видѣвшій съ одной стороны общее возбужденное въ Россіи чувство оскорбленнаго народности и патріотизма, а съ другой—сильно подавляемый мятежъ въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, рѣшился энергически потама отвергнуть всѣ нахальные требованія Западныхъ авъ и польской заграничной эмиграціи, которая образовалась изъ польской официальной власти, почти признаваемой ранними державами.

Въ изданіемъ рѣшительнаго категорическаго отзыва князя Кова Западнымъ державамъ, начали упадать и надежды этихъ революціонеровъ, такъ что уже въ августѣ мѣсяцѣ г., какъ мною было сказано, принятыя мѣры къ подавленію мятежа возымѣли полный успѣхъ.

Чувствіе Россіи къ правительственнымъ мѣрамъ и къ приложенію мною въ Сѣв.-Западныхъ губерніяхъ довершили успѣхъ этого дѣла возрожденія русской народности въ Сѣв.-Западномъ краѣ.

Въ польскія долготѣнія возни, происки и враждебныя дѣйствія противъ Россіи явно обнаружались предъ Россією.

Россія вступилась за древнее свое достоиніе, столь постыдно въ теченіи десятковъ лѣтъ обрацаемое въ польскія провинціи слабостью и неразумѣніемъ, какъ высшаго правительства, такъ и мѣстныхъ исполнителей. Сочувствіе Россіи въ святому дѣлу возстановленія православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ было такъ велико и всеобще, что я изъ всѣхъ краевъ великаго нашего отечества получалъ благодарственные адреса за успѣшное побореніе мятежа: отъ духовенства, дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей; кромѣ адресовъ присылаемы мнѣ были святые иконы, и все это придавало мнѣ нравственную и, могу сказать, тѣлесную силу для преодоленія всѣхъ трудностей на мѣстѣ и для борьбы съ нѣкоторыми правительственными лицами, не сочувствовавшими принятымъ къ укрощенію мятежа мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то же время, т. е. въ самый разгаръ мятежа, я получалъ, почти ежедневно, анонимныя ругательныя письма изъ всѣхъ странъ Европы и на всѣхъ языкахъ; въ этихъ письмахъ, кромѣ угрозы убійства кинжаломъ и ядомъ, предвѣщали неуспѣхъ принятыхъ мною мѣръ, ибо вся Европа за поляковъ и что Россія не въ силахъ противустать требованіямъ Западныхъ державъ.

Между этими безмысленными посланіями были весьма замѣчательныя; такъ, напримѣръ, нѣкоторые увѣщевали меня именовъ религіи оставить поляковъ въ покоѣ; другіе, какъ бы по дружбѣ, просили о томъ же; нѣкоторые вызывали меня на поединокъ, угрожая смертію отъ тайныхъ агентовъ, посланныхъ въ Вильну; такихъ посланій я получилъ болѣе 100, съ разными карикатурами, руганіями, висѣлицами, эшафотами и тому подобное.

Посланія эти были однимъ изъ средствъ для устрашенія меня, ибо революціонеры видѣли, что принимаемыми мною мѣрами мятежъ скоро началъ утихать и эти угрозы преимущественно продолжались до сентября и октября 1863 г., т. е. когда они уже увидѣли бесполезность принятыхъ ими мѣръ и что мятежъ окончательно уничтожился въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Коллекцію этихъ руганій и угрозъ я сохранилъ въ видѣ историческаго документа моральнаго напора Европы, каковой производилъ на меня совершенно противное дѣйствіе: онъ возбуждалъ во мнѣ еще болѣшую энергію и при сильномъ, почти ежедневно ознаменовы-

вавшемся сочувствіи православной нашей Россіи, съ помощію Божіей, я могъ въ короткое время смирить крамолу и дать возможность правительству нашему дѣйствовать съ большою самостоятельностью, ибо оно увѣрилось, что въ Царствѣ Польскомъ мятежъ можетъ быть скоро укрощенъ, если тамошнее начальство будетъ слѣдовать той же системѣ и мѣрамъ, которыя были приняты мною въ Сѣверо-Западномъ крайѣ.

Уже въ половинѣ августа мѣсяца 1863 г. высочайше повелѣно было, по возможности, держаться въ управленіи Царствомъ Польскимъ тѣхъ мѣръ, которыя приняты были мною въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ. Въ первыхъ числахъ сентября 1863 г. графъ Бергъ вступилъ въ управленіе Царствомъ; маркизь Веліопольскій уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и поѣхалъ за границу. Со всѣми этими переменами въ личномъ составѣ главнаго управленія Царствомъ Польскимъ измѣнилась и система дѣйствій; графъ Бергъ почти безусловно принялъ мою систему противъ мятежа и, по соглашенію съ нимъ и съ высочайшаго соизволенія, присоединенъ въ управленію моему Ломжинскій уѣздъ, болѣе другихъ сосредоточивавшій въ себѣ мятежныя скопища, но и сей уѣздъ, за принятыми мною строгими мѣрами, былъ въ самое короткое время усмиренъ.

Съ выѣдомъ изъ Царства Польскаго Веліопольскаго, съ принятіемъ энергическихъ мѣръ противъ мятежа, онъ постепенно и въ скоромъ времени сталъ утихать, но продолжался еще до конца 1864 г. и я вынужденъ былъ постоянно принимать мѣры, дабы не вторгались во вѣранный мнѣ край шайки изъ Царства Польскаго.

II.

Моральное настроеніе края ясно видно изъ всего уже сказаннаго: крамола и мятежъ распространены были въ ономъ повсемѣстно дѣйствіями польской пропаганды въ теченіи десятковъ лѣтъ; урокъ 1831 г. намъ мало послужилъ въ пользу; послѣ строгихъ мѣръ, первоначально принятыхъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, вскорѣ послѣдовали исключенія изъ оныхъ, засимъ послабленія въ исполненіи, и, наконецъ, если не полная отмѣна ихъ, то совершенное неисполненіе.

Въ 1833 году явились въ Западномъ краѣ польскіе эмиссары, отправленные изъ Парижа отъ учрежденнаго тамъ Общества правъ человѣчества (*société des droits de l'homme*); они проникли въ Виленскую и Гродненскую губерніи, независимо отъ немалого числа находившихся въ Царствѣ Польскомъ. Тогда въ Вильнѣ былъ генераль-губернаторомъ кн. Николай Андреевичъ Долгоруковъ, человѣкъ преданный женщинамъ и, при запутанности своихъ домашнихъ дѣлъ, дѣлавшій много долговъ и потому бывшій подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, у которыхъ занималъ деньги ¹⁾.

Въ числѣ эмиссаровъ этихъ были: нѣкій Шиманскій, уроженецъ Гродненской губ., прибывшій изъ Парижа и бѣжавшій изъ Самогитскаго полка поручикъ Пицатовскій и, кромѣ того, помѣщикъ Волковыскаго уѣзда, тогда же прибывшій изъ Парижа, Валловичъ. Принятыми мною тогда энергическими мѣрами, они были скоро схвачены, а вмѣстѣ съ ними и болѣе 200 человѣкъ разныхъ сословій, принимавшахъ ихъ и содѣйствовавшихъ имъ распространять повсюду мятежныя покушенія.

Въ Гродненской губерніи тогда же были устроены мною повсюду военно-полицейскія управленія, такъ что эмиссары эти, снабженные инструкціями изъ Парижа и имѣвшіе цѣлю возбудить всеобщее противу правительства возстаніе въ краѣ, убивать русскихъ начальниковъ частей, уничтожать военные запасы, магазины и все то, что могло служить въ утвержденію русскаго владѣчества въ краѣ, не успѣли ничего сдѣлать и были захвачены; одинъ только изъ нихъ, Валловичъ, успѣлъ собрать шайку изъ 12 челов. въ лѣсахъ Слонимскихъ и напасть на денежную почту, но не могъ однакожь ее захватить. Вскорѣ Валловичъ со всею шайкою былъ взятъ, судимъ военнымъ судомъ и повѣшенъ въ Гроднѣ. — Пицатовскій также былъ судимъ въ Гроднѣ и разстрѣлянъ въ Бѣлостоцѣ, гдѣ онъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ. Надъ всѣми прочими лицами учреждены слѣдственная ком-

¹⁾ Когда кн. Долгоруковъ, женившись на полькѣ, былъ впоследствии переведенъ въ Харьковъ ген.-губернаторомъ, то тѣ же польскіе магнаты смѣлялись надъ его слабостями и тѣми уступками и снисхожденіями, которыя онъ имъ дѣлалъ; говорили, что руки уѣхали, а долги остались.

мисія и военный судъ; но, въ сожалѣнію, главные виновники, т. е. польскіе аристократы, будучи вполне уличены въ мятежныхъ своихъ покушеніяхъ, освобождены, по распоряженію генералъ-губернатора, находившагося, какъ выше сказано, подъ вліяніемъ аристократіи и женщинъ; одни бѣдные и ничтожные шляхтичи, служившіе орудіемъ аристократіи и увлеченные ихъ льстивыми обѣщаніями, подвергнуты были наказаніямъ и сосланы во внутреннія губерніи и въ Сибирь; такъ что эти столь счастливо открытые мятежные заговоры въ край не имѣли для правительства желаемого результата; напротивъ того, польское высшее дворянство, духовенство и заграничные эмиссары убѣдились, что можно деньгами и прелестью женщинъ распорядиться въ край по усмотрѣнію и получать расположеніе правительственныхъ нашихъ лицъ.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій было общее негодованіе противъ меня, какъ сильно отстаивающаго интересы Россіи и строго преслѣдующаго крамолу и мятежь.

Повсемѣстно польская интрига работала противъ меня; старалась затмить, сколько возможно, всѣ обнаруженные слѣды мятежныхъ дѣйствій въ край; въ особенности имъ были крайне непріятны видимые успѣхи въ возстановленіи православія, такъ что въ началѣ 1835 г. я вынужденъ былъ оставить край и по волѣ Государя (Николая Павловича) переведенъ въ Курскъ военнымъ губернаторомъ, разумѣется подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ приведенія въ порядокъ Курской губерніи, которою Государь былъ недоволенъ по случаю беспорядковъ, происшедшихъ на дворянскихъ выборахъ.

Выше было упомянуто объ эмиссарѣ Шиманскомъ, взятомъ мною. — Онъ былъ одинъ изъ весьма замѣчательныхъ агентовъ польской пропаганды; уроженецъ Гродны и тамъ воспитанный, онъ имѣлъ тамъ знакомства и связи почти со всѣми; особенно съ римско-католическимъ духовенствомъ и съ учениками свѣтскихъ училищъ, бывшихъ тогда при католическихъ монастыряхъ. Онъ провелъ болѣе 10 дней въ Гроднѣ, приводилъ къ присягѣ въ костелѣ по ночамъ учениковъ на общее возстаніе, собиралъ ксендзовъ и адвокатовъ бывшихъ тогда судовъ, составлялъ разные политическіе кружки и въ особенности, при участіи женщинъ,

какъ въ Гроднѣ, такъ и на мызахъ, нѣсколько разъ покушался меня убить въ городскомъ саду, но, наконецъ, былъ схваченъ, какъ съ кинжаломъ, который готовилъ для меня, такъ и съ пистолетомъ, съ которымъ онъ сторожилъ меня подъ мостомъ, когда я собирался ѣхать въ Вильну. (Шиманскій былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ содержателемъ пансіона Фижаномъ, дѣти коего въ 1863 г. были замѣшаны въ мятежныхъ заговорахъ). Сколько Шиманскій былъ самонадѣянъ во время успѣховъ своихъ дѣйствій, столько, напротивъ того, онъ сдѣлался низкимъ и искаательнымъ во время производства надъ нимъ слѣдствія. Онъ былъ вытребованъ генераль-губернаторомъ въ Вильну. Князь Долгоруковъ, желая похвалиться успѣхомъ открытія заговоровъ и взятія эмиссаровъ, предложилъ бывшему тогда военнымъ министромъ кн. Чернышеву вызвать въ Петербургъ Шиманскаго, который обѣщалъ Долгорукову открыть главныхъ агентовъ мятежа, находящихся въ Парижѣ.

Шиманскій, въ существѣ самый ничтожный, но ловкій человекъ, былъ привезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость. Кн. Долгорукову и Чернышеву хотѣлось придать большую важность этому плѣннику. Военный министръ отправился самъ, также какъ и шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, къ нему въ казематъ къ допросу; Шиманскій, ободренный довѣрчивостью и ласкою этихъ высшихъ сановниковъ, наговорилъ имъ всякой небывлицы и далъ честное слово содѣйствовать въ Парижѣ къ открытію польскихъ революціонеровъ, для чего просилъ только дозволить ему, освободивъ его, отправиться въ Парижъ, для чего и снабдить его нѣкоторыми денежными средствами. Оба колпака-сановники испросили высочайшее соизволеніе на освобожденіе Шиманскаго и онъ, снабженный деньгами, отправился торжественно въ Парижъ, но едва переѣхалъ онъ нашу границу, какъ изъ перваго города написалъ кн. Чернышеву благодарственное ругательное письмо, въ которомъ выставялъ низость ихъ чувствъ и глупость ихъ въ томъ, что они могли думать, что онъ, будучи полякомъ, рѣшится измѣнить присягѣ своей и передать интересы ея въ руки русскихъ.

Такимъ же образомъ въ 1839 и 1848 годахъ вновь появились въ Западномъ краѣ заграничныя эмиссары и тайныя общества для польской пропаганды, независимо отъ постоянныхъ дѣй-

ствій въ польскомъ духѣ по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія краемъ. Главные правители онаго какъ бы того не замѣчали, и даже скорѣе содѣйствовали, признавая тотъ край польскимъ и не усматривая въ немъ никакихъ русскихъ началъ, ибо въ виду ихъ были только дворянство и римско-католическое духовенство. Русское же православное духовенство было въ пренебреженіи, а о народѣ и церквахъ православныхъ и не думали.

Въ 1839 г. совершилось въ край великое событіе воссоединенія уніи съ православіемъ. Дѣло это было ведено съ 1828 года нынѣшнимъ (1866 г.) митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ Іосифомъ, который тогда былъ предсѣдателемъ Греко-уніатской коллегии въ Петербургѣ. Государь Николай Павловичъ внялъ его предложеніямъ обратиться унію въ православіе и съ содѣйствіемъ гр. Блудова, бывшаго тогда директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій¹⁾, дѣло это важное получило свое начало.

Іосифъ, по фамиліи Симашко (Семашко или Сѣмашко), былъ сдѣланъ епископомъ уніатскимъ Гродненской губерніи въ м. Журавичахъ и приступилъ къ приглашенію уніатскаго духовенства принять православіе при первомъ призывѣ правительства, — независимо отъ особыхъ мѣроположеній, принятыхъ правительствомъ для уменьшенія вліянія католическаго духовенства на греко-уніатовъ; въ дѣйствіяхъ своихъ онъ входилъ въ ближайшее со мною соглашеніе (я былъ въ Гроднѣ губернаторомъ съ 1831 по 1835 г.) и совокупными силами и преимущественно мѣрами административными возстановлялись въ уніатскихъ церквахъ Гродненской губерніи древніе иконостасы, уничтоженные поляками, вводилась православная литургія съ уничтоженіемъ католическихъ обрядовъ, такъ что уже въ 1833 и 1834 гг. въ Гродненскомъ древне-православномъ монастырѣ Коложѣ, обращенномъ въ уніатскій, служили уже по православному обряду съ діакономъ изъ нашего собора и народъ привыкалъ къ православному служенію въ уніатскихъ церквахъ.

Въ Журавичахъ, гдѣ были консисторія и семинарія греко-

¹⁾ Гр. М. Н. Муравьевъ, говоря о присоединеніи греко-уніатовъ, впадаетъ въ нѣкоторые неточности, поэтому отсылаемъ читателей къ весьма обстоятельной монографіи гр. Д. А. Толстаго: «Іосифъ Сѣмашко» въ книгѣ «Слова и Рѣчи» гр. Д. А. Толстаго, Спб. 1876 г. стр. 65—135. Ред.

униатскія, уже съ 1834 г. не поминали папу, и Семашко съ 1835 г. уже почти отъ всѣхъ греко-униатовъ Гродненской губ. получилъ подписки на согласіе къ переходу въ православіе. Одинъ Михайль Голубовичъ (теперешній, т. е. въ 1866 г., епископъ Минскій) противился этому по наущенію католиковъ. Семашко обратился ко мнѣ и вскорѣ Голубовичъ смирился, сдѣлавшись впоследствии ревностнымъ православнымъ. Я не буду упоминать о всѣхъ противодѣйствіяхъ, встрѣчаемыхъ Семашкою на трудномъ поприщѣ, ему предстоявшемъ; католики сильно ему противодѣйствовали, а въ особенности униатскіе монастыри, наполненные католиками, подъ названіемъ лишь базилианъ.

Не однажды ко мнѣ пріѣзжалъ въ Гродно Семашко, передавая мнѣ грустное свое настроеніе о встрѣчаемыхъ повсюду препонахъ къ исполненію великаго дѣла. Правительство наше, какъ и всегда, колебалось, соображаясь съ возгласами и противодѣйствіями Европы, а когда надо было дѣйствовать, то графъ Блудовъ отлагалъ исполненіемъ и тѣмъ самымъ въ самихъ униатахъ, давшихъ согласіе на присоединеніе, возраждалъ недовѣріе къ самому дѣлу и многіе даже отступились отъ своихъ обѣщаній. Не однажды самъ Семашко выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ своего дѣла и хотѣлъ идти въ монахи въ одинъ изъ православныхъ монастырей; но Богъ видимо помогалъ великому и святому дѣлу; терпѣніемъ и настойчивостію Семашки преодолены были всѣ противодѣйствія и въ 1839 году 25-го марта торжественно было объявлено воссоединеніе униі съ православіемъ; такимъ образомъ болѣе 2.500,000 жит. обоего пола въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ увеличили число православныхъ. Священниками остались старые униаты, хотя и принявшіе православіе, но по привычкѣ и по обычаю болѣе католики и поляки. Трудно было Іосифу, который съ нимъ вмѣстѣ былъ сдѣланъ митрополитомъ Литовскимъ, устроить новую свою православную паству. Хотя Государь и давалъ ему всевозможныя матеріальныя къ тому средства, но дѣло состояло въ моральномъ преобразованіи духовенства и освобожденіи самихъ крестьянъ отъ давленія и ига пановъ-католиковъ, которые не давали крестьянамъ своимъ свободно усвоивать православную религію.

Нравственное преобразование духовенства требовало много времени и матеріальной поддержки, которой оно не имѣло и оно оставалось въ той же бѣдности и зависимости отъ богатыхъ па-

новъ. При чемъ надо замѣтить, что главные правители края оказывали явное предпочтеніе католическому духовенству и не только не содѣйствовали митрополиту Іосифу, но даже противоудѣйствовали во многомъ.

При такой неблагоприятной обстановкѣ дѣла, надо удивляться, какъ митрополитъ Іосифъ удержалъ оное. Правительство обязано единственно ему въ совершеніи сего великаго дѣла, которое съ тѣмъ вмѣстѣ положило въ будущемъ твердое начало русской народности въ край и дало возможность сельскому населенію бороться съ мятежемъ.

Мятежъ 1863 г. положилъ вѣнецъ сему дѣлу, ибо крестьяне, получивъ свободу манифестомъ 19-го февраля 1861 г., только въ 1863 г. получили ее на самомъ дѣлѣ, вполнѣ ограждены отъ ига и грабежей бывшихъ пановъ и, возчувствовавъ всю важность присоединенія ихъ къ православію и русской народности, послужили твердымъ оплотомъ будущаго развитія въ край русскаго начала, которое должно быть нераздѣльно съ православіемъ.

Правительство должно убѣдиться въ томъ, что первый врагъ русской народности въ томъ крайѣ есть полонизмъ и въ связи съ нимъ католичество, ибо католикъ и полякъ односмысленны въ понятіяхъ народа и потому ослабленіе вліянія католицизма въ крайѣ есть одна изъ главныхъ мѣръ, на которыя должно обращать вниманіе правительство.

III.

Во время мятежа 1863 г. поляки наиболѣе выказывали озлобленія противу православной церкви и служителей ея, такъ что во многихъ мѣстностяхъ православные священники должны были скрываться отъ ихъ преслѣдованія; нѣкоторые были умерщвлены ими при страшныхъ истязаніяхъ и мученіяхъ, не говоря уже о многихъ православныхъ крестьянахъ, а въ особенности старовѣраxъ, которые съ самоотверженіемъ служили правительству и подвергались мучительной смерти. Эти гоненія и истязанія нашего духовенства и вообще православныхъ обывателей вынудили меня принять самыя строгія мѣры къ взысканію съ тѣхъ селеній и помѣщичьихъ мызъ, которыя въ томъ участвовали, и только уничтоженіемъ этихъ вертеповъ варварства и разбоя и выселеніемъ

жителей ихъ въ дальнія губерніи, и могъ достигнуть до прегражденія всѣхъ неистовствъ мятежныхъ бандъ.

Польская пропаганда старалась выставлять съ самой невыгодной стороны принимаемыя мѣры въ укрощенію мятежа, скрывая всѣ неистовства, производимыя мятежниками; но что болѣе всего грустно для всякаго русскаго, это то, что въ самомъ Петербургѣ лица высокопоставленныя сочувствовали и отчасти даже поддерживали происки и возгласы польскихъ революціонеровъ; это сочувствіе доходило до того, что высылаемыя по приговору военныхъ судовъ въ Сибирь мятежники были останавливаемы въ Петербургѣ военнымъ генераль-губернаторомъ кн. Суворовымъ и, подъ предлогомъ болѣзни, допускаемы были къ свиданіямъ со всѣми своими единомышленниками, какъ въ тюрьмѣ, такъ и внѣ оной; отъ нихъ принимаемы были даже разныя письменныя опроверженія и клеветы на мѣстное начальство, которыя и распространялись тѣмъ же генераль-губернаторомъ въ петербургской публикѣ, такъ что главныхъ преступниковъ я вынужденъ былъ высылать не чрезъ Петербургъ, а окольнымъ путемъ, чрезъ Псковъ, Новгородъ и далѣе до Москвы.

Вліяніе генераль-губернатора на общее мнѣніе въ Петербургѣ, конечно, не было принято многими изъ благомыслящихъ русскихъ, но среди нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ оно имѣло не малое сочувствіе и вредило успѣху дѣла подавленія польской пропаганды; многіе даже секретные агенты мятежа, предвидя предстоящую имъ въ Западномъ краѣ опасность, срывались въ Петербургъ и, вопреки законамъ, получали изъ главнаго Петербургскаго управленія паспорта за границу и такимъ образомъ ускользали отъ преслѣдованія закона.

Къ чести русскаго общества въ Петербургѣ, которое постоянно всѣми силами противоудѣйствовало польской пропагандѣ, прилагаются присежъ стихи Федора Ивановича Тютчева, произведшіе шумъ и вызвавшіе сочувствіе ¹⁾.

Переписка моя съ генераль-губернаторомъ кн. Суворовымъ и петербургскими властями для прекращенія видимаго покрови-

¹⁾ Стихи эти довольно извѣстны, это тонко саркастическое посланіе къ кн. А. А. Суворову. При нашемъ спискѣ Записокъ гр. М. Н. Муравьева, стихотворенія Ф. И. Тютчева не имѣется.

тельства его польскимъ мятежникамъ ни къ чему не повела, ибо правительство было разслаблено (?) во всѣхъ отрасляхъ управленія.

Независимо отъ покровительства, оказываемаго польской пропагандѣ петербургскимъ управленіемъ, значительно воспособляю ей все управленіе Остзейскихъ губерній; польскіе мятежники, какъ явные, такъ и тайные, урывались въ большомъ числѣ въ Ригѣ, въ Ревелѣ и вообще въ Прибалтійскомъ краѣ, оставаясь подъ покровительствомъ тамошняго бессмысленнаго и слабого управленія генераль-губернатора барона Ливена. Не взирая на всѣ требованія, какъ мои, такъ и смежныхъ съ Прибалтійскимъ краемъ военныхъ и гражданскихъ начальствъ, съ трудомъ удавалось иногда только выхватить оттуда (нѣсколько) лицъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ. Остальные, подъ разными именами, укрывались тамъ и получали паспорта за границу. Къ сожалѣнію, я почти тоже долженъ сказать объ управленіи югозападнымъ краемъ генераль-адъютанта Анненкова; тамъ польская пропаганда и мятежные заговоры не прекращались и служили въ поддержанію мятежа въ южныхъ губздахъ Гродненской и Минской губерній.

Былъ даже замѣчательный въ 1863 г. случай, что на частномъ Кіевскомъ пароходѣ, „Кумирь“, были отправлены вооруженные повстанцы въ Цинскъ; но благодаря сельской стражѣ, на границѣ Кіевской и Минской губерній, пароходъ этотъ былъ остановленъ и послѣшивъ возвратиться обратно въ Кіевъ, не дозволивъ сдѣлать надлежащаго обыска, при чемъ три человека сельской стражи были потоплены быстрымъ поворотомъ парохода. Кіевскій генераль-губернаторъ старался замѣть это дѣло и виновные не были обнаружены.

Всѣ эти противодѣйствія или, лучше сказать, безразсудные поступки сосѣднихъ главныхъ начальствъ, подъ видомъ филантропіи, были причиною столь дерзкихъ и настойчивыхъ дѣйствій польскихъ революціонеровъ въ Сѣверозападномъ краѣ.

При всей неудачѣ ихъ дѣйствій въ ономъ, при скоромъ подавленіи мятежа, главные дѣятели его не переставали по этимъ причинамъ быть увѣренными, что всѣ принимаемая мною мѣры къ подавленію мятежа будутъ скоро, волею высшаго правительства, ослаблены и высланные изъ края мятежники возвратятся на родину. Эта увѣренность такъ была велика, что отправляемые

преступники, прощаясь съ родными, объявляли во всеуслышаніе, что они скоро возвратятся и пѣли гимны о возстановленіи Польши.

Всѣ мои сообщенія о томъ министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ, даже съ докладами о томъ Государю, не имѣли никакого результата; высланнымъ изъ края лицамъ обызваемо было полное снисхожденіе отъ мѣстныхъ начальствъ и министерство внутреннихъ дѣлъ размѣщало ихъ почти по всѣмъ городамъ центральныхъ нашихъ губерній.

Такимъ образомъ зло распространялось по всей Россіи; сосланные поляки повсюду пропагандировали свои революціонные замыслы и старались увлечь на свою сторону, по несчастію, существующій у насъ не въ маломъ количествѣ, революціонный элементъ. Моральная зараза была очевидна, — переписка сосланныхъ между собою и съ оставшимися въ край родными и знакомыми о томъ достаточно свидѣлствуетъ. Я неоднократно объ этомъ сообщалъ петербургскому начальству, и о семъ доводимо было до свѣдѣнія Государя; но всѣ эти представленія остались тщетными. Филантропическія заблужденія петербургскаго правительства были такъ велики, что польза Россіи, не взирая на положительныя повелѣнія Государя, была забываема и должна была уступить мѣсто польскимъ тенденціямъ.

Надо замѣтить, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ продолженіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, польская пропаганда успѣла приобрести не малое число сообщниковъ, какъ изъ поляковъ, высланныхъ туда на жительство, такъ и изъ русскихъ. Довозательствомъ тому служатъ покушенія въ мятежу въ Казани и приволжскихъ губерніяхъ. Распространившіяся, начиная съ Симбирска, по всему этому пространству и по всей Россіи въ 1864 и 1865 гг. пожары были, какъ извѣстно, болѣе или менѣе производимы агентами польской эмиграціи.

Многіе изъ бывшихъ въ каторжной работѣ и вообще изъ сосланныхъ въ Сибирь, за участіе въ мятежѣ 1831 и 1848 гг., были возвращены въ Западный край и въ Царство Польское ¹⁾,

¹⁾ Въ 1856 г. въ Царство Польское возвратились изъ русскихъ губерній и изъ чужихъ краевъ болѣе 5-ти тысячъ поляковъ.

Примѣч. въ 1871 г. П. А. Мухомова.

и какъ извѣстно, сдѣлались главными распорядителями мятежа 1863 г. Знакомства же ихъ и связи въ Россіи служили какъ бы этапными пунктами для сношеній и покровительства высланныхъ въ 1863 г. въ Сибирь мятежниковъ.

Такимъ образомъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, расселены по всей Россіи агенты польскаго мятежа, грезящіе ¹⁾ несомнѣнными въ будущемъ бѣдствіями для Россіи. Всѣ мои настоятельныя ходатайства и представленія о сосредоточеніи сосланныхъ мятежниковъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ, гдѣ бы они менѣе могли быть вредны, не имѣли никакого успѣха.

IV.

Взглядъ правительства на мятежъ въ исходѣ 1863 г.

Мною уже было объяснено, какимъ страхомъ было объято правительство наше въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1863 г., при появленіи повсемѣстно въ Западномъ край и Царствѣ Польскомъ вооруженныхъ шаякъ; страхъ этотъ тѣмъ болѣе увеличивался, что почти изъ всѣхъ столичныхъ учебныхъ заведеній: медико-хирургической академіи, университета, гимназій и изъ многихъ полковъ, а въ особенности изъ артиллерій, инженеровъ и генеральнаго штаба, молодые люди подъ разными фальшивыми паспортами отправились въ Сѣверозападный край и вступили въ мятежныя шайки. Къ сожалѣнію, надо сказать, что въ числѣ ихъ было нѣсколько русскихъ православныхъ. Правительство въ то время еще не отрезвилось и идеи филантропіи и гуманности, въ ущербъ Россіи, имѣли перевѣсъ во всѣхъ государственныхъ обсужденіяхъ и министерствахъ; такъ въ началѣ 1863 г. было объявлено по военному вѣдомству высочайшее повелѣніе ²⁾, что всѣ офицеры, желающіе участвовать въ дѣлахъ противъ мятежниковъ, могутъ просить о переводѣ ихъ въ поля, квартирующіе во внутреннихъ губерніяхъ. Мѣра эта поколебала даже и тѣхъ, которые и не дерзали думать, что они могутъ нарушить присягу и измѣнить

¹⁾ Писано въ началѣ 1866 г.

²⁾ Испрошено оно было еще военнымъ министромъ Сухованетомъ.

знамени. Скоро распоряженіе это возымѣло свои плоды: изъ всѣхъ полковъ много поступило просьбъ на основаніи сего высочайшаго повелѣнія; многіе выходили въ отставку и вступали въ ряды мятежниковъ, независимо отъ тѣхъ, которые прямо дезертировали. Правительство само сею, такъ называемою, гуманною мѣрою возбуждало въ офицерахъ польскаго происхожденія—католикахъ мысль о томъ, что они могутъ и должны устранять себя отъ службы Государю и Россіи противъ польскихъ мятежниковъ, къ чему побуждалъ ихъ и революціонерный польскій жондъ, разсылкою во всѣ полки черезъ почту и по начальству печатныхъ циркуляровъ, съ требованіемъ, чтобы всѣ лица польскаго происхожденія и католики оставляли службу и переходили въ ряды мятежныхъ бандъ.

Мысль, выраженная такимъ образомъ самимъ правительствомъ о различіи національности, въ рядахъ войскъ произвела такое сильное впечатлѣніе на русскихъ начальниковъ, что многіе изъ нихъ просили меня, по прибытіи моемъ въ Вильну, переводить солдатъ польскаго происхожденія во внутреннія губерніи.

Для прекращенія этой гибельной заразы, разрушающей достоинство и силу войскъ нашихъ, я вынужденъ былъ, тотчасъ по прибытіи въ Вильну, отдать приказъ, въ противность помянутаго распоряженія военнаго министерства, съ тѣмъ, чтобы тѣ офицеры, которые осмѣлятся разбирать національности и думать, что они смѣютъ уклоняться отъ обязанности вѣрноподданнической присягѣ, будутъ немедленно судимы по всей строгости законовъ, какъ клятвопреступники.

Распоряженіе произвело магическое дѣйствіе. Поляки, служившіе въ рядахъ войскъ, убѣдились, что съ ними шутить не будутъ, и ежели они въ душѣ остались врагами нашими, то по крайней мѣрѣ исполняли свои обязанности и не срамили достоинства русскихъ войскъ, всегда вѣрныхъ Государю и Россіи.

Надо замѣтить, что въ 1831 году почти не было примѣровъ, чтобы офицеры польскаго происхожденія переходили къ мятежникамъ и болъшею частію они вѣрою и правдою служили въ рядахъ нашихъ, противъ своихъ собратій, тогда какъ въ 1863 году все это измѣнилось, болъшею частію по волѣ самаго правительства.

Вслѣдъ за изданіемъ мною помянутаго приказа, одумалось и само правительство и военное министерство объявило, что пере-

водовъ во внутренне полки болѣе допущено не будетъ; но не отмѣнялось право подачи въ отставку; впрочемъ за состоявшимся приказомъ моимъ уже никто не подавалъ въ отставку изъ офицеровъ и только тѣ были увольняемы отъ службы, которые признавались неблагонадежными и засимъ отдавались подъ надзоръ полиціи, а нѣкоторые даже высылались изъ края.

По мѣрѣ подавленія мятежа, петербургскія власти стали ободряться (?) и оказывать сочувствіе и покровительство будто бы угнетеннымъ мятежникамъ-полякамъ. О многихъ изъ нихъ поступали ко мнѣ изъ Петербурга ходатайства о снисхожденіи, помилованіи и т. п., словомъ первоначальный страхъ сталъ забываться и свойственные правительству нашему quasi-гуманность, потворство и угодничество европейскимъ тенденціямъ противъ Россіи (!?) начали видимо вновь развиваться, такъ что уже во время пребыванія Государя въ Крыму, т. е. въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1863 г., я началъ получать официальные настоянія о возможномъ ослабленіи принятыхъ мѣръ въ укрощенію мятежа ¹⁾.

¹⁾ Жестокость была противна всей доброй, высокогуманной натурѣ незабвеннаго Государя Александра II. Какъ повелитель многихъ народовъ, соединенныхъ подъ его державою, онъ видѣлъ и въ полякѣ того же подданнаго, къ кому скоро въ полякѣ мятежникъ бывалъ сраженъ, мятежникъ понесъ наказаніе за свое преступленіе, то наступало возможно скорое прощеніе и забвеніе прошлаго. Вотъ почему Александръ II спѣшилъ смягчить Муравьевскій терроръ, направленный противъ многихъ сотенъ, даже тысячъ лицъ. Мы не касаемся собственно государственныхъ мѣръ и преобразованій въ Северо-западномъ край, совершенныхъ Муравьевымъ. Мы говоримъ лишь о лютости его противъ лицъ, о той страстности и виртуозности въ дѣлѣ гоненій нерѣдко лишь подозрѣваемыхъ и зачастую нравственно истерзанныхъ лицъ долговременныхъ, до его, Муравьева, вождѣ, заоченіемъ. Вспоминаемъ по этому поводу рассказъ князя В. А. Черкаскаго, который и приводимъ здѣсь дословно.

— „Въ 1864 г., проѣздомъ изъ Варшавы въ Петербургъ, я посѣтилъ въ Вильнѣ Муравьева. Диктаторъ Литвы, подобно большимъ и малымъ деспотамъ, — известнымъ въ исторіи — предавался иногда нѣкоторому добродушію въ разсказахъ о своей дѣятельности. Такъ, распрашивая меня, какъ дѣйствуетъ графъ Бергъ въ Царствѣ Польскомъ, Муравьевъ, сложивъ руки на своемъ объемистомъ животѣ, сказалъ:

— „Да, графу Бергу трудно въ Царствѣ, трудноѣе, чѣмъ мнѣ здѣсь, въ Литвѣ. У него сплошное населеніе, одинъ народъ. У меня же мятежники, — элементъ наносный, какъ рѣка наноситъ песокъ, это — польское дворянство въ край. Мнѣ гораздо легче вырывать ихъ и сажать въ тюрьмы. Очень часто я ихъ сажаю безъ малѣйшей вины, даже подозрѣнія нѣтъ; ну, въ такомъ случаѣ, я всегда рѣ-

Такъ какъ уже къ ноябрю мѣсяцу 1863 г. во всѣхъ вѣрренныхъ мнѣ губерніяхъ, не исключая и Августовской, мятежъ былъ совершенно укрощенъ и засимъ исполнено было возложенное на меня Государемъ порученіе, а потому я, при совершенно разстроенномъ здоровьѣ, призналъ нужнымъ оставить управленіе краемъ и, на основаніи даннаго мнѣ Государемъ обѣщанія при посылкѣ меня въ Западный край, просилъ его величество освободить меня отъ управленія онымъ.

На письмо мое Государю отъ 3-го ноября 1863 г., его величество удостоилъ меня милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ положительно изъявлялъ желаніе свое, чтобы я продолжалъ управленіе краемъ, доколѣ здоровье мое это позволить, на что я вынужденъ былъ согласиться, хотя вполне чувствовалъ, что скоро измѣнятся общіе взгляды высшихъ правительственныхъ лицъ на польскій мятежъ. Я остался, но съ твердымъ намѣреніемъ не давать правительству колебаться въ своихъ мѣроположеніяхъ и, опираясь на заявленное Государемъ желаніе, чтобы я оставался въ край, приступилъ къ полному преобразованію внутренняго быта онаго, уничтожая польскую пропаганду и водворяя на прочныхъ началахъ русскую народность и православіе. Такимъ образомъ съ ноября мѣсяца 1863 г. начинается новый періодъ моего управленія краемъ, т. е. эпоха внутренняго преобразованія онаго.

Не лишнимъ нахожу упомянуть, что въ ознаменованіе своего благоволенія ко мнѣ, Государь изволилъ 30-го августа 1863 г., въ день тезоименитства своего, прислать мнѣ орденъ св. Андрея Первозваннаго, при милостивомъ рескриптѣ; но такъ сильно было вліяніе противодѣйствующей мнѣ партіи, что въ то же время, какъ бы съ цѣлью ослабить значеніе данной мнѣ награды, пожалованъ былъ тѣмъ же орденомъ кievскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Анненковъ, при рескриптѣ таковаго же содержанія, тогда какъ въ Югозападномъ крайѣ не было не только

шаю: пусть посидитъ подъ замкомъ, да подождетъ, быть можетъ, что нибудь и отыщется. И что-жъ вы думаете? Я былъ такъ счастливъ, что всегда что нибудь за сидѣльцемъ-то монимъ и отискивалъ. Ну, тогда и подай его сюда!"

•И говорилось это М. Н. Муравьевимъ тихимъ мягкимъ голосомъ, съ самою добродушною улыбкою и съ видимымъ душевнымъ самоуслажденіемъ.

Да, это была въ высшей степени типичная, вполне своеобразная личность.

принимается мѣръ къ укрощенію мятежа, но явнымъ образомъ былъ допускаема польская пропаганда, даже въ самомъ Кіевѣ.

Одновременная награда генераль-адъютанта Анненкова произвела общій ропотъ русскихъ и возродила справедливое недоверіе къ прочности вводимой мною системы управленія. Негодованіе это отразилось даже въ лицѣ председателя государственнаго совѣта, графа Блудова, который почтилъ меня поздравительнымъ письмомъ, въ коемъ онъ объясняетъ свой взглядъ на эту награду. а въ 8-му ноября 1863 г., день моего ангела, русскіе люди, во главѣ коихъ былъ графъ Блудовъ, желая моральнымъ сочувствіемъ поддержать вводимый мною въ край порядокъ управленія и систему къ уничтоженію польской крамолы и мятежа, удостоили меня присылкою драгоценной иконы св. архистратія Михаила, при многознаменательномъ письмѣ, за подписью болѣе 80-ти лицъ, въ коемъ изъявляютъ сочувствіе свое. Даръ этотъ и благословеніе русскихъ, исходящія изъ глубокихъ чувствъ любви къ отечеству и приверженности въ православію, изгладили во мнѣ то горестное впечатлѣніе, которое произвела двусмысленная (?) награда орденомъ Андрея Первозваннаго. Въ присланной иконѣ я видѣлъ торжество русскаго дѣла и русскихъ чувствъ, смѣю сказать всей Россіи, которыхъ не въ силахъ поколебать ни польская пропаганда, ни внутренніе враги Россіи.

V.

Еще въ 1863 году, во время самаго мятежа, я дѣлалъ, сколько могъ, необходимыя распоряженія къ обезсиленію вліянія польскихъ пановъ, шляхты и ксендзовъ, всегда намъ враждебныхъ, и улучшалъ моральный и матеріальный бытъ подвластныхъ имъ крестьянъ, поддерживая вездѣ православіе, водворяя вездѣ русскія школы, не только среди сельскаго населенія, но и въ городахъ, привлекая и евреевъ, дотолѣ вовсе чуждыхъ русскому дѣлу, къ обученію русской грамоты. Ксендзовъ же подчинилъ самому строгому наблюденію мѣстныхъ уѣздныхъ властей, которыя были ужъ почти всѣ изъ русскихъ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ мною къ обузданію католическаго духовенства, я закрылъ и вовсе упразднилъ три католическія

общества, учрежденныя подъ видомъ благотворительности и улучшения народной нравственности, но въ сущности имѣвшія цѣлью распространить вліяніе латинской пропаганды и подчинить оной населеніе края, преимущественно сельское.

„Общество трезвости“, имѣвшее будто бы цѣлью уничтоженіе пьянства въ народѣ, было учреждено еще въ 1860 году, т. е. при началѣ развитія въ край польской пропаганды. Это братство трезвости утверждено, вопреки законамъ, папскимъ благословеніемъ и передано къ исполненію католическимъ епископамъ. Главными дѣятелями онаго были: въ Ковенской губерніи епископъ Волончевскій, а въ Виленской и Гродненской—Красинскій. Волончевскій не замедлил распорядиться, чтобы все духовенство вѣренной ему епархіи приняло въ ономъ дѣятельное участіе. Во всѣхъ церквахъ съ амвона провозглашаемо было открытіе братства; всендзы внушали народу на исповѣди обязанность каждаго записаться въ братство трезвости, и, подъ видомъ сего, подчиниться безусловно распоряженіямъ духовенства, которое съ разрѣшенія епископа и съ благословенія папы разрѣшало имъ грѣхи на многіе годы впередъ; такимъ образомъ народъ сдѣлался безмолвнымъ исполнителемъ католическаго духовенства, которое направляло его противу нашего правительства, содѣйствуя всѣмъ революціоннымъ манифестаціямъ, проявившимся въ 1861 году во всемъ краѣ.

Бывшій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Назимовъ, видѣлъ это зло, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы оно остановить. Епископъ Волончевскій на данное ему предложеніе отвѣтствовалъ рѣзкимъ отказомъ и въ началѣ 1862 г. и въ 1863 г. старался еще болѣе усилить вліяніе духовенства на народъ, чтобы завлечь оный къ мятежу.

Въ теченіи 1863 г. и въ концѣ его приняты мною мѣры къ остановленію сего вреднаго фанатическаго вліянія римско-католическаго духовенства на народъ. Братства трезвости были рѣшительно воспрещены, и тѣ всендзы и землевладѣльцы, которые нарушали это распоряженіе, были подвергаемы законной отвѣтственности и, сверхъ того, денежнымъ штрафамъ. Такимъ же образомъ римско-католическое духовенство подвергалось штрафу за учрежденіе школъ вопреки закона, безъ вѣдома учебнаго вѣ-

домства, единственно съ цѣлю распространять латинско-польскую пропаганду.

Строго и безъ колебанія приводимыя въ исполненіе распоряженія мои по сему предмету скоро достигли цѣли и народъ постепенно сталъ выходить изъ подъ сильнаго гнета римско-католическаго духовенства, которое съ своей стороны невольно должно было подчиниться ближайшей мѣстной военной и гражданской власти.

Не менѣе вредное, учрежденное въ Вильнѣ, въ 1861 г., „общество Винцентинокъ“ (S-t Vincent de Paul) г-жею Бучинскою, извѣстною по религіозному фанатизму, имѣло цѣлю, охвативъ всѣ умы, не только польскихъ, но и болѣе значительныхъ русскихъ дамъ въ Вильнѣ, даже и въ Петербургѣ, подѣя предложомъ благотворенія, собирать деньги для содѣйствія мятежу. Генералъ-адъютантъ Назимовъ, жена его, а за ними и болѣе большая часть русскихъ дамъ записались въ члены общества, состоявшаго подѣя главнымъ распоряженіемъ Виленскаго епископа Красинскаго.

Бучинская первая подала примѣръ ношенія траура и собранныя деньги она раздавала женщинамъ изъ простолюдинокъ съ обязательствомъ носить трауръ по ойчизнѣ. Въ началѣ 1863 г. самъ генералъ-губернаторъ (Назимовъ) догадался къ чему стремилось общество: Бучинскую отправилъ (онъ) на жительство въ деревню и воспрещены собранія общества. Но генерала Назимова уже никто не слушалъ: общество неоднократно собиралось въ самой Вильнѣ, подѣя предсѣдательствомъ епископа Красинскаго.

Мною сдѣланы были распоряженія къ преслѣдованію дѣйствій Общества. Красинскій уже прежде сего былъ мною высланъ въ Вятку; главные дѣятели общества: Бучинская, Лопацинская, графиня Платеръ и другія дамы, по разсмотрѣніи ихъ дѣйствій въ слѣдственной комиссіи, были отправлены на жительство во внутреннія губерніи имперіи и общество окончательно закрыто съ обнародованіемъ вредныхъ дѣйствій онаго.

Позднѣе, уже въ 1864 г., было упразднено общество госпожи Домбровской, учрежденное съ разрѣшенія высшаго начальства подѣя названіемъ „благотворительнаго“, въ которомъ участвовали почти всѣ жители края, посредствомъ дѣлаемыхъ съ нихъ сборовъ; общество это имѣло свои дома будто бы для призрѣнія бѣдныхъ; но въ сущности цѣль его была содѣйствовать мятежу раз-

личными сборами и разсылкою агентовъ для сбора по всему краю. Агенты эти, преимущественно женщины, служили переносчицами всѣхъ политическихъ мятежныхъ сношеній и составляли родъ монашествующихъ, давшихъ обѣтъ посвятить себя благотворенію.

Домбровская завела отдѣлы этого общества въ Ковнѣ, Шавляхъ, Динабургѣ, Креславкѣ, Освеѣ, Дрогичинѣ и другихъ мѣстахъ. У нея были даже агенты въ Константинополь для сношенія по мятежу и въ разныхъ мѣстахъ Сѣверо-западнаго края.

Въ оставшихся, за упраздненіемъ въ прежнее время, монастыряхъ сестры милосердія, при слабости правительственнаго надзора и съ разрѣшенія епископовъ, келейно учреждали обители; таковыя были въ Креславкѣ, въ Освеѣ и Дрогичинѣ, въ Ковнѣ и иныхъ мѣстахъ. Всѣ эти обители, вмѣстѣ съ упраздненіемъ общества Домбровской, были закрыты, дома взяты въ казну и, такъ называемыя, монахини разсланы на мѣста своей родины.

Домбровская умерла въ началѣ 1864 года, и потому избѣгнула отвѣтственности.

Уничтоженіемъ сихъ трехъ главныхъ обществъ, столь дѣятельно помогавшихъ мятежу, сильно возродилось негодованіе польской пропаганды, поддерживаемой, какъ выше сказано, въ Петербургѣ, и я, конечно, не успѣлъ бы достигнуть цѣли умиротворенія края, еслибъ на всѣ эти распоряженія испрашивалъ предварительно разрѣшенія столицы. Я видѣлъ необходимость безостановочно дѣйствовать и поразить гидру мятежа, не останавливаясь ни передъ какими препонами, постоянно возраждавшимися не столько на мѣстѣ, сколько въ столицѣ.

Вслѣдъ за этими мѣрами и совокупно съ оными, а въ особенности въ 1864 г., сдѣланы распоряженія въ ограниченію вліянія латинскаго духовенства.

Всѣ сказанныя, болѣе или менѣе успѣшно примѣняемыя распоряженія, а въ особенности устройство быта крестьянъ и дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, ограждавшія крестьянъ отъ тяжелыхъ оброковъ, возбудили общее, такъ сказать, возстаніе польской пропаганды и наполнило возгласами Петербургъ; но тѣмъ не менѣе край видимо смирился и осталось только окончателное изслѣдованіе тайныхъ дѣйствій главныхъ агентовъ онаго, изъ коихъ многіе имѣли постоянную связь съ таковыми же Петербургскими. Изслѣдованія эти съ успѣхомъ продолжались и постоянно обна-

руживалась вся глубоко задуманная система мятежа и столь усильно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, утвердившаяся въ край отъ безопасности главнаго мѣстнаго начальства и отъ неразумія края и положенія въ немъ дѣлъ нашимъ правительствомъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ.

4-го апрѣля 1866 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчанія къ Запискамъ М. Н. Муравьева.

I.

Къ главѣ I, къ мѣсту о замѣнѣ мировыхъ посредниковъ изъ поляковъ русскими: если бы мѣры эти не были приняты и польскіе мировые дѣятели не были бы отстранены, то мятежь долго бы продолжался и, вѣроятно, народъ былъ бы противъ насъ. Замѣчательно, что 28-го января (день кончины Петра Великаго) въ 1861 году, когда Государь, въ присутствіи государственнаго совѣта, обсуживалъ окончательные вопросы Положенія о крестьянахъ, а равно и мѣстное положеніе для Западныхъ губерній — въ это самое время свалилась императорская корона съ литовской погоны (вся зала государственнаго совѣта обита по пунцовому бархату гербами всѣхъ губерній Россіи) и это было какъ бы предзнаменованіемъ тѣхъ событій, которыя тамъ произошли.

Гр. М. Н. М.

II.

Рассказъ Андрея Николаевича Муравьева,

брата графа М. Н. Муравьева.

Весьма любопытно иногда знать такъ называемое *le dessous des cartes*, чтобы выяснитъ себѣ, какъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ могутъ произойти великія дѣла и эта вставка послужитъ къ объясненію вышепомѣщеннаго текста.

При нерасположеніи Государя Александра II къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, довольно странно внезапное назначеніе его въ Вильну, когда до такой степени о немъ забыли, не смотря на его присутствіе въ Петербургѣ, не смотря на его прежнюю многозвѣстную дѣятельность въ Западномъ край, что прежде вызвали даже брата его,

преступники, прощаясь съ родными, объявляли во всеуслышаніе, что они скоро возвратятся и пѣли гимны о возстановленіи Польши.

Всѣ мои сообщенія о томъ министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ, даже съ докладами о томъ Государю, не имѣли никакого результата; высланнымъ изъ края лицамъ оказываемо было полное снисхожденіе отъ мѣстныхъ начальствъ и министерство внутреннихъ дѣлъ размѣщало ихъ почти по всѣмъ городамъ центральныхъ нашихъ губерній.

Такимъ образомъ зло распространялось по всей Россіи; сосланные поляки повсюду пропагандировали свои революціонные замыслы и старались увлечь на свою сторону, по несчастію, существующій у насъ не въ маломъ количествѣ, революціонный элементъ. Моральная зараза была очевидна,—переписка сосланныхъ между собою и съ оставшимися въ край родными и знакомыми о томъ достаточно свидѣлствуетъ. Я неоднократно объ этомъ сообщалъ петербургскому начальству, и о семъ доводимо было до свѣдѣнія Государя; но всѣ эти представленія остались тщетными. Филантропическія заблужденія петербургскаго правительства были такъ велики, что польза Россіи, не взирая на положительныя повелѣнія Государя, была забываема и должна была уступить мѣсто польскимъ тенденціямъ.

Надо замѣтить, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ продолженіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, польская пропаганда успѣла приобрѣсть не малое число сообщниковъ, какъ изъ поляковъ, высланныхъ туда на жительство, такъ и изъ русскихъ. Довозительствомъ тому служатъ покушенія къ мятежу въ Казани и приволжскихъ губерніяхъ. Распространявшіяся, начиная съ Симбирска, по всему этому пространству и по всей Россіи въ 1864 и 1865 гг. пожары были, какъ извѣстно, болѣе или менѣе производимы агентами польской эмиграціи.

Многіе изъ бывшихъ въ каторжной работѣ и вообще изъ сосланныхъ въ Сибирь, за участіе въ мятежѣ 1831 и 1848 гг., были возвращены въ Западный край и въ Царство Польское¹⁾,

¹⁾ Въ 1866 г. въ Царство Польское возвратились изъ русскихъ губерній и изъ чужихъ краевъ болѣе 5-ти тысячъ поляковъ.

Примѣч. въ 1871 г. П. А. Муханова.

хотя уже не съ враждебной стороны. Прямо съ совѣщанія кн. Горчаковъ призывалъ Н. П. Игнатьева и сказалъ ему съ торжествомъ:

— «Удалось! Сейчасъ ѣду предварить Муравьева».

— «Что вы дѣлаете?—возразилъ Игнатьевъ,—вы испортите все дѣло, онъ навѣрно откажется, если будетъ предваренъ вами, и вы будете отвѣчать передъ Государемъ за ваше предложеніе! Пусть Государь дѣйствуетъ самъ собою и пошлетъ за нимъ фельдъегеря. Самая неожиданность скорѣе его убѣдитъ».

Такъ все и было исполнено.

Н. П. Игнатьевъ рассказалъ мнѣ о послѣдующемъ уже по возвращенія моемъ изъ Кіева, когда братъ совершилъ уже свои великія дѣла; узнавъ о моемъ приѣздѣ, онъ приѣхалъ ко мнѣ и, радостно обнявъ, сказалъ:

— «Какъ счастливо намъ это удалось! А никто и не знаетъ, что мы съ тобой были первыми двигателями этого назначенія».

Я самъ никогда не рассказывалъ этого покойному брату, чтобы его не оскорбить; но мнѣ такъ совѣстно было передъ его семействомъ, которое какъ бы на смерть отпустило его въ Вильну, что я остался въ Петербургѣ до самаго его отъѣзда.

1867 г.

Андрей Никол. Муравьевъ.

РУССКАЯ СТАРША

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ¹⁾.

Записки его объ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ и объ
усмиреніи въ немъ мятежа,

1864 и 1865 гг.

I.

Повончивъ съ мятежемъ и водворивъ полное спокойствіе въ край, я призналъ необходимымъ поѣхать въ Петербургъ и лично доложить Государю о настоящемъ положеніи края и о принятыхъ мною къ обрусѣнію онаго мѣрахъ; при чемъ возобновить и ходатайство мое объ освобожденіи меня отъ дальнѣйшаго управленія тѣмъ краемъ по причинѣ крайне разстроеннаго здоровья.

И тѣмъ болѣе признавалъ необходимымъ оставить край, что высшее правительство, успокоившись на счетъ мятежа, начинало по прежнему прибѣгать къ мѣрамъ снисхожденія и уступчивости, признавая даже полезнымъ снять въ скоромъ времени военное положеніе и многихъ изъ высланныхъ въ Россію возвратить въ край. Это мнѣніе распространяли и поддерживали преимущественно министръ внутреннихъ дѣлъ, а также шефъ жандармовъ кн. (В. А.) Долгоруковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ кн. (А. М.) Горчаковъ и нѣкоторые другіе государственные сановники, осо-

---

¹⁾ Первые двѣ главы Записокъ гр. М. Н. Муравьева-Ввленскаго напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 года, томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432 и декабрь, стр. 623—644.

бенно же Петербургскій военный генералъ - губернаторъ кн. (А. А.) Суворовъ, который до такой степени увлеклся мыслью о снисхожденіи польскимъ революціонерамъ, что, можно сказать, почти бѣсновался: удерживалъ, подъ видомъ болѣзни, многихъ изъ важныхъ преступниковъ-поляковъ, ссылаемыхъ даже въ каторжную работу, на пути ихъ въ Петербургъ ¹⁾, позволялъ имъ свиданія, принималъ просьбы и повсюду ходатайствовалъ за нихъ, осуждая во всеуслышаніе дѣйствія управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ. Увлечение его въ пользу польскихъ мятежниковъ было такъ сильно, что когда, по оторывшимся связямъ Литовскихъ революціонеровъ съ таковыми же поляками и русскими въ Петербургъ, нѣкоторые лица были тамъ арестованы по указанію Виленской слѣдственной комисіи и требовались въ Вильну для слѣдствія и суда, то кн. Суворовъ давалъ имъ возможность скрываться, а нѣкоторые, какъ напримѣръ, Юндзилъ, одинъ изъ важнѣйшихъ преступниковъ, при покровительствѣ кн. Суворова, ушелъ изъ подъ ареста и отправился за-границу ²⁾.

Петербургское начальство было до такой степени преисполнено мыслью снисхожденія и помилованія поляковъ, что многія самыя положительныя указанія на участіе нѣкоторыхъ лицъ въ Петербургѣ въ заговорахъ противъ правительства не только остались безъ изслѣдованія, но не было принято противъ нихъ никакихъ мѣръ; такимъ образомъ многіе бѣжали изъ Петербурга и извѣстный Иосафатъ Огрызко, главный агентъ мятежа въ Петербургѣ, былъ оставленъ на свободѣ и безъ всякаго присмотра, не смотря на сдѣланныя противъ него положительныя указанія еще въ половинѣ 1863 года, и онъ былъ присланъ въ Вильну лишь въ концѣ 1864 года, по особому сильному уже настоянію моему.

Надо замѣтить, что во всѣхъ министерствахъ, а въ особен-

¹⁾ Напр. Венцловичъ, хромой, осужденный на каторгу, еще въ 1865 году предположительно проживалъ въ Знаменской гостинницѣ въ С.-Петербурѣ.

Гр. М. Н. М.

²⁾ Трудно сказать, въ какой степени вѣрно обвиненіе и нападки въ этомъ отношеніи гр. Муравьева на кн. Суворова и другихъ. Но то несомнѣнно, что, какъ мы уже замѣтили въ «Русской Старинѣ», жестокость гр. Муравьева тоже заставляла его увлекаться, но это увлеченіе было другаго рода, оно ввергало его въ самыя лютыя изгнѣшества. См. примѣч. въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 года, декабрь, стр. 638.

ности финансовъ и почтовомъ, весьма важныя и вліятельныя должности были заняты поляками. Въ министерствѣ финансовъ (нѣкоторые) директора департаментовъ—явно способствовали полякамъ и чрезъ гг. Огрызко, Наржимскаго ¹⁾ и иныхъ, размѣщали преимущественно поляковъ по (нѣкоторымъ) должностямъ внутри Россіи и особенно въ Западномъ краѣ. Такимъ образомъ элементы польскаго мятежа вездѣ были разносимы внутри Россіи; были губерніи, въ которыхъ, вромѣ акцизныхъ, многія полицейскія должности, по допущенію министра внутреннихъ дѣлъ, были заняты поляками и сверхъ того, по его же распоряженію, не смотря на мои указанія и протестаціи, значительная часть поляковъ, высланныхъ внутрь имперіи, были размѣщены почти по всѣмъ городамъ центральныхъ нашихъ губерній, распространяя повсюду заразу польскаго мятежа и неудовольствіе на правительство.

Все это въ совокупности и нестройное, слажу болѣе, вредное направленіе главныхъ правительственныхъ дѣателей въ Петербургѣ, побудило меня рѣшительно все высказать Государю Императору и просить объ освобожденіи меня отъ управленія тѣмъ краемъ.

25-го апрѣля 1864 г., прибылъ я въ С.-Петербургъ и вынесъ съ большимъ трудомъ дорогу, такъ что по пріѣздѣ я болѣе недѣли не могъ быть у Государя.

Въ Петербургѣ я былъ встрѣченъ большимъ сочувствіемъ русскихъ людей, не смотря на устраиваемое почти официально противодѣйствіе петербургскихъ властей и особенно генералъ-губернатора, кн. А. А. Суворова. Нерасположеніе поименованныхъ лицъ было явное—и потому я твердо рѣшился все высказать Государю. Послѣ столь успѣшнаго подавленія мятежа и возстановленія, смѣю сказать, достоинства русскаго правительства не только въ Западномъ краѣ, но и въ Европѣ, я могъ ожидать со стороны Государя ббльшаго привѣтствія, особенно, ежели вспомнить, что годъ тому назадъ я былъ посланъ со страхомъ и надеждою Государемъ, полагавшимся единственно на меня (!!) для

¹⁾ У него содержалось, а можетъ быть и до сихъ поръ содержится въ квартирѣ, кв. М....., которая, кажется, ему приходится родственницей.

сохраненія Сѣверо-Западнаго края за Россіей, ибо Царство Польское считали (??) какъ бы потеряннымъ для насъ ¹⁾).

Черезъ недѣлю послѣ прибытія моего, когда нѣсколько возстановились силы мои, я—еще полубольной—явился къ Государю, который, повидимому, не находилъ нужнымъ оказать мнѣ особое вниманіе во время моей болѣзни.

Я сухо встрѣтился съ Государемъ и, хотя онъ меня благодарилъ за прекращеніе мятежа, но такъ законически, что явно видно было вліяніе лицъ, мнѣ противодѣйствующихъ. Повидимому, все было забыто (?) Государемъ, какъ событія въ апрѣлѣ 1863-го года, когда онъ просилъ меня принять управленіе краемъ, такъ и все, что было сдѣлано для блага и чести Россіи.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объяснить Государю мою рѣшимость оставить край, какъ по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья, такъ и по явному несогласію со мною правительственныхъ лицъ въ системѣ дѣйствій; тогда Государь нѣсколько измѣнился—онъ представлялъ мнѣ о необходимости оставаться еще въ край и продолжать управленіе онымъ.

Я ему высказалъ о принятой мною системѣ и о противодѣйствіи дѣйствіихъ властей, при чемъ заявилъ Его Величеству, что не могу принять на себя дальнѣйшее управленіе краемъ, доколѣ не будетъ утверждень правительствомъ рядъ предположенныхъ мною мѣръ къ водворенію въ немъ русской народности. Государь созналъ необходимость сего и поручилъ мнѣ прислать ему прямо записку. Нездоровье мое препятствовало мнѣ заниматься дѣломъ, какъ бы я этого хотѣлъ, и я сказалъ Государю, что постараюсь это выполнить, не надѣясь впрочемъ, по причинѣ нездоровья, скоро окончить этотъ трудъ. Государь просилъ меня, однако же, ускорить этимъ, потому что онъ самъ, въ маѣ мѣсяцѣ (1864 г.), съ Императрицею полагаетъ ѣхать за-границу и желаетъ, чтобы я къ тому времени былъ въ Вильнѣ.

Разставшись съ Государемъ, повидимому, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,—вѣроятно по наружности (?),—я занялся ска-

¹⁾ Такое самоувѣніе гр. М. Н. Муравьева и увѣренность въ томъ, что государь такъ именно смотрѣлъ до его назначенія въ Вильну, на вопросъ о Царствѣ Польскомъ, совершенно опровергается перепискою Александра II съ намѣстникомъ въ Царствѣ, напечатанною нами въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., декабрь, стр. 563—584.

заннымъ дѣломъ и какъ здоровье мое было дѣйствительно очень разстроено, я заявилъ Государю о необходимости имѣть помощника по гражданскому управленію и воспользоваться двумя или тремя мѣсяцами отдыха для леченія, на что Государь и изъявилъ согласіе.

Я неоднократно имѣлъ свиданія и разговоры объ устройствѣ края съ разными правительственными лицами; мнѣ сильно сочувствовали, но, къ сожалѣнію, большинство высшихъ лицъ увлекалось полонизмомъ и идеями сближенія со взглядами европейскихъ державъ на нашъ Западный край. Они не знали ни исторіи края, ни настоящаго его положенія, а еще того менѣе не знали ни польскаго характера, ни всегдашнихъ враждебныхъ тенденцій его къ Россіи. Они не могли понять мысли объ окончательномъ слитіи того края съ Россіей, они считали его польскимъ (?), ставя ни во что все русское, господствующее тамъ числомъ, населеніе. Они думали и чувствовали и дѣйствовали по наущенію поляковъ и вообще ихъ пропаганды, которая пронизала во всѣ слои петербургскаго общества и занимала даже значительныя должности.

Извѣстно, что бѣлая часть русской аристократіи, воспитанная въ идеяхъ европейскихъ, безъ чувства уваженія къ своей религіи и своему отечеству, всегда дѣйствовала безъ убѣжденій, согласно господствующему направленію на Западѣ. Для нихъ Россія и православной религіи нѣтъ, они космополиты, безцвѣтные и безчувственные для пользы государства, и первое мѣсто у нихъ занимаютъ ихъ собственныя выгоды и своя личность. Вотъ та среда главныхъ правительственныхъ лицъ, съ которою мнѣ предстояло бороться, чтобъ провести свою систему дѣйствій въ край ¹⁾.

¹⁾ Писано въ апрѣлѣ 1866-го года. Должно однако замѣтить, что гр. М. Н. Муравьевъ только въ послѣдніи десять лѣтъ жизни, если вѣрять гр. Д. Н. Блудову, сталъ являть особенно сильную религіозность. Вотъ что разсказываетъ одно весьма близкое лицо къ гр. Д. Н. Блудову и чему онъ былъ свидѣтелемъ.

Въ бытность государя Александра II въ Москвѣ на коронаціи, въ 1856 г., вдругъ весьма угороженно и смущенно является къ гр. Д. Н. Блудову— Мих. Ник. Муравьевъ.

— Я къ вамъ являюсь съ извѣстіемъ о чрезвычайной бѣдѣ, заговорилъ Михаилъ Николаевичъ.

— „Что, что такое?“ встревожился гр. Д. Н. Блудовъ.

Среди министровъ я имѣлъ усердныхъ помощниковъ русскаго дѣла: министра государственныхъ имуществъ (А. А.) Зеленого, военнаго—(Д. А.) Милютинна, путей сообщенія—Мельникова и юстиціи—(Д. Н.) Замятинна.

Остальные всѣ были въ пользу поляковъ и горячіе ихъ заступники. Нѣкоторые только изъ нихъ оставались равнодушными къ той и другой сторонѣ.

Имѣя въ виду, что встрѣчу сильное противодействіе своимъ предположеніямъ, я призналъ необходимымъ представить Государю всю картину настоящаго дѣла, частью на словахъ, но болѣе на бумагѣ, изложивъ въ видѣ Записки о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края, которую я и доставилъ къ Государю въ собственныя руки, для предварительнаго прочтенія, 14-го мая 1864 г.

Я не находилъ возможнымъ продолжать управление ввѣреннымъ мнѣ краемъ, ежели не будутъ утверждены главныя изъ представленныхъ мною началъ, о чемъ и заявилъ Государю.

Государь, чрезъ два дня, по прочтеніи записки, выразилъ предварительное согласіе на главныя предметы, въ ней изложенныя; но рѣшительно отвергалъ мысль объ обязаніи лицъ, высланныхъ изъ края за политическія преступленія, въ продажѣ ихъ севестрванныхъ имѣній въ опредѣленный срокъ съ тѣмъ, чтобы они не могли уже водвориться въ край. Изъ этого ясно видно (?), какъ слабо было стремленіе къ водворенію русскаго начала въ Сѣверо-Западномъ край и сколь сильно было противодействіе всему полезному Россіи со стороны главныхъ правительственныхъ дѣятелей, окружавшихъ Государя, такъ что мысль эта, возобновленная неоднократно министромъ государственныхъ имуществъ и

„Помилуйте, несчастіе случилось громадное: вчера въ Успенскомъ соборѣ, по какой-то ужасной оплошности, впустили Турка—и тотъ преспокойно осматривалъ соборъ!“

— Такъ что же дѣлать?

„Какъ что? Надо немедленно вновь освятить церковь!“

— „Ну, Михаилъ Николаевичъ, что Турокъ вошелъ въ храмъ—право, еще бѣда не большая“—добродушно замѣтилъ гр. Блудовъ и, успокоивъ своего гостя, его проводилъ къ выходу.

Вотъ, каковъ Муравьевъ-то! сказалъ гр. Блудовъ, обращаясь къ присутствующему: мнѣ доподлинно и давно извѣстно, что онъ никогда ni foi, ni loi не имѣлъ, а между тѣмъ, какими теперь сталъ крайне-православнымъ!!

преемникомъ моимъ, генераломъ Кауфманомъ, была окончательно утверждена лишь въ декабрѣ 1865 г., при томъ еще съ большими ограниченіями правъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія.

Видимый переломъ мыслей Государя въ отношеніи необходимости системы, принятой мною къ обрусѣнію сѣверо-западнаго края, совершился болѣе, какъ черезъ годъ по оставленіи мною тамошняго края управленія,—такъ была сильна оппозиція и польская пропаганда въ самомъ Петербургѣ среди правительственныхъ лицъ.

Въ представленной мною Государю запискѣ я съ полною откровенностію и ясностію высказалъ необходимость измѣнить систему правительства и сознать всю ошибочность правительственныхъ мѣроположеній и системы уступчивости, которая въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ утвердила въ край польскій элементъ и приготовила все къ мятежу.

Записка была, по Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣна въ семидневный срокъ въ комитетѣ министровъ; много было оппозиціи и противодѣйствія со стороны почти всѣхъ министровъ; но они не смѣли еще рѣшительно отвергнуть предложенныя мною мѣры: главные изъ нихъ прошли безъ измѣненій; другія же—съ нѣкоторымъ ослабленіемъ чрезъ измѣненія смысла ихъ неправильною редакціею, но тѣмъ не менѣе съ окончательнымъ утвержденіемъ Государя главныхъ изъ предложенныхъ мною мѣроположеній въ отношеніи возвышенія православнаго духовенства, увеличенія его окладовъ, упраздненія римско-католическихъ монастырей, замѣшанныхъ въ мятежъ, ограниченія правъ римско-католическаго духовенства на постройку костеловъ и на назначеніе ихъ къ должностямъ безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, уничтоженія польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, повсемѣстнаго введенія русскихъ школъ, увеличенія содержанія русскимъ чиновникамъ, прибывающимъ въ край, принятія рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію польской пропаганды и всѣхъ наружныхъ признаковъ владычества польскаго элемента въ край, возможно большаго ограниченія въ назначеніи лицъ польскаго происхожденія на должности въ западномъ крайѣ и многихъ иныхъ мѣръ, содѣйствующихъ вышепрописаннымъ цѣлямъ, и въ особенности оставленіемъ безъ возраженія всѣхъ принятыхъ мною мѣръ

по устройству крестьянъ въ сѣверозападномъ краѣ и данныхъ мною къ руководству повѣрочнымъ комисіямъ инструкцій, (такъ какъ все это въ совокупности, ежели не вполне утверждено, то и не отвергнуто)—мнѣ была дана возможность надѣяться быть еще полезнымъ въ краѣ и потому, при видимомъ желаніи Государя, чтобы я продолжалъ управлять онымъ, я рѣшился отправиться въ Вильну и прибылъ туда 25 мая 1864 года.

II.

Выше уже сказано, что Государь и Императрица собирались ѣхать за-границу и потому мнѣ надобно было спѣшить возвратомъ въ Вильну, дабы приготовить имъ спокойное шествіе и полное огражденіе отъ могущей быть опасности при политическомъ броженіи умовъ.

27-го мая 1864 г. Государь и Государыня изволили имѣть ночлегъ въ Динабургѣ, а 28-го проѣхали чрезъ Вильну, имѣли обѣденный столъ въ Ковнѣ и того-же числа прибыли на ночлегъ въ Пруссію, въ Эйдкуненъ.

Государя и Императрицу я встрѣтилъ въ Вильнѣ на дебаркадерѣ желѣзной дороги. Они изволили быть совершенно довольны устройствомъ приема въ Динабургѣ и въ Вильнѣ и изъявили мнѣ свою благодарность, причѣмъ Государь изволилъ высказать желаніе свое, на обратномъ пути въ Россію, въ іюлѣ, сдѣлать смотръ войскамъ въ Вильнѣ или Ковнѣ, о чемъ онъ и заявилъ уже и въ Динабургѣ, прежде свиданія со мною, и потому, хотя я и представлялъ ему о неудобствѣ дѣлать въ настоящее время смотръ, но, за сдѣланнымъ уже оглашеніемъ, онъ не считалъ возможнымъ отмѣнить рѣшеніе.

Возвращаясь въ Вильну, я былъ встрѣченъ всѣми служащими, повидимому, съ большою радостію, ибо они опасались, что я въ Петербургѣ откажусь отъ управленія краемъ. Я воспользовался благоприятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вниманіемъ Государя ко мнѣ и утвержденіемъ главныхъ изъ представленныхъ мною предположеній, и немедленно приступилъ къ выполненію оныхъ, такъ что въ продолженіи 1864 г. почти всѣ прописанныя выше мѣроположенія приведены были въ исполненіе, упразднено

болѣе 30 католическихъ монастырей, закрыто много устроенныхъ произвольно филиальныхъ костеловъ и ненужныхъ приходовъ, устраиваемыхъ среди православнаго населенія, съ цѣлю совращенія въ католицизмъ, распредѣлено до 400 т. руб. сер. ежегодной прибавки къ жалованью православнаго духовенства, прекращено повсемѣстно въ официальныхъ сношеніяхъ и во всѣхъ школахъ и публичныхъ учрежденіяхъ употребленіе польскаго языка, и рядомъ послѣдовательныхъ циркуляровъ дѣйствія римско-католическаго духовенства подчинены строжайшему контролю мѣстныхъ властей.

Совокупнымъ введеніемъ всѣхъ этихъ учрежденій поднялся духъ русскихъ дѣятелей и православнаго духовенства въ краѣ. И простой народъ сталъ содѣйствовать въ устройству православныхъ церквей, на сооруженіе вонхъ отпущены были мною значительныя суммы изъ контрибуціонныхъ сборовъ; словомъ, видимо ожило въ краѣ русское дѣло и православіе; повсюду распространилось убѣжденіе о бывшей русской народности въ такъ называемомъ полянами „забранномъ краѣ“; мысль о возрожденіи русской народности въ ономъ сдѣлалась почти всеобщою, даже и евреи начали учиться по-русски, для чего устроены школы въ губернскихъ городахъ, католики тоже начали учиться по-русски, ибо это имъ вмѣнено было въ обязанность и за ними учреждено наблюденіе мѣстнаго начальства. Православныя церкви начали вездѣ сооружаться и сами католики, особенно въ Минской губерніи, цѣлыми приходами переходили въ православіе, съ обращеніемъ ихъ костеловъ въ православныя церкви. Крестьянское дѣло, т. е. работы повѣрочныхъ коммисій, шли успѣшно, и благосостояніе крестьянъ значительно улучшалось; польскіе-же паны почувствовали, что имъ нельзя бороться съ правительствомъ и уступили ему, не дѣлая на мѣстахъ никакой оппозиціи и переноса свои враждебныя дѣйствія въ столицу, гдѣ все болѣе и болѣе распространялся польскій элементъ, подъ покровительствомъ русскихъ, утратившихъ всякое уваженіе къ своей національности и прародительской вѣрѣ. Одинъ Государь съ малымъ числомъ мною вышеназванныхъ правительственныхъ лицъ поддерживали русское начало, тогда какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ, явнымъ образомъ покровительствовали польскимъ революціонерамъ подъ предлогомъ будто-

бы неправильнаго ихъ преслѣдованія и угнетенія и что, покончивши съ мятежемъ, надо протянуть имъ дружелюбную руку для взаимнаго сближенія, т. е. они хотѣли слѣдовать той же губельной системѣ, которая послѣ кампаніи 1812 г., мятежа 1831 г., частныхъ возстаній 1848 г., послужила къ ободренію ихъ противъ насъ и была причиною столь грознаго, повсемѣстнаго возстанія въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863 году.

Передъ отъѣздомъ моимъ, въ 1864 году, въ Вильну, я докладывалъ Государю о необходимости для меня нѣкотораго отдыха и просилъ о назначеніи мнѣ помощника по гражданской части, ибо разстроенное мое здоровье видимо не позволяло мнѣ надѣяться на продолжительное управленіе тѣмъ краемъ. Государь согласился на это и на сдѣланное мною для сего указаніе на свиты его величества генерала Потапова, хотя онъ впрочемъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, мало свѣдущемъ въ гражданскомъ управленіи; это было сдѣлано съ согласія князя Долгорукова, который, какъ кажется, съ удовольствіемъ отпускалъ его отъ себя. (Потаповъ былъ управляющимъ III-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи и начальникомъ штаба корпуса жандармовъ). Но такъ какъ князь Долгоруковъ былъ долженъ ѣхать съ Государемъ и возвратиться въ Петербургъ не прежде іюля мѣсяца, 1864 г., то до того времени было отложено это назначеніе.

III.

Пребываніе Государя въ Вильнѣ.

Въ іюлѣ 1864 года Государь возвращался изъ-за-границы и 7-го числа ввечеру прибылъ въ Вильну для предположеннаго смотра войскъ. Государь остановился въ занимаемомъ мною дворцѣ, былъ весьма привѣтливъ и милостивъ и назначилъ на слѣдующій день, 8 іюля, въ 7-мъ часу утра, смотръ войска на полѣ за Зеленымъ мостомъ, съ тѣмъ, чтобы прямо со смотра ѣхать на желѣзную дорогу, въ Динабургъ, гдѣ также назначенъ былъ смотръ.

Его величество назначилъ столь скорый выѣздъ свой изъ Вильны, вслѣдствіе отзывовъ моихъ о неудобствѣ оказывать какое нибудь снисхожденіе и привѣтствіе польскому шляхетству, которое ожидало съ нетерпѣніемъ проѣзда Государя и надѣялось испро-

сильно различныя снисхожденія и помилованія, но оно сильно въ этомъ ошиблось: никто изъ польскаго дворянства не былъ удостоенъ приѣмомъ Государя и даже римское духовенство, надевшееся, что онъ удостоитъ посѣщеніемъ соборъ св. Станислава, и ожидавшее его на паперти съ крестомъ и хоругвями, осталось при своемъ ожиданіи, и Государь проѣхалъ мимо, не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Государь, напротивъ того, изволилъ посѣтить нашъ православный Свято-Духовъ монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ, со всѣмъ духовенствомъ, и при выходѣ изъ онаго удостоилъ принять губернаторовъ и прочихъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ. Государь изволилъ быть совершенно доволенъ смотромъ войскъ и, дѣйствительно, надо удивляться, какимъ образомъ резервные батальоны, едва сформированные и въ продолженіи болѣе года находившіеся раздробленными на мелкіе отряды по всему краю, могли съ такимъ успѣхомъ, въ столь короткое время, представиться его величеству, какъ вполне опытные въ военномъ строѣ войска. Хотя и съ большимъ трудомъ, я сопровождалъ Государя верхомъ. Государь Императоръ, изъявивъ удовольствіе свое всѣмъ войскамъ, неожиданно обратился ко мнѣ и, командовавъ Пермскому полку на караулъ, удостоилъ меня салютомъ и назначеніемъ шефомъ Пермскаго полка. Это такъ было для меня неожиданно, что я вдругъ и понять не могъ, чему приписать отдачу чести мнѣ самимъ Государемъ передъ фронтомъ; такъ что, отъѣзжая съ мѣста смотра въ воляскѣ вмѣстѣ съ Государемъ, я ему ни слова не говорилъ объ этомъ столь неожиданномъ для меня событіи и уже по отъѣздѣ Государя изъ Вильны узналъ, что назначенъ шефомъ полка, съ наименованіемъ его моимъ именемъ — отличіе, которое считается между военными однимъ изъ болѣешихъ, которое можно дать командующему войсками.

Въ Динабургѣ Государь изволилъ имѣть обѣденный столъ и послѣ того былъ произведенъ смотръ собравшимся тамъ двумъ полкамъ и артиллеріи. Его величество остался и тамъ доволенъ войсками и приказалъ объявить мнѣ оттуда по телеграфу свою благодарность.

Во время кратковременнаго пребыванія Государя въ Вильнѣ, я удостоился, однако, дозволенія сдѣлать его величеству личный докладъ, хотя и очень поздно, ввечеру 7-го іюля 1864 г.

Я представилъ его величеству словесно настоящее положеніе края, необходимость продолженія принятыхъ мною мѣръ въ обрусенію онаго и объ оставленіи настоящаго военнаго положенія въ той же силѣ, отнюдь не допуская нивакихъ помилованій и снисхожденій, о которыхъ, какъ было слышно, дѣлались нѣкоторыя предположенія по случаю приближавшейся свадьбы Наслѣдника. Повидимому, Государь вполне раздѣлялъ мои предположенія и остался всѣмъ совершенно доволенъ; одни поляки и римское духовенство остались недовольны тѣмъ, что не только не удостоились вниманія Государя, но даже не были допущены во дворецъ, тогда какъ крестьяне, во множествѣ стекшіеся изъ разныхъ губерній съ благодарственными адресами Государю, были милостиво приняты его величествомъ, съ объясненіемъ ихъ обязанностей въ отношеніи правительства и закона.

Такимъ образомъ проѣздъ Государя Императора черезъ Вильну произвелъ самое благопріятное, въ нравственномъ отношеніи, вліяніе на положеніе края. Поляки приуныли, и надежды на помилованіе на время исчезли; но партія враговъ Россіи въ Петербургѣ не дремала; тамъ еще болѣе усилились возгласы противъ системы управленія сѣверо-западнымъ краемъ. Шайка неблагонамѣренныхъ, враждебныхъ дѣятелей въ пользамъ Россіи еще болѣе усилилась въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1864 г.

IV.

Къ августу мѣсяцу 1864 г. прибылъ въ Вильну и вновь назначенный помощникъ мой, генералъ (Александръ Львовичъ) Потаповъ. По причинѣ нездоровья и необходимости леченія минеральными водами, я вынужденъ былъ передать ему значительную часть управленія краемъ.

Надо думать, что генералъ Потаповъ имѣлъ уже въ тому времени секретныя порученія отъ высшихъ правительственныхъ лицъ, ибо хотя онъ сначала и казался совершенно раздѣляющимъ мою систему дѣйствій, вѣроятно съ цѣлью выиграть мое довѣріе, но скоро значительно измѣнился и сталъ тайно противоdѣйствовать дѣлаемымъ распоряженіямъ, стараясь при томъ снискать, разными снисхожденіями, расположеніе поляковъ. Но все это долго

дѣлалось тайно, съ возможною негласностью, почти до того времени, когда я, въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 г., предполагалъ ѣхать въ Петербургъ и совершенно оставить край, ибо съ одной стороны здоровье мое все разстраивалось, а съ другой—получаемыя изъ Петербурга свѣдѣнія меня удоставляли, что Государь увлеченъ партією русскихъ-полякующихъ и изъяслялъ явное охлажденіе къ принятымъ мною мѣрамъ и системѣ управления; при томъ всѣ высшія петербургскія власти видимо клонились къ испрошенію помилованія мятежниковъ, противъ чего я постоянно возражалъ и воздерживалъ, вопреки преобладавшаго въ Петербургѣ польскаго направленія. Неуступчивость моя еще болѣе возстановляла петербургскія власти; къ тому надо полагать, что Потаповъ разными секретными донесеніями старался представлять съ невыгодной стороны весь ходъ управления сѣверо-западнымъ краемъ.

Ходъ крестьянской реформы въ край, столь усиленный по своимъ послѣдствіямъ и служащій враугольнымъ камнемъ къ водворенію въ немъ русской народности, былъ поводомъ моихъ большихъ обвиненій. Министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ и многія другія высшія лица представляли Государю, что главные дѣятели на мѣстахъ по крестьянскому дѣлу суть люди вредные, преданные системѣ социалистовъ и разрушающіе всякій общественный порядокъ. Обвиненіе это еще болѣе поддерживалось всею польскою шляхтою и нѣмецкими баронами, которые увидѣли, что имъ нельзя продолжать систему тяжкаго угнетенія крестьянъ и отнимать у нихъ тѣ угодья, которыми поселане многіе годы пользовались, и лишать ихъ всѣхъ средствъ къ существованію. Возгласы эти и польское, такъ сказать, „посполитое рушенъ“ въ Петербургѣ были такъ сильны, что, повидимому, нѣсколько поколебали незадолго предъ симъ овазавшаго мнѣ полное довѣріе Государя.

Имѣя все это въ виду, также и то, что главныя распоряженія по устройству края были уже, по большей части, приводимы съ большимъ успѣхомъ въ исполненіе и что правительству останется только продолжать начатое, я рѣшился, тотчасъ по окончаніи рекрутскаго набора, т. е. въ мартѣ 1865 г., отправиться въ Петербургъ, съ твердымъ намѣреніемъ болѣе не возвращаться, ибо считалъ неудобнымъ и неприличнымъ продолжать, при полномъ разстройствѣ здоровья моего, такое управленіе, которое петер-

бургскія власти желали ниспровергнуть для водворенія вновь польскихъ началъ.

Борьба моя съ Петербургомъ не могла имѣть успѣха, какъ это прежде было, ибо, по слухамъ, поколебленъ былъ и самъ Государь въ своемъ довѣрїи ко мнѣ. Я хотѣлъ лично въ этомъ удостовѣриться и, выѣхавъ 18-го марта 1865 г., прибылъ 19-го въ Петербургъ, но совершенно больной, такъ что я нѣсколько дней по прибытіи не могъ представиться Государю.

Въ это время меня многіе посѣщали и я еще болѣе удостовѣрился въ справедливости дошедшихъ до меня свѣдѣній о направленіи правительственныхъ идей въ отношеніи западнаго края. До такой степени поколеблены были всѣ начала, прежде принятая и удостоенная одобренія Государя, что съ высочайшаго соизволенія сообщена была мнѣ воля его величества о помилованіи многихъ мятежниковъ, сосланныхъ, по приговору военныхъ судовъ, въ Сибирь, и даже о возвращеніи многихъ изъ нихъ изъ внутреннихъ губерній. Главные правительственные дѣятели хотѣли повести Государя оять въ системѣ всепрощенія по случаю предполагавшагося въ скоромъ времени бракосочетанія Государя Наслѣдника ¹⁾).

Недальновидность или, лучше сказать, слѣпота взглядовъ людей, приближенныхъ къ Государю, была такъ велика и приверженность ихъ къ идеямъ европейскимъ, враждебнымъ Россіи, до такой степени превосходила природное чувство каждаго честнаго человѣка любить свое отечество и жертвовать всѣмъ для пользы его, что они рѣшились настойчиво ходатайствовать о возвращеніи съверо-западному краю всѣхъ прежнихъ правительственныхъ льготъ для свободнаго дѣйствія польской пропаганды и утвержденія въ ономъ народности польской (!?), ибо они, въ слѣпотѣ своей, не признавали край тотъ русскимъ и стремились къ тому, чтобы дать ему, какъ прежде полагали, отдѣльную автономію, сообразно предположеніямъ Веліопольскаго, чувства коего и понятія они и по-днесъ (апрѣль, 1866 г.) раздѣляютъ (!?).

Главныя лица, дѣйствовавшія въ семь смыслѣ, были: министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, человѣкъ не безъ способностей, но космополитъ и преданный одной мысли и желанію воспользо-

¹⁾ Въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича. Ред.

ваться европейскою извѣстностью и похвалою, хотябъ то было со вредомъ для Россіи....

Отъ редакціи «Русской Старины». Прервемъ здѣсь рѣчь суроваго эзъ-диктатора виленскаго и вставимъ нѣсколько словъ для установленія правильного взгляда на сущность его приговора о людяхъ.

Мы сохранили отзывъ гр. М. Н. Муравьева о его политическомъ противникѣ, именно потому, что самая рѣзкость его изобличаетъ несостоятельность оцѣнки, дѣлаемой Муравьевымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если его отзывъ хотя на половину справедливъ, то какъ же гр. Муравьевъ не вспомнилъ, что никто другой, какъ именно онъ самъ весьма и весьма подвинутъ на служебной дорогѣ П. А. Валуева и его отличилъ своимъ самымъ полнымъ довѣріемъ и дружбою въ 1858—1861 г. Не онъ-ли, М. Н. Муравьевъ, въ бытность свою, именно въ эти года, министромъ государственныхъ имуществъ, поставилъ П. А. Валуева—сперва начальникомъ одного, а затѣмъ двухъ департаментовъ. Но этого мало. По представленію Муравьева П. А. Валуевъ удостоенъ званія статсъ-секретаря, т. е. напочетнѣйшаго званія, какого только можетъ достигнуть гражданскій чиновникъ въ Россійской имперіи!

Затѣмъ въ высшей степени любопытно то обстоятельство, что не только до назначенія своего въ Вильну. нѣтъ, въ самой Вильнѣ, вплоть до полного подавленія вооруженнаго мятежа, т. е. съ мая по сентябрь мѣсяць 1863 г. Муравьевъ не иначе какъ съ погнѣйшею признательностью относился къ дѣятельному содѣйствію г. Валуева въ дѣлѣ замрненія края.

Доказательство предъ нами: въ нашемъ громадномъ собраніи историческаго матеріала мы сохраняемъ точныя копіи съ официальныхъ подлинныхъ собственноручныхъ писемъ М. Н. Муравьева къ тогдашнему, въ 1863 г., министру внутреннихъ дѣлъ,—именно за 1863-й годъ, т. е. за тотъ самый годъ, за который мечеть въ 1866 г. громы въ министра М. Н. Муравьевъ.

Что-же писалъ Михаилъ Николаевичъ своему, будто бы заклятому, политическому противнику? Вотъ письма Муравьева:

28 мая 1863 г. Вильна.

„М. Г. Петръ Александровичъ! Повидимому начинаютъ смиряться непокорные. Нѣсколько примѣровъ смертныхъ казней произвели желаемое дѣйствіе: объ нихъ поставлены въ извѣстность всѣ жители губерній. Я полагаю, что теперь можно будетъ на нѣкоторое время приостановиться исполненіемъ подобныхъ приговоровъ.

„Признаюсь, что вѣрнѣе тяжело и грустно быть вынужденнымъ утверждать смертные приговоры, какъ-бы нарочно оставленные безъ разрѣшенія въ продолженіе почти шести мѣсяцевъ. Безнаказанность доходила до того, что никто не вѣрилъ въ Вильнѣ, что я рѣшусь приказать исполнить смертный приговоръ. Я вы-

нужденъ былъ по этой причинѣ исполнить еще два приговора, и теперь послѣ казни Колышки, а въ Динабургѣ—графа Платера, партія мятежниковъ, по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ, приуныла и въ особенности духовенство.

„30-го числа будетъ большая процессія по случаю праздника; увидимъ какъ это исполнится; я процессію разрѣшилъ съ отвѣтственностію духовенства.

„Отъ епископа Красинскаго еще отвѣта не имѣю; онъ занемогъ отъ боязни. Но буду требовать отъ него скорѣйшихъ распоряженій.

„Въ уѣздахъ начинаютъ формировать сельскіе караулы; крестьяне вездѣ расположены въ пользу правительства и озлоблены противъ мятежниковъ; ежели удастся вселить въ нихъ довѣріе къ правительственной власти, тогда мятежь скоро будетъ укрощенъ. Теперь я объ этомъ наиболѣе озабочиваюсь, и вездѣ учреждается, на основаніи данной мною инструкціи, особое военное уѣздное управленіе, которое оградило бы сельское населеніе отъ злодѣйствъ, дѣлаемыхъ мятежниками.

„Пишу вамъ коротко, некогда еще составить полного обзора положенія края, но кажется, что дѣло пойдетъ къ лучшему; всему главная помѣха Царство Польское, оттуда идетъ все дурное.

„Прошу васъ доложить Государю сообщаемыя мною въ семь писемъ свѣдѣнія, ежели вы, впрочемъ, признаете это нужнымъ.

„Второй часъ ночи, оканчиваю письмо, пора на отдыхъ.

„Примите увѣренія въ искренней преданности и уваженіи М. Муравьевъ.

•28 мая 1863 г. Вильна.

Письмо это было доложено императору Александру II и Государь повелѣлъ: передать ген. Муравьеву, что его величество за все сдѣланное можетъ только сказать спасибо и радуется, что открывается надежда къ улучшенію положенія дѣлъ, и желаетъ успѣха и силъ.

•31 августа 1863 г. Вильна.

„М. Г. Петръ Александровичъ! Очень благодаренъ в. п. за ходатайство о наградахъ; обо всѣхъ получилъ уже увѣдомленіе, кромѣ тѣхъ, которые состоятъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ; не понимаю отъ чего это можетъ произойти;

неужели Александръ Алексѣевичъ (Зеленой) незахотѣлъ исполнить моего ходатайства?

„Вчера я получилъ увѣдомленіе о всемилостивѣйшей наградѣ орденомъ Андрея Первозваннаго. Это произвело хорошій эффектъ и повидимому приняла въ этомъ участіе и благонамѣренная партія поляковъ. Да! мнѣ дорого милостивое вниманіе Государя, которое конечно буду стараться всѣми силами поддержать и заслужить.

„Дѣла идутъ здѣсь болѣе и болѣе успѣшно. Все оканчивается, смиряется, даже и въ Ковенской губерніи шайки расходятся и сообщенія возстановлены. Послѣ сдѣланнаго объявленія о помилованьи, сотни повстанцевъ возвращаются съ повинною изъ шаяекъ.

„Теперь надобно уже думать о будущемъ устройствѣ края, для предупрежденія весною новыхъ попытокъ революціонной партіи. Это вопросъ не легкій, и надобно скоро за него приняться.

„Я желалъ объясниться съ генер. Потаповымъ объ устройствѣ въ уѣздахъ жандармскихъ командъ, ибо это необходимо для предупрежденія, на будущее время, беспорядковъ. Но, къ сожалѣнію, Потаповъ не можетъ теперь сюда прибыть. Теперь войду съ нимъ по этому дѣлу въ перещиску. Также и объ возможномъ уничтоженіи секретныхъ обществъ, наполняющихъ весь край, и наконецъ о бывшихъ въ сношеніяхъ съ таковыми же въ велико-русскихъ губерніяхъ, и въ особенности—съ военной академіи и университетами; ибо почти вся здѣшняя молодежь въ общемъ заговорѣ, и ею наполнены были всѣ шайки, надъ которыми командовали наши бѣглые офицеры.

„Теперь почти совершенно прекращенъ мятежъ, но надобно уничтожить корень онаго. Главная опора наша въ здѣшнемъ краѣ есть сельское населеніе: надобно скорѣе его устроить.

„Вы пишете мнѣ, что не раздѣляете мыслей о распространеніи на Бѣлоруссію указа 1-го марта 1863 г., (объ обяз. выкуп.); но признаюсь, что я теперь еще болѣе убѣдился въ необходимости этой мѣры. Въ Бѣлоруссіи польскіе помѣщики едва-ли не болѣе намъ враждебны, чѣмъ въ литовскихъ губерніяхъ: совершенно необходимо, и притомъ столь возможно скорѣе, освободить брестыанъ отъ всякой отъ нихъ зависимости. Я объ этомъ нынѣ же вхожу съ представленіемъ, и прошу васъ поддержать мое ходатайство; эта мѣра

теперь совершенно необходима, тѣмъ болѣе, что она уже допущена въ юго-западныхъ губерніяхъ; надобно рѣшиться однимъ разомъ пововчять съ помѣщиками польскаго происхожденія, утвердивъ на прочномъ основаніи независимость сельскаго населенія.

„Наша единственная сила и опора въ здѣшнемъ краѣ есть одно сельское населеніе; ежели мы его упустимъ, то надобно будетъ проститься на всегда съ краемъ, ибо здѣшніе помѣщики ¹⁾ и римско-католическое духовенство намъ будутъ всегда враждебны; ихъ надобно совершенно обезсилить, коснувшись самаго чувствительнаго для нихъ предмета: ихъ доходовъ и преобладанія надъ крестьянами ²⁾. Впрочемъ обо всемъ въ свое время сообщу вамъ свои подробныя соображенія.

„Вы мнѣ пишете“ что желали бы командировать Макова въ Кіевъ ³⁾; убѣдительно прошу васъ его оставить здѣсь, онъ мнѣ совершенно необходимъ, ибо только теперь начали свои дѣйствія повѣрочныя комиссіи, и необходимо ими руководить, и вездѣ увеличить число оныхъ и мирowychъ посредниковъ. Мнѣ некогда самому этимъ заниматься, а дѣло чрезвычайно важно и необходимо руководствовать на огромномъ пространствѣ 6-ти губерній. Я могу поручить это одному Макову; съ отъѣздомъ же его отсюда все дѣло остановится и мы рискуемъ новыми въ семь краѣ беспорядками и неустройствами. Лучше въ одномъ мѣстѣ дѣло

¹⁾ Въ своемъ увлеченіи, а въ моментъ диктовки этихъ записокъ и въ бо-
лѣзненномъ раздраженіи, Муравьевъ забылъ тотъ фактъ, что бѣлорусское
дворянство представляетъ мѣстами довольно сильное дворянство чисто рус-
ское. Со времени Екатерины II и Александра I здѣсь находятся громадныя
имѣнія: Чернышевыхъ, Раевскихъ, Кутузовыхъ, Голицыныхъ, Львовыхъ, Ми-
хельсона, Жуковскихъ, Корвиль-Круковскихъ, Книновичей, Паскевичей, Ви-
генштейнговъ и вообще много владѣльцевъ либо вполне русскаго, либо нѣмецкаго
происхожденія. Еще поразительно увлеченіе Муравьева по отношенію
къ увѣреніямъ его (см. на стр. 144 и 150), что нѣкоторые изъ министровъ
русскихъ и вообще близкихъ къ императору Александру II лицъ—готовы были
дать автономію Литовскому краю, предать его совершенно Польшѣ!! Откуда
только взялъ гр. Михаилъ Николаевичъ—столь нелѣпныя предположенія? Ни
въ одной книгѣ, ни въ одной статьѣ, ни въ одномъ документѣ мало-мальски
имѣющемъ серьезное значеніе—съ самаго 1861-го года—мы ничего, чтобы мало-
мальски подтверждало эти увѣренія Муравьева—не находимъ.

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

³⁾ Л. С. Маковъ былъ выбранъ и командированъ министромъ внутрен-
нихъ дѣлъ, П. А. Валуевымъ, къ Муравьеву для содѣйствія ему въ трудахъ
по крестьянскому дѣлу.

установить на прочномъ основаніи, чѣмъ въ двухъ мѣстахъ взятыя за дѣло и ничего не сдѣлать. Притомъ, въ политическомъ отношеніи, Литовскій край труднѣе и опаснѣе для правительства, а потому и надобно намъ исключительно имъ заняться. Еще разъ прошу оставить здѣсь Макова. Безъ него я не ручаюсь за успѣхъ дѣла. Онъ самъ ѣдетъ въ Петербургъ на три дня и лично все вамъ объяснить.

„Оканчиваю письмо моею искреннею благодарностію за ваше обязательное содѣйствіе въ удовлетвореніи моего ходатайства о наградахъ и вообще по всѣмъ дѣламъ вѣреннаго мнѣ управленія.

„Амурскій ¹⁾ здѣсь былъ... Я вамъ писалъ объ Тимашевѣ, полагаю, что онъ здѣсь былъ бы полезенъ. Что же касается до графа... то онъ, сколько я его знаю, сюда не пригоденъ.

„Прошу принять увѣренія въ чувствахъ искренняго моего уваженія и преданности. М. Муравьевъ.

31 августа 1863 г. Вильна.

Отъ Ред. „Русск. Старини“. Въ приведенныхъ письмахъ Муравьевъ дѣлится съ г. Вахуевымъ своими планами, проситъ его помощи, благодаритъ уже за оказанное ему „содѣйствіе вообще по всѣмъ дѣламъ вѣреннаго“ Муравьеву края, рѣсочаетъ увѣренія въ чувствахъ „искренняго уваженія“, но прошло съ небольшимъ два года—и тотъ же Муравьевъ клеймитъ предъ потомствомъ того же государственнаго дѣятеля.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что въ отзывамъ гр. М. И. Муравьева о современныхъ ему дѣятеляхъ, отзывамъ, помѣщеннымъ въ его посмертныхъ запискахъ, будущій историкъ литовско-польской послѣдней смуты и борьбы съ нею Россіи долженъ отнестись съ вѣнчайшею осторожностію. Не правы ли мы были, указавъ въ предисловіи къ помѣнутымъ запискамъ на то, что Муравьевъ послѣ ихъ въ полнѣйшемъ раздраженіи, когда, быть можетъ, уже и болѣлъ, — пять мѣсяцевъ спустя възвѣдшая его въ могилу,—затемнула ясность его ума и помрачала память.

Многолѣтняя служба гр. П. А. Вахуева Россіи и ея Государямъ принадлежитъ исторіи; она можетъ вызывать, какъ всякая государственная и общественная дѣятельность, различные отзывы; но самому рѣзкому, полному чисто личнаго озлобленія отзыву о немъ Муравьева, безпристрастный историкъ всеконечно противопоставитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ высокаго постояннаго довѣрія и тѣ отличія, которыя являлись къ Петру Александровичу Вахуеву, Государь-Освободитель Александръ II въ теченіи болѣе нежели двадцати лѣтъ (1860—1881 гг.).

Обратимся однако къ прерванному нами разсказу графа Михаила Николаевича Муравьева.

¹⁾ Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.

Князь (Василій Андреевичъ) Долгоруковъ, шефъ жандармовъ, человекъ честный и добрый, но въ высшей степени бездарный, не имѣющій никакихъ положительныхъ убѣжденій, хотя лично и преданный Государю; но по слабости характера и малому разумѣнью, увлеченный идеями космополитизма и направляемый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь (А. М.) Горчаковъ, въ полномъ смыслѣ слова (говорунъ); но имѣющій однакоже желаніе и стремленіе быть русскимъ. Онъ уступалъ Европѣ въ то время, когда долженъ былъ дѣйствовать, и въ существѣ держался системы г. Вауева, т. е. полагалъ необходимымъ дать Царству Польскому, не исключая и западныхъ губерній, полную отдѣльную автономію. Но когда, въ 1863 году, заговорила вся Россія, и, можно сказать, требовала отъ правительства самостоятельности и твердаго отпора Европѣ на всѣ столь унижительные и обидные, простираемыя къ Россіи, требованія и когда дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ шли удовлетворительно, т. е. мятежъ видимо былъ подавленъ, тогда только (?) кн. Горчаковъ рѣшился дать самостоятельный отзывъ европейскимъ державамъ и отказать во всѣхъ ихъ требованіяхъ. Нельзя не отдать ему полной справедливости въ этомъ дѣйствіи. Онъ этимъ поступкомъ вышелъ изъ среды Долгорукихъ и заслужилъ общую похвалу и расположеніе Россіи, но впоследствии, не взирая на это, онъ склонялся опять къ упомянутымъ выше своимъ сподвижникамъ... Ему нужно было расположеніе (ихъ) для поддержанія себя на скользкомъ поприщѣ, ибо въ концѣ 1864 года значительно было поколеблено довѣріе къ нему Государя его неосторожными разговорами и неумѣренными самолюбіемъ во время пребыванія Государя за границей, такъ что одно время онъ самъ думалъ, что не останется на мѣстѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ личностей были еще нѣкоторыя второстепенныя, окружавшія (1863—1866 г.) Государя, но тѣмъ не менѣе производившія самое вредное вліяніе по польскому вопросу.

Министръ почтъ, (Иванъ Матвѣевичъ) Толстой, человекъ въ высшей степени (не даровитый), но пользующійся расположеніемъ Государя, ибо находился въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые,

по распоряженію покойнаго Государя Николая Павловича, воспитывались съ Наслѣдникомъ престола ¹⁾. Хотя Толстой не имѣлъ вліянія на дѣла государственныя, но въ интимныхъ своихъ разговорахъ съ государемъ вредилъ (?) русскому дѣлу, стараясь поддерживать систему въ пользу поляковъ.

Предсѣдатель комитета министровъ, князь (Павелъ Павловичъ) Гагаринъ, человекъ двусмысленный и невѣрный въ своемъ направленіи, измѣняющій его, соображаясь съ болѣе или менѣе выгодными для него политическими обстоятельствами. Въ 1863—1864 гг. кн. Гагаринъ дѣйствовалъ въ пользу русскаго дѣла; но съ 1865 г. онъ совершенно передался противоположной партіи и направленію, перебѣгая по временамъ то въ ту, то въ другую сторону, смотря по тому направленію, которое получаютъ (1866 г.) нѣкоторыя дѣла вслѣдствіе особаго указанія Государя.

Графъ (Викторъ Никитичъ) Панинъ, начальникъ II-го отдѣленія—также человекъ колеблющійся въ мнѣніяхъ своихъ, хотя и чрезвычайно способный; но, къ сожалѣнію, кривотолкъ и рѣдко въ сужденіяхъ своихъ конецъ его рѣчи сходствуетъ съ началомъ. Онъ держится болѣе направленія европейскаго и нѣмецкой партіи, будучи женатъ на нѣмкѣ изъ Лифляндіи. Къ русскому дѣлу онъ довольно холоденъ и равнодушенъ и ищетъ только быть въ милости у государя, не дорожа никакими мнѣніями своими.

Еще одинъ изъ вліяющихъ людей въ совѣтахъ царскихъ (1866 г.)—предсѣдатель департамента государственной экономіи, генералъ-адъютантъ (Константинъ Владиміровичъ) Чевкинъ, человекъ умный, русскій въ душѣ и всегда готовый помочь русскому дѣлу, къ сожалѣнію мелочной, во всю долговременную службу не произведшій ничего полезнаго (!?) и служившій болѣе тормазомъ администраціи (!!).

Изъ остальныхъ министровъ: (Д. Н.) Замятинъ—юстиціи, и Мельниковъ—путей сообщенія, люди благородные, но мало способные воспроизводить что-либо полезное; тѣмъ не менѣе оба они и генералъ-адъютантъ Чевкинъ постоянно дѣйствовали къ утвер-

¹⁾ Толстой не воспитывался съ Наслѣдникомъ, но, по покровительству графини Тизенгаузенъ, сопровождалъ его высочество въ первую заграничную поѣздку.

женію русскихъ началъ въ сѣверо-западномъ краѣ и сколь возможно противодѣйствовали партіи космополитовъ и внутреннихъ враговъ Россіи.

Но главные дѣатели русскаго дѣла въ совѣтахъ царскихъ были и есть (въ 1863—1866 гг.)—министръ государственныхъ имуществъ, генераль-адъютантъ (Александръ Алексѣевичъ) Зеленой, и военный министр, генераль-адъютантъ (Д. А.) Милютинъ.

Зеленой съ характеромъ прямымъ, рѣшительнымъ, благороднымъ, въ душѣ въ высшей степени русской, съ самоотверженіемъ посвятилъ себя поддержанію русскаго начала въ сѣверо-западномъ краѣ и той системы, которая была мною введена въ тамошнее управленіе. Онъ, не взирая ни на какія сильныя противодѣйствія высшихъ властей, настойчиво утверждалъ въ мысляхъ Государя необходимость побороть польское начало въ западномъ краѣ. Не одинъ разъ его благонамѣренныя и настойчивыя усилія были отринуты Государемъ; но онъ не останавливался и все шель тѣмъ-же путемъ.

Такимъ же образомъ министр военный, (Д. А.) Милютинъ, замѣчательно къ тому же умный, съ конца 1863 г. увидѣлъ бездну, въ которой привела насъ польская партія и русскіе космополиты. Событія 1863 года во многомъ измѣнили его взгляды и онъ, вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Зеленомъ и съ братомъ своимъ,—статсъ-секретаремъ Николаемъ Милютиннымъ—посланнымъ въ Царство Польское для устройства тамъ крестьянскаго дѣла и русскаго управленія,—всѣми силами стремился къ испроверженію польскаго вліянія, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Западномъ краѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ я Петербургское управленіе въ послѣдній пріѣздъ мой въ 1865 г. Я не говорю о Суворовѣ, какъ о человѣкѣ совершенно пустомъ, и потому что о немъ было довольно сказано выше; но тѣмъ не менѣе онъ постоянно вредилъ русскому дѣлу своею лживою (?) болтливостью во всѣхъ слояхъ общества и даже при дворѣ, гдѣ съ снисхожденіемъ выслушивали его наивныя лепетанія, тѣмъ не менѣе вредныя для общаго русскаго дѣла. Надо замѣтить, что къ тому времени польская партія соединилась съ нѣмецкою, которая также имѣла въ Петербургѣ сильныхъ своихъ агентовъ и защитниковъ.

V.

Увидѣвъ настоящее положеніе дѣлъ въ Петербургѣ и вполне сознавая, что правительство наше желало бы само измѣнить систему дѣйствій въ угодность Европѣ и врагамъ нашимъ внутри имперіи, которые имѣли значительный перевѣсъ въ общемъ мнѣніи въ Петербургѣ и, узнавъ, что Государь безъ неудовольствія приметъ мое ходатайство объ увольненіи отъ управленія сѣверо-западнымъ краемъ, я рѣшился, при первомъ свиданіи съ его величествомъ, окончательно выразить взглядъ мой на все дѣло.

Когда я почувствовалъ облегченіе отъ усталости и болѣзни, я просилъ аудіенціи у Государя и удостоился быть принятымъ 24-го марта 1865 г. При этомъ я имѣлъ въ виду, служа вѣрою и правдою Россіи и Государю, служить, но не переслуживать.

Съ этими мыслями и твердыми убѣжденіями я явился къ Государю, преисполненный внутреннимъ сознаніемъ, что я съ самоотверженіемъ, усердіемъ и полною преданностью Государю и Россіи выполнилъ свою обязанность.

Государь, по обыкновенію, принялъ меня милостиво и привѣтствовалъ благодарностью за все сдѣланное. Когда я началъ ему объяснять о положеніи края, онъ меня выслушивалъ безмолвно и, какъ мнѣ показалось, довольно равнодушно, при чемъ, какъ бы невольно, вырвались у него нѣкоторые упреки, что въ краѣ русскіе чиновники не хороши, что въ числѣ мировыхъ посредниковъ много социалістовъ и что отъ этого терпится общественный порядокъ; при чемъ онъ отзывался съ невыгодной стороны о нѣкоторыхъ губернаторахъ. Изъ словъ Государя, несвойственныхъ даже его обыкновенной деликатности въ обращеніи, въ особенности со мною, послѣ столь успѣшнаго исполненія тяжелой возложенной на меня обязанности укрощенія польскаго мятежа, я еще болѣе убѣдился въ справедливости дошедшихъ до меня свѣдѣній о перемѣнѣ мыслей Государя въ отношеніи ко мнѣ и къ моей системѣ дѣйствій. Я увидѣлъ, что польская партія и сочувствующія оной нѣкоторыя русскія правительственныя власти успѣли овладѣть мнѣніемъ Государя. Я увидѣлъ, что продолже-

ніе службы моей въ сѣверо-западномъ краѣ не принесло-бы никакой пользы для дѣла, но на всякомъ шагу были бы препоны въ исполненіи мѣроположеній къ обрусѣнію края, польская партія восторжествовала-бы и, послѣ уничтоженія польскаго мятежа въ краѣ, я вынужденъ былъ-бы его внослѣдствіи оставить съ униженіемъ и большими личными неприятностями.

Выслушавъ упомянутыя выше слова Государя, я рѣшительно отвергъ оныя, доказывая, что это есть выдумка Петербургской польской партіи и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, которыхъ я и называлъ, и засимъ высказалъ Государю, что я полагаю бы болѣе удобнымъ, еслибъ его величество съискалъ чело-вѣка, который могъ бы меня замѣнить; что разстроенное здоровье не дозволяетъ мнѣ съ успѣхомъ продолжать управление; что я, какъ кажется, выполнилъ свои обязанности успѣшно и добросовѣстно: смирилъ мятежъ и сдѣлалъ что могъ для водворенія русской народности въ краѣ, а потому и полагаю себя въ правѣ просить у его величества освобожденія отъ тяжкихъ обязанностей, исполняемыхъ мною въ теченіи двухъ лѣтъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, и нѣкотораго отдыха для поправленія здоровья.

Государь, милостиво поблагодаривъ меня за все сдѣланное, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось, безъ затрудненія и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ согласился на мое ходатайство, но съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ, чтобы я нѣсколько повременилъ, чтобы дать ему время найти мнѣ преемника. При чемъ его величество изволилъ обратиться ко мнѣ съ вопросомъ—кого бы я полагалъ назначить генераль-губернаторомъ въ Вильну?

Я ему указалъ на двоихъ: на Хрущова, какъ помощника моего по военному управленію, и на генераль-адъютанта Кауфмана, благонадежность и русскія тенденціи котораго я довольно хорошо узналъ при неоднократныхъ поѣздкахъ его въ Вильну и Варшаву. О генералѣ Кауфманѣ, какъ о директорѣ канцеляріи военнаго министерства, я предварительно говорилъ съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ Милютинымъ, котораго я также, какъ и генераль-адъютанта Зеленого, предупредилъ, что буду рѣшительно настаивать у Государя объ увольненіи меня отъ должности генераль-губернатора. О Потаповѣ же я сказалъ, что полагаю,

что онъ не будетъ годиться на эту должность и не захочетъ остаться помощникомъ ни у того, ни у другаго.

Государь мнѣ отвѣчалъ, что какъ онъ приважетъ Потапову, такъ онъ это и исполнить, ибо Хрущову нуженъ помощникъ по гражданской части, хотя-бы на нѣкоторое время. Государь изволилъ отозваться съ отличной стороны о Хрущовѣ и о Кауфманѣ, особенно о послѣднемъ.

Послѣ этого Государь еще нѣсколько говорилъ со мною вообще объ управленіи краемъ, но очень милостиво и безъ малѣйшихъ упрековъ, хотя я ему очень рѣзко выставлялъ всѣ вредныя попытки польской и нѣмецкой партій къ недопущенію утвердить въ Сѣверо-западномъ краѣ русское владичество; при чемъ я изъяснилъ его величеству, что край тотъ удерживается за нами силою оружія и надо-бы его теперь воссоединить нравственно-политически-религіознымъ русскимъ элементомъ; что 30-тъ лѣтъ тому назадъ, когда я былъ губернаторомъ въ Могилевѣ и Гроднѣ, край былъ болѣе русскимъ и что теперь онъ совершенно ополченъ по милости правителей края, не понимавшихъ потребностей Россіи и не умѣвшихъ противоудѣйствовать хитрой польской пропагандѣ при ослабленіи, въ отношеніи поляковъ, общихъ правительственныхъ мѣръ, особенно въ послѣднія десять лѣтъ.

Государь не вполне на это соглашался, а въ особенности на то, что въ послѣднее время онъ, т. е. край, болѣе ополчился.

Я это ему доказывалъ фактами и убѣдительно просилъ не отступать отъ принятой уже системы возрожденія въ краѣ православія и русской народности, при чемъ я повторилъ Его Величеству мысль о необходимости возстановить границы Царства Польскаго съ Западными губерніями, ибо необходимо обывателямъ губерній сихъ доказать фактически, что правительство не допускаетъ мысли о соединеніи сихъ губерній съ Царствомъ Польскимъ; но Государь и этотъ разъ отвергъ мысль о возстановленіи границы.

Послѣ продолжительнаго разговора, вполне милостиваго со стороны Государя, Его Величество изволилъ предложить мнѣ остаться у него обѣдать; но я такъ былъ утомленъ, что просилъ освободить меня отъ этого и возвратился домой.

Въ тотъ же день посѣтили меня (Д. А.) Милютинъ и Зеленой, которымъ я объявилъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Оставляя край, я очень хорошо зналъ, что вѣсть объ этомъ произведетъ самое неблагоприятное впечатлѣніе на русскихъ и произведетъ общую радость поляковъ, какъ въ Западномъ краѣ, такъ и въ Петербургѣ; но, съ другой стороны, увѣренъ былъ, что польская безумная радость возродитъ сильное негодованіе русскихъ и что самъ Государь скоро убѣдится въ необходимости продолженія строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ по управленію Западнымъ краемъ.

Таковому обороту благоприятствовали сами обстоятельства.

На мѣсто Кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Анненкова, который, какъ извѣстно, по ограниченному своему разуму, не принималъ почти никакихъ мѣръ къ подавленію польскаго элемента во вѣренныхъ ему губерніяхъ, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Безакъ, съ твердою рѣшимостью принять введенную мною систему управленія и во вѣренномъ ему краѣ. Генералъ-адъютантъ Милютинъ и Зеленой его направляли и облегчали ему всѣ средства къ утверженію въ томъ краѣ русской народности; хотя министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, старался этому препятствовать (?); но попытки сего послѣдняго были неудачны, тѣмъ болѣе, что радостные возгласы и манифестаціи поляковъ объ оставленіи мною Сѣверо-Западнаго края уже значительно потревожили Государя и побудили скорѣе назначить мнѣ преемника.

Государь рѣшился выбрать генералъ-лейтенанта Хрущова, человека честнаго, чисто-русскаго и вполне раздѣляющаго мысль о необходимости уничтоженія польскаго элемента въ краѣ, но, конечно, еще мало знакомаго съ гражданскимъ управленіемъ; поэтому Государь имѣлъ въ виду оставить при немъ на время помощникомъ генерала Потапова. Очевидно, что Потаповъ не могъ бы долго оставаться въ этой должности, ибо онъ былъ, какъ выше объяснено, увлеченъ польскою партіею и старался быть популярнымъ изъ угожденія нѣкоторымъ правительственнымъ властямъ въ Петербургѣ.

Министръ внутрен. дѣлъ желалъ воспользоваться сими обстоятельствами и представилъ Государю, для пользы будто бы дѣла,

установить въ Вильнѣ двойственное управленіе, т. е. назвать Хрущова—главнымъ начальникомъ края, а Потапову, въ качествѣ помощника, поручить исправленіе должности генераль-губернатора. Словомъ, онъ хотѣлъ создать управленіе—противорѣчащее и невозможное въ практическомъ исполненіи, тогда какъ, напротивъ того, въ томъ краѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, надо имѣть твердое и сосредоточенное управленіе въ полномъ смыслѣ слова. Валуевъ въ этомъ духѣ написалъ даже инструкцію, которую и представилъ Государю.

Военный министръ, узнавъ о стремленіи мин. внутр. дѣлъ ослабить власть главнаго начальника края, который былъ въ то же время распорядителемъ всѣхъ находящихся тамъ войскъ, энергически представилъ Государю о неудобствѣ сего предположенія и, какъ между тѣмъ, до самаго Государя доходили самыя тревожныя слухи о проявляющихся въ томъ краѣ польскихъ революціонныхъ и противуправительственныхъ манифестаціяхъ, то Государь рѣшился, по предложенію (Д. А.) Милютина, командировать на мѣсто генераль-адъютанта Кауфмана, для узананія на мѣстѣ о дѣйствительности неблагопріятныхъ слуховъ и о предварительномъ соглашеніи Хрущова и Потапова на приведеніе въ исполненіе комбинаціи министра внутреннихъ дѣлъ.

Кауфманъ былъ командированъ за четыре дня до Пасхи, т. е. 31-го марта 1865 г., и остановленъ былъ, до его возвращенія, заготовленный приказъ о назначеніи Хрущова.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ возвратился вечеромъ наканунѣ Пасхи и привезъ самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о возродившихся между поляками надеждахъ на ослабленіе правительственныхъ мѣръ, каковыя надежды поддерживались видимымъ умышленнымъ покровительствомъ польскаго элемента генераломъ Потаповымъ, въ теченіи 2-хъ недѣль, истекшихъ со времени оглашенія слуха о томъ, что я оставляю край; при чемъ генераль-адъютантъ Кауфманъ заявилъ Государю, что комбинація министра внутреннихъ дѣлъ неудобопримѣнима; что Хрущовъ, на основаніи оной, не признаетъ возможнымъ управлять краемъ и что Потаповъ желаетъ пользоваться, подъ наименованіемъ помощника, всѣми правами генераль-губернатора.

Потаповъ, встревоженный тѣмъ, что комбинація министра вну-

тренихъ дѣлъ не принята Хрущовымъ и что его оставить помощникомъ безъ всякихъ особыхъ правъ, вручилъ Кауфману письмо для доставленія Государю, коимъ онъ просилъ, не рѣшая дѣла, дозволить ему лично прибыть въ Петербургъ для объясненій.

Такимъ образомъ, изготовленный уже въ 4-му апрѣля 1865 г. приказъ о назначеніи Хрущова главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края и объ увольненіи меня съ возведеніемъ въ графское достоинство, былъ на время отложенъ. По телеграфу было дано знать Потапову, что ему разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ.

VI.

5 го числа апрѣля 1865 г., въ первомъ часу по полудни, я былъ принятъ на испрошенной мною аудіенціи у Государя, ибо я желалъ, чтобы праздниками вышли нѣкоторыя награды чиновникамъ, а не могъ прежде того сдѣлать представленія, и узнать у Государя окончательное рѣшеніе объ оставляемомъ мною краѣ.

Государь принялъ меня довольно сухо и когда я ему объяснялъ еще разъ о положеніи края, то онъ болѣе молчалъ, не дѣлая особыхъ возраженій, кромѣ, впрочемъ, о томъ, что между русскими чиновниками есть много людей ненадежныхъ. Я ему повторилъ прежде мною сказанное, присовокупивъ, что въ огромной массѣ, болѣе 1,000 человекъ прибывшихъ чиновниковъ, конечно, должны быть и неблагонадежные, но они тотчасъ возвращаемы были на родину, наибольшее же число ненадежныхъ были отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вовсе не заботилось о томъ, чтобы содѣйствовать благоустройству края.

Государь мнѣ также заявилъ о томъ, что онъ приказалъ вызвать Потапова и о комбинаціи министра внутреннихъ дѣлъ, въ отношеніи устройства тамъ управленія.

Я доказывалъ Государю невозможность исполненія этого на практикѣ.

Государь молчалъ.

Я хвалилъ генераль-адъютанта Кауфмана и сказалъ, что если Государю неуютно будетъ назначить Хрущова, то лучше поручить управление съ полными правами генералу Кауфману. Въ продолженіи аудіенціи я представилъ Государю краткую записку о предположеніяхъ къ продолженію принятыхъ мною мѣръ по управленію краемъ. Въ запискѣ этой я наиболѣе упиралъ на введеніе русскаго элемента и уменьшеніе вліянія католицизма. (См. приложенія).

Государь записку эту оставилъ у себя.

Навонецъ, въ концѣ аудіенціи, я представилъ Государю докладъ со всеподданнѣйшею просьбою о награжденіи нѣкоторыхъ лицъ въ бывшемъ моемъ управленіи. Государь самъ изволилъ просмотрѣть наградный списокъ и сказалъ, что наградить всѣхъ не можетъ, потому что нѣкоторые въ истекшемъ году получили награды и что этимъ нарушается принятый порядокъ.

Я возразилъ Его Величеству, что самое управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ въ послѣдніе два года выходило изъ общаго порядка и что, конечно, служба тамъ въ продолженіи двухъ лѣтъ можетъ равняться съ десятками лѣтъ таковой же внутри имперіи.

Тогда Государь изволилъ, отдавая мнѣ списокъ, сказать, чтобы я передалъ его по порядку министру внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго представленія.

Усматривая изъ всего этого нежеланіе Государя исполнить мое ходатайство о наградѣ, я взялъ списки и, влагая ихъ въ портфель, сказалъ, что „такъ какъ, повидимому, Вашему Величеству не угодно наградить этихъ чиновниковъ, какъ это вы прежде изволили дѣлать, а потому я считаю это дѣло уже конченнымъ“.

Государь, по всегдашней деликатности своей и сердечной добротѣ, почувствовалъ до какой степени мнѣ былъ непріятенъ его отказъ и указанное имъ направленіе чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, а потому тогда же взялъ у меня списки эти и сказалъ: „оставьте ихъ у меня, я ихъ разсмотрю“.

На другой же день я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ сказанные списки съ увѣдомленіемъ, что Государь изволилъ утвердить всѣ мои представленія.

Послѣ разговоръ съ Государемъ о дѣлахъ края, я спрашивалъ его о намѣреніяхъ относительно поѣздки за границу для свиданія съ императрицей. Онъ мнѣ сказалъ, что еще положительно ничего сказать не можетъ, что свадьба Государя Наслѣдника предполагается осенью, что впрочемъ, получаемыя о ходѣ его болѣзни свѣдѣнія не совсѣмъ благоприятны... Тогда Государь не имѣлъ еще грустнаго извѣстія, полученнаго того же 5-го числа о совершенно безнадежномъ положеніи Государя Наслѣдника ¹⁾.

Я съ Государемъ простился и онъ еще разъ благодарилъ меня за управленіе краемъ и за пользу, которую я принесъ Россіи.

VII.

Приѣздъ генерала Потапова въ Петербургъ.

Генералъ Потаповъ прибылъ сюда (въ Петербургъ) вечеромъ 5-го апрѣля, т. е. въ понедѣльникъ на Пасхѣ, и тотъ же вечеръ послѣ посѣщенія князя Долгорукова, явился ко мнѣ, весьма встревоженный ходомъ дѣла. Потаповъ мнѣ выражалъ свою твердую рѣшимость не принимать званія помощника Хрущова иначе какъ съ правами генералъ-губернатора.

Я ему доказывалъ несообразность этого требованія и невозможность его исполненія и онъ, крайне разстроенный, оставилъ меня, при чемъ увѣрялъ въ своей неизмѣнной преданности ко мнѣ и твердомъ намѣреніи неуклонно слѣдовать введенной мною системѣ. Онъ старался скрыть всѣ сдѣланныя имъ въ отсутствіе мое отступленія отъ данныхъ мною предписаній.....

Потаповъ сообщилъ мнѣ при семъ случаѣ грустное, полученное изъ Ниццы, извѣстіе о безнадежномъ состояніи Государя Наслѣдника, что Государь изволилъ отправиться 6-го числа вечеромъ въ Ниццу, и потому князь (В. А.) Долгоруковъ просить меня отложить, до возвращенія Государя, ходатайство мое объ оставленіи края.

Я поручилъ генералу Потапову передать князю Долгорукову, что такъ какъ назначеніе мое было сдѣлано по волѣ Госу-

¹⁾ Цесаревича Николая Александровича.

даря, и что увольненіе мое имъ уже предположено, а потому буду ожидать окончательныхъ приказаній по сему предмету отъ Государя.

Генераль Потаповъ мнѣ также заявилъ, что 6-го числа поутру въ 12-мъ часу назначено особое совѣщаніе у Государя, въ которое онъ будетъ призванъ для окончательнаго разрѣшенія предложенной министромъ внутреннихъ дѣлъ комбинаціи, которую, какъ видно было изъ словъ генерала Потапова, сильно поддерживалъ и князь Долгоруковъ, и на которую соглашался генераль Потаповъ, полагая получить права генераль-губернатора, и тѣмъ самымъ продолжать принятую имъ систему примиренія съ поляками и оставленія края того по прежнему, подъ вліяніемъ польской пропаганды, съ объявленіемъ амнистіи замѣшаннымъ въ мятежъ, какъ этого желали князь Долгоруковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.

VIII.

Совѣщаніе у Государя.

Дѣйствительно, 6-го числа апрѣля 1865 г., поутру, было совѣщательное засѣданіе у Государя, состоявшее изъ Долгорукова и министра внутреннихъ дѣлъ, съ призывомъ Потапова, въ которомъ они обсуждали способъ приведенія въ исполненіе комбинаціи г. Валуева о правахъ генерала Потапова на генераль-губернаторство. Потаповъ же излагалъ все, что могъ, въ невыгоду настоящаго управленія краемъ, и (доказывалъ) необходимость дать ему по этой причинѣ, хотя въ качествѣ помощника, полныя права генераль-губернатора.

Военный министръ, генераль-адъютантъ Милютинъ, хотя и былъ приглашенъ для участія въ совѣщаніи, но онъ ожидалъ окончанія предварительныхъ переговоровъ съ Потаповымъ въ аванзалѣ, и призванъ былъ къ совѣщанію уже послѣ подготовительныхъ преній и разныхъ (объясненій) Потапова. Генераль-адъютанту Милютину предложена была, въ присутствіи Государя, комбинаціи министра внутреннихъ дѣлъ, которую онъ рѣшительно

отвергъ, признавая невозможнымъ отдѣлять въ то время и въ томъ краѣ военную власть отъ гражданской.

По выслушаніи довольно продолжительныхъ съ обѣихъ сторонъ объясненій, Государь отвергъ комбинацію министра внутреннихъ дѣлъ, и согласно съ мнѣніемъ (Д. А.) Милютину, предложилъ назначить главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края Кауфмана вмѣсто Хруцова, котораго Потаповъ старался представить Государю съ невыгодной стороны, называя его недостаточно благовоспитаннымъ, чтобъ управлять краемъ. Потапову же Государь предназначилъ оставаться въ Вильнѣ въ распоряженіи генерала Кауфмана, впредь до его усмотрѣнія.

По окончаніи сего совѣщанія, Государь поручилъ Милютину лично заявить мнѣ свое желаніе, чтобъ я сохранилъ управленіе краемъ еще на нѣкоторое время, пока будутъ сдѣланы изъ Ниццы, куда онъ отправляется, всѣ дальнѣйшія распоряженія объ освобожденіи меня отъ управленія краемъ. Самъ же Государь, въ тотъ же вечеръ, поспѣшно отправился въ Ниццу, а генералъ-адъютанту Кауфману, котораго онъ предъ тѣмъ призывалъ для объявленія своего рѣшенія, поручилъ быть у меня и заявить о его назначеніи начальникомъ края, что Кауфманъ и исполнилъ слѣдующаго 7-го числа.

6-го апрѣля, послѣ совѣщанія, былъ у меня Потаповъ весьма короткое время и ничего не передалъ о послѣдствіяхъ онаго, сказавъ только, что ѣдетъ ввечеру въ Вильну, въ одномъ поѣздѣ съ Государемъ, и тамъ останется до окончательнаго назначенія начальника края; при чемъ онъ заявилъ, что будетъ еще предъ отъѣздомъ ввечеру у меня для полученія дальнѣйшихъ наставленій.

Ввечеру 6-го числа Потаповъ, дѣйствительно, былъ у меня. спрашивалъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, которыя онъ полагалъ нужнымъ сдѣлать, и я ему оныя разрѣшилъ; при чемъ онъ старался скрыть свои намѣренія и увѣрялъ меня въ своей искренней преданности и въ полномъ сочувствіи къ введенной мною системѣ управленія, заявляя однако-жъ, что онъ не останется въ краѣ и не далѣе, какъ недѣли черезъ три, явится ко мнѣ въ деревню, на что испрашивалъ моего разрѣшенія. . . . .

7-го числа генералъ Кауфманъ былъ у меня, рассказалъ мнѣ обо всемъ бывшемъ въ послѣдніе дни и о своемъ назначеніи въ

Сѣверо-Западный край, равно и о всѣхъ (дѣйствіяхъ) Потапова, который всѣми силами старался удержать за собою власть генераль-губернатора; но такъ какъ ему это не удалось, то онъ негодовалъ за то, что оставленъ въ распоряженіи генерала Кауфмана, что онъ и не старался скрыть, рассказывая стороннимъ лицамъ и даже нѣкоторымъ начальникамъ губерній, по приѣздѣ въ Вильну, что ему будутъ предоставлены права генераль-губернатора.

Но я довольно уже говорилъ о генер. Потаповѣ..... Скажу только, что въ продолженіе тѣхъ трехъ недѣль, которыя онъ былъ въ Вильнѣ, т. е. до назначенія въ приказѣ генерала Кауфмана, онъ (былъ) за настоящаго уполномоченнаго правителя края, унижалъ и преслѣдовалъ (??) все русское и старался снискать расположеніе поляковъ всѣми возможными уступками снисхожденіями и потворствомъ польскимъ и римско-католическимъ тенденціямъ.

IX.

Высочайшій рескриптъ.

17-го апрѣля 1865 г. состоялся въ Ниццѣ высочайшій указъ о назначеніи на мѣсто меня главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края ген.-адъют. фонъ Кауфмана. Правительство опасалось, что съ оставленіемъ мною края возникнутъ вновь надежды поляковъ на перемѣну системы дѣйствій и возбудится между ними стремленіе къ новымъ попыткамъ отторгнуть край тотъ отъ Россіи. Опасеніе правительства было основательно: поляки радовались моему увольненію; вездѣ заявлены были громогласныя манифестаціи радости и революціонныя гимны; вездѣ показался трауръ; польскій языкъ сдѣлался вновь общимъ для польскаго населенія; явно показывалось презрѣніе ко всему русскому и даже къ лицамъ, занимающимъ служебныя мѣста; словомъ все ознаменовало новую эру польской жизни и пропаганды въ краѣ, покровительствуемой (?) генер. Потаповымъ. Русскіе люди были въ отчаяніи, видѣвши, что плодъ толикихъ трудовъ и усилій въ продолженіи двухъ лѣтъ о восстановленіи русской народности и

православіи въ крайъ долженъ рушиться; многіе даже собирались оставить край, но обнародованный данный мнѣ рескриптъ съ возведеніемъ меня въ графское достоинство, въ которомъ ясно и положительно выражены всѣ мои дѣйствія по возстановленію русской народности въ край, нѣсколько ободрилъ русскихъ, какъ въ западномъ крайѣ находившихся, такъ и вообще въ Россіи; ибо почти повсемѣстное и общее было въ Россіи опасеніе, что съ оставленіемъ мною сѣверо-западнаго края, онъ сдѣлается снова чуждымъ и враждебнымъ Россіи; но благое Провидѣніе, всегда покровительствующее Россіи, иначе рѣшило дѣло!

Скоро надежды поляковъ рушились.

Вновь назначенный начальникъ края, хотя съ нѣмецкою фамиліей, но истинно православный и русскій, рѣшившись принять на себя тяжкую обузу управленія сѣверо-западнымъ краемъ, далъ себѣ твердый обѣтъ не отступать отъ введенной мною системы дѣйствій и во чтобы то ни стало водворить въ край русскую народность и православіе.

Польская и нѣмецкая партіи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ мѣстахъ, были изумлены, увидѣвъ, что дѣйствія новаго начальника края нисколько не оправдываютъ ожиданій, коими они себя льстили. Дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль, какъ генералъ Кауфманъ не нашелъ нужнымъ оставлять въ Вильнѣ генерала Потапова, который отправился за границу, и русскіе люди увидѣли, что дѣло идетъ по прежнему, съ полнымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ всему русскому и православному со стороны новаго начальника края.

Окончивъ такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1865 г., занятія мои по управленію сѣверо-западнымъ краемъ Россіи, здоровье мое было такъ уже разстроено, что я не въ силахъ былъ заниматься ничѣмъ серьезно и мнѣ необходимы были долговременный отдыхъ и леченіе, на что я и получилъ соизволеніе Государя Императора; но жизнь моя политическая, въ смыслѣ водворенія въ западномъ крайѣ русскихъ началъ, и во время отсутствія моего изъ онаго, нисколько не прекратилась.

Съ оставленіемъ края я получилъ моральную, превыше всего для меня, награду: сочувствіе и благодарность Россіи и всѣхъ русскихъ людей, прибывшихъ въ край и посвятившихъ себя на

святое и великое дѣло обрусѣнія онаго и утвержденія тамъ православія.

Сочувствіе Россіи и русскихъ дѣятелей на славномъ поприщѣ моральнаго и политическаго покоренія сѣверо-западнаго края постоянно продолжалось и ознаменовалось адресами и телеграммами ко мнѣ; извѣщеніемъ обо всѣхъ болѣе или менѣе приятныхъ для русскаго дѣла въ томъ край событіяхъ: возведенія православныхъ храмовъ, обращенія католиковъ въ православіе, устройства новыхъ школь; обо всемъ этомъ сообщали мнѣ изъ разныхъ мѣстъ края русскіе люди и на празднествахъ постоянно вспоминали обо мнѣ,—словомъ, имя мое сдѣлалось знаменемъ русскихъ въ томъ край, и, хотя отсутствующій, я былъ моральнымъ дѣятелемъ въ довершеніи начатаго русскаго дѣла, столь достохвально поддерживаемаго (1866 г.) новымъ начальникомъ края.

Независимо всѣхъ сихъ отдѣльныхъ заявленій русскихъ людей, я удостоился получить въ разное время, въ 1865 и 1866 годахъ, отъ разныхъ сословій, корпорацій и управленій великолѣпно отдѣланные альбомы съ портретами русскихъ дѣятелей, доставленные мнѣ особо присланными депутаціями. (См. приложенія).

Обо всѣхъ сказанныхъ манифестаціяхъ искренняго ко мнѣ расположенія русскихъ людей и благодарности за общія понесенныя съ ними труды на пользу отечества были въ свое время обнародованы въ разныхъ вѣдомостяхъ и журналахъ и потому я ихъ здѣсь и не описываю; но не могу не высказать, что всѣ эти манифестаціи и заявленія русскаго чувства составляютъ для меня высшую изъ всѣхъ наградъ, которыя я могъ получить въ своей жизни. Это выше всего, что могло дать мнѣ правительство, ибо ленты и звѣзды суть награды рядовыя, которыя даются весьма часто по искательству и интригамъ, безъ разсмотрѣнія настоящихъ заслугъ. Заявленіе же благодарности Россіи, удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы съ мятежемъ и крамолою въ сѣверо-западномъ край и присылка святыхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи во время управленія краемъ и даже послѣ того, также радушныя и сердечныя заявленія благодарности русскими людьми, коими я былъ удостоенъ значительно послѣ оставленія мною управленія, т. е. когда я уже не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на дѣла службы,—составляютъ

такія награды, которыя превосходятъ все, что можетъ получить
человѣкъ, который посвятилъ себя на служеніе Отечеству!

Богъ благословилъ меня этимъ счастіемъ, которое, еще разъ
скажу, превыше всѣхъ правительственныхъ наградъ: его никто
не можетъ ни дать, ни взять.

Графъ Мих. Ник. Муравьевъ.

4-го апрѣля 1866 г.
С.-Петербургъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЬ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

ЗАПИСКИ ЕГО ОБЪ УПРАВЛЕНІИ СЪВЕРО-ЗАПАДНЫМЪ КРАЕМЪ И ОБЪ
УСМИРЕНІИ ВЪ НЕМЪ МЯТЕЖА,

1864 и 1865 гг.

I.

О моральномъ и политическомъ вліяніи польскаго мятежа на край и на Россію.—О дѣйствіяхъ въ сосѣдственныхъ областяхъ, т. е. въ Царствѣ Польскомъ, Юго-западномъ краѣ и Прибалтійскихъ провинціяхъ.—Вліяніе въ оныхъ польской пропаганды.—О настоящей и будущей системѣ дѣйствій, необходимою для окончательнаго обладанія Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Когда Государю угодно было поручить мнѣ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ, почти повсемѣстно уже взволнованнымъ мятежемъ, сосѣднія съ нимъ области, т. е., Царство Польское и Юго-Западный край, а въ особенности первое представляло полное разрушеніе правительственной власти, да и въ Юго-Западномъ краѣ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, еще въ декабрѣ 1862 года, генераль-адъютантъ Анненковъ, не понимавшій положенія вѣрнопной ему страны и не имѣющій (1866 г.) вѣрнаго взгляда на польскую интригу вообще и на всегданнее стремленіе ея къ мятежу, такъ ослабилъ управленіе, впрочемъ давно распущен-

¹⁾ Первые три главы Записокъ гр. М. Н. Муравьева-Виленьскаго напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 года, томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387 — 432 и декабрь, стр. 623 — 644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166.

Ред.

ное предѣстникомъ его, кн. Васильчиковымъ, что даже Кіевъ, колыбель православія, въ коемъ лишь до 600 жителей обоего пола католическаго исповѣданія, былъ волнуемъ польскими мятежными манифестациями и русскіе не находили себѣ защиты отъ поляковъ. Въ Волынской же и Подольской губерніяхъ мятежъ сильно распространялся, не смотря на противоѣдѣствіе сельскаго населенія, по преимуществу православнаго, ибо во всѣхъ Юго-западныхъ губерніяхъ католиковъ 450 тыс., при населеніи православномъ до 5 милліоновъ.

Сельское населеніе, по слабости и неразумѣнію дѣла Кіевскимъ главнымъ начальствомъ, нисколько не воспользовалось благодѣтельною волею Государя о прекращеніи крѣпостнаго состоянія. Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года не только не былъ приведенъ въ исполненіе; но, по ходатайству помѣщиковъ, были посланы войска для понужденія крестьянъ къ платежу усиленныхъ оброковъ по неправильно составленнымъ уставнымъ грамотамъ, за что и подвергали ихъ сильнымъ наказаніямъ, подъ предлогомъ неповиновенія помѣщикамъ, которые большею частію содѣйствовали мятежу. Такимъ образомъ русское православное населеніе, преданное Государю и Россіи и твердо удерживающее прародительскую вѣру, содѣйствовавшее къ удержанію порядка въ краѣ и доводящее до свѣдѣнія правительства о всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ пановъ, по безсмыслию главнаго мѣстнаго начальства, бывшаго подъ вліяніемъ польской интриги и пропаганды, было сильно угнетаемо, и болѣе даже, чѣмъ до манифеста 19-го февраля 1861 года.

Негодованіе русскихъ людей, бывшихъ въ Юго-западномъ краѣ, и всего русскаго населенія было общее.

Поляки явно торжествовали, польское направленіе взяло верхъ и Юго-западный край, почти весь населенный русскими православными людьми, сдѣлался игралищемъ польской интриги и мятежа. Во многихъ уѣздахъ формировались шайки мятежниковъ и только по милости и содѣйствію крестьянъ, оныя вынуждены были скоро расколоться, а паны были представляемы правительству. Польскіе мятежники такъ открыто дозволяли себѣ дѣйствовать противъ правительства, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. на пароходѣ „Кумиръ“, шедшемъ изъ Кіева, были перевозимы въ

Пинскій уѣздъ, какъ мною прежде было сказано, мятежные новобранцы и оружіе.

Вся Сѣверная часть Кіевской и Волинской губерній была до таковой степени оставлена безъ всякаго начальства, что изъ оной постоянно вторгались мятежныя шайки въ сосѣдніе уѣзды Гродненской и Минской губерній и, по мѣрѣ уничтоженія, они находили въ лѣсахъ на Волини вѣрное убѣжище.

Съ западной стороны Царство Польское представляло еще болѣе печальное зрѣлище—тамъ господствовали полная правительственная (?) анархія и правильно учрежденный подземный польскій жондъ. Управление маркиза Веліопольскаго объяснено уже выше; — но не могу однакожъ пройти молчаніемъ о томъ вредномъ вліяніи, какое управление это имѣло на Высочайше вѣренный мѣ край. Ненаказанность, полная свобода дѣйствія мятежникамъ, уничтоженіе всего русскаго и даже самаго войска, которое, по волѣ самаго начальства, должно было выносить всевозможныя оскорбленія отъ поляковъ, — все это придавало такую смѣлость и дерзость полякамъ, что шайки ихъ постоянно вторгались въ предѣлы вѣренняго мѣ края и тѣмъ поддерживали развившійся въ край мятежъ, не говоря уже о томъ, что главный центральный жондъ Варшавскій сосредоточивалъ въ себѣ все революціонное управленіе Западнымъ краемъ.

Очевидно, что мятежъ должно было окончить подавленіемъ онаго въ Царствѣ Польскомъ и преимущественно въ самой Варшавѣ, тогда успокоились бы и наши западныя губерніи; но на дѣлѣ вышло иначе: въ Царствѣ Польскомъ мятежъ разгорался болѣе и болѣе и къ подавленію его не принималось никакихъ (?) благоразумныхъ мѣръ и потому мнѣ пришлось бороться съ мятежемъ не въ однихъ сѣверозападныхъ губерніяхъ, но полагать преграду развитію онаго и въ сосѣднихъ областяхъ Царства Польскаго и Юго-западныхъ губерніяхъ. Мнѣ надо было, не взирая на усиливавшійся мятежъ въ сосѣднихъ областяхъ, уничтожить оный во вѣренномъ мѣ край и тѣмъ самымъ положить начало и основаніе подавленія мятежа и въ Царствѣ Польскомъ.

Положеніе мое было тѣмъ затруднительнѣе, что мнѣ надо было бороться противу цѣлой системы превратнаго управленія Царствомъ Польскимъ; отбиваться отъ постоянно оказываемаго

противодѣйствія многихъ русскихъ властей въ Петербургѣ и ввести систему управленія совершенно противоположную всѣмъ тѣмъ взглядамъ, которые въ теченіе десятковъ лѣтъ имѣло наше высшее правительство, и въ то же время укротить мятежъ, охватившій весь край и поддерживаемый объясненными выше неблагоприятными обстоятельствами и надеждою на чужеземное пособіе.

Дѣйствительно, въ то время вся Западная Европа, а въ особенности Англія и Франція, явно поддерживали польскую интригу. Польскіе революціонные комитеты открыто дѣйствовали во многихъ городахъ Европы, посылали мятежникамъ пособіе, деньгами и оружіемъ, и агентовъ, раздувавшихъ мятежъ въ краѣ.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ мнѣ надо было скорѣе подавить мятежъ, ибо всякая медленность въ дѣйствіяхъ придавала оному силу, увеличивала надежду на иностранное пособіе и на скорое объявленіе войны Франціею, которая постоянно угрожала тѣмъ Россіи.

Прибалтійскія губерніи, управляемая слабымъ и малосмысленнымъ дѣломъ генераль-губернаторомъ, барономъ Ливеномъ, оказывали явное сочувствіе польскимъ революціонерамъ. Они свободно укрывались въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ съ разными фальшивыми паспортами, носили трауръ и разные революціонные знаки, словомъ перенесли польскую пропаганду въ тотъ край, и тамошнее начальство всѣми зависящими отъ него средствами старалось укрывать и покровительствовать польскихъ выходцевъ, снабжая ихъ даже заграничными паспортами.

Содѣйствіе польскимъ революціонерамъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ было такъ сильно, что я долженъ былъ принять строгія полицейскія мѣры противъ привоза оружія, пороха и проѣзда эмиссаровъ по желѣзной (дорогѣ) изъ Риги въ Динабургъ. Никакія мои сношенія съ тамошнимъ генераль-губернаторомъ не могли уменьшить (враждебныхъ къ намъ стремленій властей тѣхъ губерній).

Необходимо было сильнымъ ударомъ поразить мятежъ; надо было доказать полякамъ и всему шляхетскому населенію въ краѣ, что правительство рѣшилось дѣйствовать твердо и неотступно,

карая крамолу и влятвопреступленіе; необходимы были на первых порахъ жертвы, чтобы устрашить распорядителей мятежа, привыкшихъ видѣть въ правительствѣ нашемъ слабость и пользоваться полною ненавизанностью. Послѣ изданія мною строгихъ, положительныхъ распоряженій съ преподаніемъ мѣръ къ укрощенію мятежныхъ дѣйствій въ краѣ, польскіе революціонеры, всегда смѣлые при слабости правительства и, напротивъ того, трусливые и смиренные—*radam do podg*—при энергическихъ дѣйствіяхъ начальства, скоро начали покоряться правительственной власти, водворяемой въ краѣ, и мятежъ сталъ утихать. Сельское же населеніе, преимущественно православное, всегда преданное правительству, постепенно стало сочувствовать принятымъ мѣрамъ и содѣйствовало къ укрощенію мятежа. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ, какъ въ большей части вѣреннаго мнѣ края водворилось нѣкоторое спокойствіе и мятежники нравственно и вещественно ослабѣли и потеряли духъ. Въ Царствѣ Польскомъ, т. е. въ управленіи его сдѣлалась наконецъ реакція. Оно вынуждено было принять введенную мною систему дѣйствій.

Съ принятіемъ мѣръ (въ Царствѣ Польскомъ) сообразно данныхъ мною для сѣверозападнаго края инструкцій, мятежъ сталъ утихать и въ Царствѣ Польскомъ.

Европа скоро увидѣла, что всѣ рассказы и возбужденія польскихъ эмигрантовъ о всеобщемъ будто-бы народномъ польскомъ возстаніи во всемъ западномъ краѣ была наглая ложь; что народъ и большая часть населенія вовсе не сочувствуютъ мятежу и что возстаніе это есть плодъ интригъ партій революціонеровъ, шатавшейся по Европѣ и пользующейся сочувствіемъ польскаго шляхетства и есендзовъ, но отнюдь не народа.

Быстро совершенное мною усмиреніе края остановило стремленіе европейскихъ державъ къ поддержанію несчастной будто-бы польской націи, которая въ видѣ націи не существовала въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, отчего и самые порывы польскихъ революціонеровъ значительно ослаблены были и въ самомъ Царствѣ Польскомъ, въ особенности когда правительство наше рѣшилось, хотя и поздно, т. е. въ исходѣ іюля мѣсяца 1863 г., дать дипломатическими нотами рѣшительный отпоръ неумѣст-

нымъ и оскорбительнымъ для Россіи притязаніямъ западныхъ державъ.

Успѣхъ, увѣнчавшій дѣйствія мои по укрощенію мятежа, хотя и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на Государя и оживилъ духъ русской партіи, придавъ ей еще болѣе силы въ Петербургѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилъ число ярыхъ враговъ моихъ и въ особенности поклонниковъ польской пропаганды, которые не столь страшны были въ западномъ краѣ, какъ въ самомъ Петербургѣ и Россіи, ибо, въ сожалѣнію, въ то время Россія обуреваема была общимъ духомъ необузданнаго либерализма, своеволія и вражды ко всякому начальству и власти; поляки этимъ пользовались и повсюду, гдѣ только могли, въ Россіи, а въ особенности въ столицахъ нашихъ, присоединяли къ своимъ революціоннымъ кружкамъ русскихъ безумцевъ, увлекавшихся идеею свободы и необузданности. Такимъ образомъ Петербургъ былъ издавна, т. е. еще съ 1862 г., центромъ польской пропаганды и многіе изъ нашихъ правительственныхъ властей были игралищемъ польской интриги, которая прикрывала себя личною либерализма и тѣхъ реформъ, которыя были приняты правительствомъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія.

1863-й годъ тѣмъ замѣчательнъ былъ въ особенности, что польскій мятежъ не только открылъ глаза правительству на западный край; но обнаружилъ то несвойственное правительству положеніе, въ которомъ находилось управленіе западными нашими губерніями, болѣе принадлежавшими Польшѣ, чѣмъ Россіи. Польское возстаніе произвело сильный нравственный переворотъ и въ Россіи. Увлекавшаяся либерализмомъ и вообще демократическими началами русская молодежь какъ бы очнулась въ виду предстоявшей государству опасности отъ своеволія и дѣйствій Польши и угрозъ западныхъ державъ. Общее негодованіе на польское возстаніе значительно подавило и умѣрило демократическія стремленія въ Россіи и былъ возбужденъ всеобщій духъ патриотизма и желаніе идти на помощь правительству въ подавленію польской крамолы. Увлеченная польскою пропагандою русская молодежь во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ бы отрезвилась. Всѣ безпечности и противуправительственныя манифестаціи въ универси-

татахъ и иныхъ учебныхъ заведеніяхъ сами собою прекратились. Молодые гвардейскіе офицеры, также зараженные духомъ либерализма, измѣнили направленіе свое, а въ особенности тѣ, которые прибыли въ Вильну въ составъ 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій; они скоро увидѣли куда вела ихъ польская интрига и такъ называемая легальность ¹⁾, проповѣдуемая поляками. Они убѣдились, что это есть чистый обманъ враговъ нашихъ, которые подъ защитой легальности, требуемой ими отъ правительства нашего, производили безнаказанно въ край всевозможныя неистовства. Скорый опытъ имъ указалъ, что проповѣдуемая поляками: вольность, ровность (равенство), неподлежность (независимость)—есть чистый обманъ, конимъ они прикрывали свое стремленіе господствовать надъ краемъ и надъ всѣми сословіями, какъ это происходило въ былыя времена Рѣчи Посполитой. Они стремились, подъ предлогомъ ойчизны и сказанной вольности, испровергнуть правительство, какое-бы оно ни было, чтобы безнаказанно владычествовать, какъ это было въ давнія времена польскаго шляхетства.

Русскіе, прибывшіе въ край, скоро убѣдились въ этомъ и съ самоотверженіемъ жертвовали собою для уничтоженія польской крамолы въ край и упроченія русской народности. Этотъ приливъ и отливъ русскихъ въ Сѣверо-Западный край ознакомилъ и Россію съ положеніемъ дѣлъ въ той странѣ. Россія наконецъ увидѣла, что пора правительству очнуться и вступить за права русскихъ въ своихъ Западныхъ окраинахъ.

1863 годъ есть, конечно, одинъ изъ счастливейшихъ для Россіи тѣмъ нравственнымъ переворотомъ, который онъ произвелъ, какъ въ неумѣренныхъ либеральныхъ тенденціяхъ, овладѣвшихъ

¹⁾ Необходимо сохранить это слово, какъ выражающее понятіе противуположное законности. Легальность есть то внѣшнее поклоненіе буквѣ закона, которое во всѣхъ подчиненныхъ польской козѣ обществахъ, выработалось, при вліяніи римскаго и всѣхъ другихъ чуждыхъ правъ, къ ущербу правды, и на ней зиждущейся законности. Легальность въ этомъ смыслѣ также непохожа на законность, какъ право не похоже на правду, и цивилизація на просвѣщеніе, хотя онѣ между собою также близки, какъ внѣшность человѣка къ его внутреннему, какъ оболочка къ внутреннему содержанію.

Примѣчаніе А. Рачинскаго.

тогда русскою публикою, такъ въ особенности тѣмъ, что поляки намъ сами открыли своими дѣйствіями всѣ свои давно задуманные замыслы и коварный планъ дѣйствій въ усыпленію нашего правительства и въ отторженію Западныхъ нашихъ губерній отъ кореннаго отечества — великой Россіи.

Нравственное настроеніе населенія Сѣверо-Западнаго края въ началѣ 1863 года было самое враждебное Россіи. Я разумѣю здѣсь такъ называемую польскую интеллигенцію, т. е. всендзовъ и шляхту; даже многіе русскіе помѣщики и чиновники православнаго исповѣданія, издавна водворившіеся въ край, слѣдовали общему стремленію польской пропаганды, такъ что на многихъ изъ нихъ нельзя было полагаться. Замѣчательно, что въ 1862 г., въ числѣ минскаго дворянства, составившаго протоколъ о присоединеніи той губерніи къ Царству Польскому, было нѣсколько русскихъ православныхъ. Съ присворбіемъ долженъ связать, что и въ числѣ мятежныхъ шаекъ попадались туземные русскіе православные, которые совсѣмъ уже ополчились.

Грустное это явленіе доказываетъ сколько правительство должно быть осторожно и какъ обдуманно дѣйствовать при водвореніи русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ край и что необходимо водворять ихъ не отдѣльными, не имѣющими между собою сношеній землевладѣльцами, но, по возможности, группами въ ближайшихъ между собою мѣстностяхъ. Въ противномъ случаѣ мѣры правительственныя къ водворенію русскаго элемента въ край не достигнутъ своей цѣли, какъ это указалъ опытъ—Екатерининскихъ и Александровскихъ водвореній. Вотъ причина почему я въ представленныхъ мною соображеніяхъ преимущественно указывалъ на возможно большее заселеніе края русскими, въ ближайшихъ между собою мѣстностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ небольшими участками земли отъ 500 до 1000 десятинъ, дабы въ тѣхъ мѣстностяхъ могло составиться прочное земство съ русскими началами¹⁾.

¹⁾ Пока не тронута польское начало участкового черезполоснаго землевладѣнія у большинства населенія — мелкихъ собственниковъ крестьянъ, — нечего и думать о водвореніи русскихъ бытовыхъ началъ. Всякій рус-

Съ прекращеніемъ вооруженнаго мятежа въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ въ 1863 году, еще съ большимъ усиленіемъ дѣйствовали слѣдственные комисіи къ раскрытію тайныхъ заговоровъ польской пропаганды, какъ внутри края, такъ и внѣ онаго, въ Россіи.

Въ 1864 г. были обнаружены уже сношенія польскихъ революціонеровъ съ нашими столицами и открыты глубоко обдуманые замыслы къ ниспроверженію власти нашей въ томъ краѣ; но всего этого не было достаточно, чтобъ заставить главныхъ петербургскихъ правительственныхъ дѣятелей убѣдиться въ необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію польской пропаганды и къ обрусенію края. Одинъ Государь и нѣсколько лицъ, упомянутыхъ мною выше, поддерживали принятую мною систему къ утвержденію въ краѣ русской народности. Никакіе доводы, основанные на фактахъ, не были достаточны, чтобы поколебать космополитическія тенденціи Валуева, шефа жандармовъ, кн. Долгорукова, и многихъ иныхъ. Хотя край и смирился по наружности, но бой былъ перенесенъ въ Петербургъ, откуда я съ большимъ трудомъ могъ добиться, чтобы мнѣ выслали нѣсколько лицъ, обличенныхъ въ заговорахъ противъ правительства и составлявшихъ центръ польскихъ кружковъ въ столицѣ. Видимо было, что дальнѣйшее управленіе краемъ становилось невозможнымъ и что надо было поразить враговъ Россіи въ самой столицѣ.

1865 годъ былъ переходный ¹⁾ для ожидаемаго перелома въ управленіи Западнымъ краемъ. Поляки, какъ и всегда, сами помогли правительству нашему. Они радостно обѣсновались, когда я

скій землевладѣлецъ, поселившійся въ средѣ ополяченнаго по быту народа, сдѣлается лишь представителемъ дурной стороны европейской цивилизаціи, которая выразилась у поляковъ въ себялюбивомъ раздѣленіи дробныхъ собственниковъ на враждебныя между собою хозяйственныя единицы. Ergo — и проч.

¹⁾ А. Киркоръ только въ 1867 году осмѣлился ходатайствовать въ Петербургѣ, въ Мин. Вн. Д., объ изданіи польской на русскомъ языкѣ газеты, съ названіемъ „Переходъ“, при чемъ залогъ вносилъ кн. Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ; въ 1869 г., со вступленіемъ Потапова на явленское ген.-губернаторство, Киркоръ безъ перехода, прямо приступилъ къ изданію „Новое Время“.

оставлялъ край, и надѣялись, при поддержкѣ петербургскихъ властей, возбудить правительство противу введенной въ край системы управленія, столь добросовѣстно поддерживаемой преемникомъ моимъ, генераль-адъютантомъ Кауфманомъ. Они надѣлали столько глупостей, выражая въ разныхъ видахъ свои стремленія къ отдѣленію отъ Россіи, что, наконецъ, и самъ Государь убѣдился въ необходимости продолжать введенную систему управленія и распространить оную на Юго-Западный край, куда назначенъ былъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантъ Безакъ.

Система дѣйствій генерала Безака, согласованная съ принятыми уже въ Сѣверо-Западномъ край мѣрами, произвела самые благоприятные результаты ¹⁾. Польскій элементъ сталъ видимо смиряться передъ принятыми правительствомъ рѣшительными мѣрами, въ особенности при введенныхъ вновь мѣроположеніяхъ въ Юго-Западномъ край по устройству быта крестьянъ, соображаясь съ тѣми, которыя были введены во вѣранныхъ мѣ губерніяхъ.

Въ исходѣ 1865 года мин. госуд. имущ., ген.-адъют. Зеленой, нашелъ удобнымъ и возможнымъ возобновить сдѣланное мною еще въ 1864 году представленіе объ обязательной продажѣ сквестрованныхъ имѣній и о водвореніи русскихъ землевладѣльцевъ въ край. Государь, столь рѣшительно, неоднократно, отвергавшій эту мѣру въ 1864 году, не только что согласился на оную, но даже утвердилъ, 10-го декабря 1865 года, рѣшительную, весьма полезную мѣру ²⁾ о воспрещеніи польскимъ землевладѣльцамъ во всемъ Западномъ край продавать свои имѣнія лицамъ польскаго происхожденія.

Государь до такой степени убѣдился въ необходимости водворенія русскаго элемента въ край, что даже 1-го января 1866 года,

¹⁾ Между кievскимъ и вилнскимъ генераль-губернаторами, въ 1865 и 1866 гг., происходилъ непрерывный обмѣнъ мыслей и предположеній къ соглашенію какъ по частнымъ вопросамъ, такъ и еще болѣе—по коренному вопросу водворенія русскаго землевладѣнія.

²⁾ Испорченную въ основаніи тѣмъ, что прибалтійскихъ культуртрегеровъ всемілостивѣйше повелѣно считать равноправными съ нами, лицами русскаго (?) происхожденія.

Примѣчаніа А. В. Рачинскаго.

въ отвѣтъ на поздравленіе Его Величества съ новымъ годомъ, онъ благодарилъ обоихъ генералъ-губернаторовъ, съ изъясненіемъ своей воли и непреклоннаго желанія окончательно обрусить тотъ край.

Такимъ образомъ 1865-й годъ былъ переходный для русскаго дѣла въ Западномъ краѣ, и начинается новая эра болѣе самостоятельныхъ дѣйствій правительства съ цѣлью окончательнаго правственнаго и политическаго слитія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей.

Въ 1864-мъ году, представляя Государю Императору записку по нѣкоторымъ вопросамъ касательно будущаго устройства Сѣверо-Западнаго края, я съ положительностью и настойчивостью выставилъ необходимость убѣдиться въ томъ, что Сѣверо-Западный край не есть польскій; но что онъ ополоченъ вслѣдствіе ошибокъ нашего правительства. Мысль эта до такой степени была противна взглядамъ нашихъ правительственныхъ лицъ, что въ комитетѣ министровъ большая часть членовъ онаго, и самъ председатель, кн. Гагаринъ, старались оставить оную безъ отвѣта и заключенія, и хотя они согласились на предположенія мои объ устройствѣ русскихъ школъ въ краѣ, объ уничтоженіи польскаго языка въ официальныхъ сношеніяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, о замѣщеніи польскихъ чиновниковъ, о прегражденіи польской пропаганды, о недовolenіи строить костеловъ и каплицъ и назначать есендзовъ въ приходы безъ дозволенія главнаго мѣстнаго начальства; но на все это соглашались послѣ большой оппозиціи и преній. Улучшеніе же быта православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ и возведеніе церквей породило значительныя возраженія . . . . . и вопросы эти были рѣшены только державною волею Государя. Что же касается мѣроположеній монхъ о продажѣ секвестрованныхъ имѣній, то этотъ вопросъ рѣшительно былъ отвергнутъ, также какъ и объ измѣненіи римскаго конкордата 1847 года, на что намъ давала полное право произнесенная папою бранная аллокуція противъ Государя и вообще противъ нашего правительства. Послѣдствія еще лучше выказали тенденціи римскаго двора, и папа въ 1866 году собственною властью выслалъ изъ Рима нашего посланника и все посольство; но, къ сожалѣнію, еще теперь (4-го апрѣля 1866 г.) колеблются

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на счетъ измѣненія конкордата ¹⁾.

Что же касается до предположеній моихъ, чтобы и внутри Россіи не занимать полицейскія и почтовые мѣста польскими чиновниками, а въ министерствахъ не допускать ихъ до болѣе значительныхъ должностей, ибо вліяніе ихъ очевидно вредно для правительства, то на это послѣдовала въ комитетѣ министровъ резолюція: „сообщить министрамъ для соображенія“. Эти соображенія, повидимому, продолжаются и донынѣ (4 апрѣля 1866 г.), такъ какъ всѣ болѣе значительныя мѣста, какъ въ Петербургѣ, такъ и внутри Имперіи, заняты поляками.

Независимо отъ сего, я представлялъ и нѣкоторымъ образомъ требовалъ разрѣшенія правительствомъ сдѣланныхъ мною распоряженій по устройству быта крестьянъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ; послѣ весьма продолжительныхъ споровъ и противодѣйствія, наконецъ комитетъ (министровъ) долженъ былъ согласиться со мною и утвердить тѣ мѣроположенія, которыя производили общій крикъ польскихъ владѣльцевъ, желавшихъ удержать полную возможность угнетать крестьянъ, лишивъ ихъ лучшихъ угодій, ибо они вполнѣ чувствовали, что съ совершеннымъ прекращеніемъ вліянія ихъ на крестьянъ, владычество ихъ въ краѣ совершенно прекратится, и сельское населеніе, преданное правительству, всегда будетъ служить оплотомъ противъ стремленій польской пропаганды ²⁾.

---

¹⁾ Въ 1868-омъ году колебанія прекратились; кои (?) позднѣ разрушены: церковныя дѣла римскихъ подданныхъ въ Россіи вручены наблюденію Министра Ви. Д., что ставитъ успѣхъ или неуспѣхъ дальнѣйшихъ, непрерываемыхъ наступаній Рима къ Россіи въ зависимость отъ личнаго взгляда сего савоинна; послѣ общей полемики отъ расторгненія конкордата, виленскіе ксендзы выражали удовольствіе, что догма и канонъ, т. е. внутренняя жизнь римокатоликовъ въ Россіи лучше сохраняется при невѣжествѣ о нихъ новыхъ браздъ-держателей.

²⁾ Съ 1869 года начались ревностныя старанія Виленскаго генералъ-губернатора, А. Л. Поталова, о возстановленіи посредствомъ вліянія на новъ на крестьянъ, введеніемъ сихъ послѣднихъ въ предѣлы легальнаго по отношенію къ первымъ землевладѣнія. Тутъ-то разъединенная, дробная, участковая, чрезполосная собственность является подспорьемъ для стремленій поляковъ и полякующихъ. Примѣчанія А. В. Рачинскаго.

Хотя такимъ образомъ въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года болѣе или менѣе прошли предложенныя мною мѣры, которыя впрочемъ и до того времени были мною болѣею частію приведены уже въ исполненіе, ибо онѣ были неотложно необходимы во время самаго разгара мятежа для укрощенія онаго; но взятое съ правительства какъ бы насильственно соглашеніе оставило во многихъ правительственныхъ лицахъ враждебное настроеніе къ введенной мною системѣ управленія, и потому я не только не получалъ никакой поддержки изъ Петербурга; но, напротивъ того, употребляемы были всѣ мѣры къ возможному противодѣйствію. Такимъ образомъ прошелъ 1864-й годъ, которымъ я однако же воспользовался, чтобы привести въ исполненіе всѣ испрошенныя мною мѣроположенія.

Сочувствіе и готовность русскихъ людей, прибывшихъ въ край, къ утвержденію въ ономъ русской народности и православія было такъ велико, что я въ продолженіе времени менѣе года успѣлъ утвердить въ крайъ тѣ начала и мѣроположенія, которыя выше прописаны.

Къ началу 1865 года во всѣхъ гимназіяхъ учителя были уже русскіе, такъ что преподаванія польскаго языка въ школахъ уже не было; съ содѣйствіемъ духовенства, мировыхъ посредниковъ учебное вѣдомство открыло повсемѣстно народныя школы, которыхъ было уже болѣе 600. Преподавателями въ нихъ были русскіе семинаристы, коихъ прибыло въ край нѣсколько сотъ изъ внутреннихъ губерній по сношеніямъ моимъ съ епархіальными епископами. Во всѣхъ почти городахъ начали строить на суммы, данныя правительствомъ, и особенно на контрибуціонныя деньги, каменные православныя церкви, также и въ деревняхъ; нѣкоторыя даже въ началѣ 1865 года были освящены. Устроены были церковныя совѣты изъ крестьянъ и вообще прихожанъ православныхъ, которые дѣятельно способствовали построенію церквей и деньгами, и работой. Духовенство православное видимо воодушевилось и усердно содѣйствовало. Мною испрошено было оному значительное пособіе по 400,000 рублей въ годъ изъ контрибуціонныхъ суммъ, такъ что всѣ приходскіе сельскіе священники получили равное содержаніе до 280 руб. сер., а городскіе до 700 руб. Чиновники русскіе всѣхъ вѣдомствъ въ 1864 году

получили уже добавочное жалованье въ 50⁰/₁₀₀ изъ контрибуціонныхъ суммъ. Мировымъ посредникамъ также увеличено содержаніе по 500 руб., такъ что всѣ русскіе дѣятели, будучи вполне обеспечены, трудились вѣрою и правдою къ утверженію русскаго дѣла въ краѣ.....

Графъ Мих. Ник. Муравьевъ.

Кончено къ 4-му апрѣлю 1866 года.

С.-Петербургъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХ. НИКОЛ. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКАГО ¹⁾

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Осужденные и наказанные

въ 1863—1866 г.

Въ ряду нѣсколькихъ приложений къ одному изъ трехъ списковъ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи Записокъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго, обращаютъ на себя вниманіе копии съ пяти тетрадей списковъ и прочихъ бумагъ о политическихъ преступникахъ западной Россіи и Царства Польскаго, прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ въ разныя мѣста съ 1863 по 1866 г.

Одна изъ такихъ тетрадей заключаетъ въ себѣ перечень преступниковъ, высланныхъ съ начала возстанія, т. е. съ 20-го марта 1863 г., и останавливается на 25-мъ числѣ сентября 1865 г. Она озаглавлена такъ: «списокъ политическимъ преступникамъ, содержащимся въ с.-петербургской тюрьмѣ пересыльныхъ арестантовъ въ 1863, 1864 и 1865 годахъ». Списокъ этотъ не оконченъ или, лучше сказать, окончаніе его утрачено, что доказывается какъ остальными четырьмя списками, изъ конхъ въ послѣднихъ двухъ перечень преступниковъ продолжается до 1866 г., такъ и тѣмъ еще, что послѣ № 1620, на которомъ останавливается перечень преступниковъ Царства Польскаго въ 1865 г., нѣтъ итога.

¹⁾ См. „Записки гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г. томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304.

Кромѣ раздѣла преступниковъ по годамъ на двѣ категоріи, т. е. на преступниковъ Западной Россіи и Царства Польскаго, списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ еще указанія на время прибытія арестантовъ въ Петербургъ, на время отправления къ мѣсту ссылки и на родъ наказанія. Мѣстами встрѣчаются въ немъ и другія отмѣтки: о смерти арестанта, освобожденіи, передачѣ въ другое мѣсто, возвращеніи на родину и проч.

Остальные четыре списка, озаглавленные подобно первому, не дѣлятъ преступниковъ на приведенныя нами категоріи: здѣсь осужденные въ западныхъ губерніяхъ слѣдуютъ за арестантами Царства Польскаго и наоборотъ. Перечень въ нихъ преступниковъ начинается 1-мъ январемъ 1864 г. и оканчивается 1866 г. Мы полагаемъ, что этотъ перечень вполне законченъ.

Въ этихъ четырехъ спискахъ, и особенно въ двухъ послѣднихъ, за 1865 и 1866 гг., показано время прибытія арестантовъ въ Петербургъ, указано мѣсто или лице, ихъ приславшее, мѣстами приводятся довольно подробные мотивы преступленія, указывается на распоряженіе о высылкѣ, конфирмаціи и рѣшеніе военныхъ судовъ, определенное арестанту наказаніе, соединенное часто съ показаніемъ сроковъ каторжныхъ работъ или арестантскихъ ротъ и время отбытія изъ Петербурга къ мѣсту назначенія. Необходимо замѣтить, что если мѣстами свѣдѣнія о преступникахъ щеголяютъ относительными подробностями, то мѣстами онѣ очень кратки, а противъ нѣкоторыхъ арестантовъ нѣтъ никакихъ указаній. Несмотря однако на сравнительную неполноту свѣдѣній, мы постараемся извлечь изъ списковъ все, что можетъ дополнить Записки графа М. Н. Муравьева.

Виновные въ мятежѣ и безпорядкахъ и закодворѣнные въ политической неблагонадежности высланы изъ мѣста жительства или по распоряженію главныхъ начальниковъ края, или по суду. Такъ мы видимъ противъ нѣкоторыхъ высланныхъ отмѣтки, что они направлены на житье въ разныя мѣста по распоряженію: главнаго начальника сѣверо-западнаго края или командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, помощника его, командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, намѣстника Царства Польскаго и министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ большинствѣ случаевъ, участники мятежа приговаривались къ наказаніямъ по конфирмаціямъ приведенныхъ нами начальствъ, исключая послѣдняго, и по рѣшеніямъ:

Временнаго полевого аудиторіата, Гродненскаго полевого аудиторіата, полевого суда при Виленскомъ ордовансѣ-гаузѣ, военнаго суда при командующемъ войсками въ Могилевской губерніи, при управ-

леніи Минскаго губернскаго воинскаго начальника и при штабѣ вѣкторныхъ полковъ, Динабургскаго полевого военнаго суда, военнаго суда при Кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ, полевого суда при крѣпости Новогеоргиевскѣ, начальниковъ военныхъ отдѣловъ: Радомскаго, Плоцкаго, Ломжинскаго, Августовскаго и Сѣдлецкаго, военныхъ судовъ: Люблинскаго, Калишскаго, Плоцкаго, Ломжинскаго, Варшавскаго и Сѣдлецкаго, Варшавскаго полевого аудиторіата и слѣдственной комисіи при намѣстникѣ Царства ¹⁾.

Прослѣдовавшіе чрезъ Петербургъ арестанты (объ этихъ только мы и будемъ говорить въ настоящемъ сводѣ и выборкѣ изъ копій со списковъ, находящихся при одномъ изъ нашихъ экземпляровъ записокъ гр. М. Н. Муравьева) направлялись: въ каторжныя работы и къ содержанію въ крѣпостяхъ, на поселеніе, житье и подвореніе въ Сибири, на службу въ Амурскіе, Сибирскіе и Орскіе линейные батальоны, въ арестантскія роты и на житье въ разныя губерніи европейской Россіи подъ надзоръ полиціи.

Эти наказанія карали слѣдующія преступленія:

Принятіе непосредственнаго участія въ мятежѣ, бандажъ и политическихъ безпорядкахъ, принадлежность къ мятежнической организаціи, сношеніе съ лицами, принимавшими участіе въ мятежѣ и безпорядкахъ; знаніе объ этомъ и недонесеніе; посѣщеніе шаяекъ и бандъ, знаніе о расположеніи ихъ и недонесеніе, подговоръ въ шайки и банды, вербованіе; снабженіе мятежниковъ оружіемъ и продовольствіемъ, сборъ податей для цѣлей мятежа, снабженіе участниковъ мятежа бѣльемъ и мытье бѣлья для нихъ; пріемъ мятежниковъ и укрывательство ихъ; исполненіе ихъ порученій; вымогательство, при исполненіи обязанности лазутчика, угрозами ареста у мирныхъ жи-

¹⁾ Въ вѣдомости осужденныхъ и наказанныхъ, составленной по повелѣнію самаго гр. М. Н. Муравьева, за все время его управленія:

1) казнено	128	челов.
2) Сослано въ каторжныя работы	972	"
3) На поселеніе въ Сибирь	1,427	"
4) Отдано въ солдаты	345	"
5) Сослано въ арестантскія роты	861	"
6) Выслано во внутреннія губерніи	1,529	"
7) Переселено на казенныя земли внутри имперіи	4,096	"
	9,361	челов.

8) Осталось причастныхъ мятежу прощенныхъ и освобожденныхъ . . . . . 9,229 "

Эта вѣдомость явилась впервые въ печати въ „Новомъ Времени“ 1882 г., ноябрь.

телей денегъ, бродяжничество съ разбойниками, ложныя показанія при слѣдствіи; наименованіе себя другимъ лицомъ; способствованіе пересылкѣ мятежнической корреспонденціи, принятіе и передача багажа и бумагъ повстанцевъ; исполненіе интендантскихъ обязанностей; произнесеніе возмутительныхъ рѣчей; храненіе сочиненій возмутительнаго содержанія; заведеніе тайной типографіи, печатаніе противуправительственныхъ воззваній и подбрасываніе ихъ; самовольную отлучку отъ мѣста служенія съ намѣреніемъ поступить въ банду; политическую неблагонадежность; позволеніе собираться молодымъ людямъ для занятій военнымъ искусствомъ для мятежническихъ цѣлей.

Присужденные къ арестантскимъ ротамъ направлялись въ города: Архангельскъ, Петрозаводскъ, Вятку, Пензу, Оренбургъ, Тамбовъ, Курскъ, Кострому, Владиміръ, Нижній Новгородъ, Казань, Ярославль, Тверь, Рязань, Тулу, Калугу, Воронежъ, Орелъ, Полтаву и Псковъ, въ мѣстныя арестантскія роты; что же касается до ссылаемыхъ на житіе подъ надзоръ полиціи, то этого сорта люди высылались какъ въ сѣверныя, сѣверо- и юго-восточныя, такъ и во внутреннія губерніи. По количеству поднадзорныхъ, Пермская губернія занимаетъ первое мѣсто; туда было направлено до 200 человекъ.

За нею, постепенно уменьшая число сосланныхъ, слѣдуютъ другія губернія въ такомъ порядкѣ: Архангельскъ, Пенза, Оренбургъ, Петрозаводскъ, Уфа, Кострома, Вологда, Самара, Воронежъ, Нижній Новгородъ, Казань, Новгородъ, Тамбовъ, Астрахань, Вятка, Лифляндская губернія, Симбирскъ, Владиміръ, Ярославль, Калуга, Курскъ и Херсонъ. Въ Новгородъ направлено до 30-ти человекъ и преимущественно изъ чиновнаго люда, врачей и офицеровъ; число всѣхъ водворенныхъ въ семь послѣднихъ губерніяхъ, начиная съ Лифляндской и кончая Херсонью, не превышаетъ 15 человекъ.

По одному изъ списковъ видно, что чрезъ Петербургъ прослѣдовало съ 20-го марта 1863 г. по 25-е сентября 1865 г. слѣдующее количество политическихъ арестантовъ:

	Изъ Западнаго края:	Изъ Царства Польскаго:	итого
Въ 1863 году . . .	863 челов.	206	1,069 челов.
» 1864 » . . .	731 »	722	» 1,453 »
» 1865 » . . .	710 »	906	» 1,616 »
Итого. . . .	2,304 челов.	1,834	всего 4,138 челов.

Если къ этому итогу мы прибавимъ тѣхъ арестантовъ, перечень которыхъ продолжается въ двухъ другихъ спискахъ, именно съ 25-го сентября по 1-е декабря 1865 г.—439 человекъ и въ 1866 г.—

1,545 чел., то и опредѣлится все количество прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ арестантовъ въ 6,124 человѣка. При этомъ нужно, однако, оговорить, что не всѣ вошедшіе въ перечень были осужденные за преступленія арестанты: много было и такихъ лицъ, которыя слѣдовали за мужьями, родителями и родственниками или добровольно, или вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ. Укажемъ на слѣдующіе примѣры:

Дворянинъ Вицентій Свняко направленъ на жительство подъ надзоръ полиціи въ Самару; съ нимъ отправились жена его Розалія и дѣти: Владиславъ, Юзефъ, Текла, Адольфъ, Титусъ и Наталія.

Однѣ изъ дворянъ Урбаповичей, высланный на водвореніе въ Самарскую губернію, сопровождался женою Іоганною и дѣтьми: Вицентіемъ 6 лѣтъ, Юзефомъ 3 л. и Марією 5 лѣтъ.

Съ крестьянами Иваномъ и Лаврентіемъ Сергѣйчиками отправились въ Астраханскую губернію и семейства ихъ съ женами и дѣтьми: Августинномъ, Екатериною 18 л., Агафьєю 14 л., Марією 12 л., Еввою 7 л., Вареломеемъ 15 л., Иваномъ 9 л., Эдуардомъ 3 л. и Петруней 8 лѣтъ.

Дворянинъ Казиміръ Яцевичъ отправился въ Оренбургъ съ женою Эммою и дѣтьми Брониславомъ 6 л., Валеріемъ 5 л. и Чеславомъ 1½ года.

Вдова помѣщика Людвигъ Завадская сослана на жительство въ Пензу съ дѣтьми Михаиломъ 11 л., Стефанією 12 л. и Юлією 9 л.

Съ крестьяниномъ Симономъ Люля послѣдовали въ Тобольскую губернію жена его Агата и дѣти: Михайлъ 17 л., Зенохъ, 14 л., Эдуардъ 10 л., Кирилъ 8 л., Петръ 6 л., Лонгинъ 2 л., Петрунелъ 20 л., Вероника 11 л. и Елена 8 лѣтъ.

Помѣщика цезаря Роговскаго сопровождали жена Эрнестина и дочери Софья 4 л. и Ванда 5 лѣтъ.

Очевидно самый возрастъ большинства этихъ дѣтей гарантировалъ ихъ отъ всякой возможности участвовать въ бандяхъ или какихъ либо противуправительственныхъ безпорядкахъ, за которые они могли бы подлежать наказанію. Между тѣмъ 350 подобныхъ лицъ вошли въ перечень прошедшихъ чрезъ пересыльную тюрьму въ Петербургъ и прослѣдовавшихъ затѣмъ въ мѣста отдаленныя или не столь отдаленныя по этапу или другимъ способомъ.

Съ другой стороны, съ 1866 г. начинается обратное движеніе выселенцевъ. Прежде нѣкоторые изъ нихъ заносились въ списокъ какъ слѣдующіе въ разныя арестантскія роты, послѣ же не миновали его какъ возвращающіеся на прежнія мѣста своего жительства. Количество ихъ постоянно увеличивается, фамиліи занимаютъ собою

цѣлыя страницы списка и доходятъ въ одномъ 1865 г. до 430 человекъ. Если къ этой цифрѣ мы прибавимъ 350 женъ и дѣтей осужденныхъ, прослѣдовавшихъ съ мужьями, отцами и родственниками на житье, поселеніе и водвореніе въ Сибирь и разныя губерніи Европейской Россіи; если мы примемъ во вниманіе возвращенныхъ обратно въ Царство и западныя губерніи по другимъ двумъ спискамъ въ періодъ времени съ 25 сент. 1865 г. по 23 октября 1866 г., всего до 600 человекъ, то все количество собственно политическихъ преступниковъ, направленныхъ изъ западныхъ губерній и Царства Польскаго чрезъ Петербургъ не будетъ достигать 5,000 человекъ.

Изъ числа 4,138 ч., прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ съ 20-го марта 1863 г. по 25 сентября 1865 г., направлены:

Изъ западныхъ губерній:

Въ каторжныя работы	342
› крѣпости	4
› Сибирь на поселеніе, житье и водвореніе . .	582
На житье и водвореніе въ разныя губ. Европ. Россіи.	745
Въ арестантскія роты	219
› Амурскіе, Сибирскіе и Оренбургскіе батальоны.	87
Женъ и дѣтей осужденныхъ	158
Умерло, передано, освобождено и проч.	11
Направлено въ западн. губ. и Царство изъ губерній.	123
Направлено въ Москву для дальнѣйшей отсылки .	33
Итого	2,034

Изъ Царства Польскаго:

	всего
Въ каторжныя работы.	164 506
› крѣпости	1 5
› Сибирь на поселеніе и проч.	167 749
На житье и проч. въ губерніяхъ.	162 907
Въ арестант. роты.	823 1,047
› батальоны.	16 103
Женъ и дѣтей осужденныхъ.	56 214
Умерло, передано и проч.	4 15
Направлено въ западн. губ. и Царство.	430 553
Направлено въ Москву	6 39
Итого	1,834 4,138

Цифры эти измѣнятся, если мы прибавимъ изъ двухъ другихъ списковъ всѣхъ прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ съ 25 сентября

1865 по 23 октября 1866 г. въ каторжныя работы, въ Сибирь на поселеніе, въ арестантскія роты, на житье въ разныя губерніи и проч. Онѣ выразятся въ такомъ видѣ:

Въ каторжныя работы и крѣпости	836
» Сибирь на поселеніе, на житье и водвореніе	1,341
На житье и водвореніе въ разн. города	936
Въ арестантскія роты	1,371
» батальоны	103
Женъ и дѣтей осужденныхъ прослѣдовало	350
Умерло, передано и проч.	15
Направлено въ западныя губерніи и Царство	1,128
Направлено въ Москву	43
Всего	6,124

Изъ всего количества политическихъ арестантовъ, прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ съ 20 марта 1863 г. по 25 сентября 1865 г. приходится:

	Изъ западн. губ.	Изъ Царства Польск.	
На интеллигенцію	1,340	189	итого 1,529
» простыхъ сословій	964	1,645	» 2,609
Итого	2,304	1,834	всего 4,138

Если мы прибавимъ къ цифрѣ 4,138 тѣхъ, которые прослѣдовали съ 25 сент. 1865 г. по 23 окт. 1866 г., то цифра всей интеллигенціи будетъ равняться 1,915 чел. Слѣдовательно въ Западныхъ губерніяхъ повстаніе поддерживалось благородными классами, тогда какъ въ Царствѣ послѣдніе составляли меньшинство. Въ западныхъ губерніяхъ участниковъ мятежа изъ простыхъ сословій 964 ч., въ числѣ коихъ были торговцы, мѣщане, шляхта, однодворцы, ремесленники, нижніе воинскіе чины, крестьяне, иностранцы, евреи, равночинцы (колонисты, лакеи и проч.) и люди неизвѣстнаго званія. Послѣдніе, а также иностранцы и крестьяне фигурировали въ Царствѣ Польскомъ.

Въ числѣ 1,915 человекъ благороднаго званія находилось:

Предводителей дворянства	6 чел.
Мировыхъ посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ	17 »
Дворянъ и помѣщиковъ	1,350 »
Чиновниковъ	221 »
Ксендзовъ и проч. духовенства	158 »

Лицъ военнаго сословія	71 чел..
Ученаго и учебн. сословія	42 >
Докторовъ, врачей, медиковъ, лекарей и аптекарей .	50 >
<hr/>	
Всего	1,915 чел.

Въ числѣ предводителей дворянства мы видимъ: минскаго губернскаго—Александра Лаппа, высланнаго изъ Петербурга въ Пермь 13 июня 1863 г. Туда же направлены вслѣдъ за нимъ предводитель дворянства Виленскаго у.—Вячеславъ Тукалло, Брестскаго у.—Александръ Вильчевскій, Трокскаго уѣзда—Людвигъ Еленскій. Предводитель дворянства Пинскаго у., Иванъ Лемешевскій, отправленъ въ Тамбовъ, Казиміръ Пилъсудскій—въ Пензу.

Ксендзовъ и проч. замѣшаннаго въ мятежъ и прослѣдовавшаго чрезъ Петербургъ духовенства—158 человекъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ видно изъ замѣтокъ по спискамъ, принимали самое живое участіе въ бундахъ.

Изъ числа 158 ч. римско-католич. священниковъ къ каторжнымъ работамъ присуждено—22.

На поселеніе и житье въ Сибири 62, и

На житье въ разныхъ города подъ надзоромъ полиціи 74 человекъ.

Въ каторжныя работы приговорены: Фридрихъ Влоцкій, Онуфрій Сырвидъ, Александръ Шелиновскій, Іосифъ Розга, Онуфрій Шредерсъ, Онуфрій Ясевичъ, Викентій Мугаревичъ, Ипполитъ Савицкій, Яковъ Яковичъ, Констант. Песлякъ, Фердинандъ Стульчинскій, Станиславъ Домбровскій, Антонъ Ковецкій, Августинъ Лаппа, Андрей Барташевичъ, Константинъ Верниковскій, Степанъ Рудскій, Зеферинъ Русецкій, Адамъ Мацкевичъ, Юзефъ Червинскій, Ѳедоръ Рогозинскій (монахъ) и Антонъ Вержбицкій. Ксендзъ Казиміръ Гедронцъ, «за поношеніе предъ крестьянами оскорбительными въ высшей степени словами православной церкви и неупотребленіе установленныхъ при богослуженіи въ костелахъ молитвъ о здравіи государя императора», лишенъ священническаго сана и всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири. Онъ высланъ изъ Петербурга 17 марта 1865 г.

Въ списокѣ, противъ ксендзовъ: Лаврентія Яроша, Граціана Мархвицкаго, Северина Ковальскаго, Адама Завадскаго и Игнатія Ракоцинскаго, означено: посланы на водвореніе въ Архангельскую и Вологодскую губернію съ производствомъ каждому по 150 р. ежегоднаго содержанія изъ суммъ Царства Польскаго.

Монахъ ордена Доминикановъ Мартынъ Ольшинскій, по приказанію намѣстника Царства Польскаго, отправленъ, 18 ноября 1865 г., въ Малмыжъ Вятской губерніи, съ учрежденіемъ за нимъ полицейскаго надзора и съ производствомъ ему пожизненной пенсіи по 150 р. въ годъ изъ суммъ Царства. Между разными ксендзами какъ-то замѣшался Адамъ Габеркаптъ, пасторъ Ломжинскаго у., отправленный на житье въ Пензу, 24 февраля 1864 г.

Въ своихъ Запискахъ гр. М. Н. Муравьевъ упоминаетъ объ уничтоженіи околицъ.

Одна изъ такихъ околицъ была заселена Сергейчиками, другая, находившаяся въ Гродненскомъ уѣздѣ и населенная вся шляхтою Щуками, носила названіе Щуки. Всѣ эти Матеуши, Игнатіи, Фаддеи, Станиславы и проч. члены фамиліи Щуки, съ ихъ женами и дѣтьми, въ количествѣ 73 душъ, отправлены въ августѣ 1863 г. въ Сибирь на поселеніе.

Ученое и учебное сословіе замѣшано въ мятежъ, начиная отъ директора гимназіи и до гимназиста. Директоръ Ломжинской гимназіи, Карлъ Витте, и инспекторъ Ковенской гимназіи, Антонъ Кошко, высланы: первый—въ Воронежъ, второй—въ Пермь. Гимназисты: Мозырской гимназіи—Витольдъ Вородичъ, Виленской—Станиславъ Станевичъ, отправлены въ сибирскіе и оренбургскіе линейные батальоны, Юма Яновскій—въ Вологду, ученикъ Сокольскаго училища Антонъ Буря—въ Новгородъ.

Участники мятежа изъ учителей и студентовъ разсланы частію въ Сибирь на поселеніе, частію по разнымъ городамъ.

Между иностранцами обращаютъ на себя вниманіе: Болеславъ Наркевичъ; противъ него въ спискѣ отмѣчено: «французъ». Наркевичъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ и отправленъ въ Сибирь 13 мая 1864 г. Эммануилъ Ясекъ, персидскій подданный, по возвращеніи изъ Архангельска, отосланъ въ распоряженіе Варшавскаго генералъ-полиціймейстера, 1 окт. 1865 г. Станиславъ Польза показалъ себя «дворяниномъ изъ Парижа», отправленъ въ архангельскую арестантскую роту, 9 дек. 1864 г.

Среди помѣщиковъ и дворянъ, сосланныхъ за принятіе участія въ мятежъ, находятся: графъ Станиславъ Замойскій, высланный подъ надзоръ полиціи въ Пермь, баронъ Илья Унгернъ-Штернбергъ—въ Вологду, баронъ Мантейфель—въ Пензу. Дворянка Устина Савицкая, за сношеніе съ мятежниками и за мятеже для нихъ бѣлья, водворена на постоянное жительство въ Тобольской губерніи, безъ лишенія однако правъ состоянія. Туда же направленъ графъ

Станиславъ Солтанъ. Помѣщица Констанція Гажичъ, съ дочерьми Анною и Еленюю, выслана въ Пермь; Константинъ Конаржевскій, дворянинъ и бывшій офицеръ польскихъ войскъ— въ Олонекъ; двое Лопацинскихъ, фамилія которыхъ упоминается въ Запискахъ гр. Муравьева, именно Вячеславъ и Яковъ, отправлены, первый въ Нижній Новгородъ, второй въ Пензу, а Михаилъ Бучинскій— въ Тобольскъ. Князь Фердинандъ Святополкъ-Мирскій пошелъ на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири; баронъ Романъ Роникеръ—въ Томскъ. Другіе, какъ-то: Владиславъ и Иполитъ фонъ-Зигерпъ-Корнъ, графы Михаилъ и Мечеславъ Вильегорскіе, графъ Эдуардъ Чапскій, князь Адольфъ Михальскій и кн. Николай Гедройцъ присуждены къ каторжнымъ работамъ.

Военное сословіе выдѣлило изъ себя для мятежа, между прочими: подполковника Ромуальда Кулаковского, отправленнаго на житье въ Пермь, подполковника Цезарія Орвида—въ Казань, ротмистра гвардіи Станислава Моля—въ Уфу, маіоровъ: Иеронима Воловича— въ Нижній-Новгородъ и Александра Сушинскаго—въ Тобольскъ, полковника Андрея Орду— въ Пензу. Штабъ-ротмистръ гвардіи Ричардъ фонъ-Мантейфель-Зеге отосланъ въ Тобольскъ. Подполковникъ генеральнаго штаба Станиславъ Стан. Олендскій приговоренъ къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ на 15 лѣтъ.

Изъ медицинскаго персонала докторъ Владиславъ Сутлевскій, лекарь Мечеславъ Чашницкій присуждены къ каторжнымъ работамъ; Александръ Воловичъ и Антонъ Мурзаковичъ, содержатели аптекъ, и провизоръ Владиславъ Хромицкій разосланы по разнымъ городамъ.

Между освобожденными по распоряженію петербургскаго военнаго генераль-губернатора мы видимъ: Александра Ниппе, художника, Франциска Біена, сына доктора изъ Австрій, Теофила фонъ-Фалькена, иностранца, и Францишку Радзивановичъ, отданную на попеченіе доктора Радзивановича.

Изъ чиновниковъ-мятежниковъ встрѣчаются: предсѣдатели и совѣтники палаты, мировые посредники, судьи, землемѣры, засѣдателя, судебные слѣдователи, журналисты, экзекуторы, стряпчіе, секретари, становые пристава, столоначальники и писцы. Изъ числа этихъ лицъ противъ предсѣдателя палаты, стат. сов. Александра Хмилевскаго, въ спискѣ отмѣчено: «по подозрѣнію въ бытности въ революціонной организаціи и бытности начальникомъ ковонскаго воеводства». Хмилевскій, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ на житье (6-го мая 1865 г.) въ Томскую губернію. Предсѣдатель палаты, Николай

Кереновскій, высланъ въ Тамбовъ; Осипъ Сошникъ, совѣтникъ казенной палаты, въ Пермь; экспедиторъ почтъ, Александръ Поцель, приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а другой экспедиторъ, Антонъ Садовникъ—на житье въ Оловецкъ; статскій совѣтникъ Николай Терлецкій отправленъ въ Вятку; статскій совѣтникъ Александръ Хмѣлевскій въ Уфу—13-го іюня 1863 г.; Викентій Войцеховичъ, Антоній Однинецъ, Ома Шукевичъ, Іосифъ Киска,—все судьи; Викентій Расцишевскій—президентъ гор. Сувалокъ, вдова стат. совѣт. Жозефина Олендская, вдова полковника Пелагея Малиновская, акцизный надзиратель Александръ Высоцкій, чиновникъ особыхъ порученій при варшавскомъ гражданскомъ губернаторѣ, Оскаръ Флять, разосланы по разнымъ городамъ; частію отдаленнымъ, какъ Вятка, Пермь, Оренбургъ, Уфа, Оловецкъ, Воронежъ; частію, какъ Флять и Шукевичъ, въ Новгородъ. Становой приставъ Александръ Гарковичъ сосланъ на житье въ Тобольскую губернію. Мировой посредникъ Сервійрій Святополкъ-Мирскій направленъ въ Оренбургъ; другой мировой посредникъ, Иванъ Каменскій, сосланъ въ каторжную работу 14-го апрѣля 1865 г. Секретарь минскаго дворянскаго депутатскаго собранія, Михаилъ Гаусманъ, высланъ на жительство въ гор. Тотму, Вологодской губерніи, 24-го марта 1866 г.

Въ числѣ отправленныхъ въ крѣпости находятся: Михаилъ Веѣде, дворянинъ Витебской губерніи, въ Петропавловскую; Левъ Сынекъ, дворянинъ австрійской имперіи—въ Шлиссельбургскую; Іосифъ Вирандтъ, дворянинъ—въ Свеаборгскую, мѣщанинъ Юзефъ Каупе—въ Замостье.

Изъ русскихъ въ спискахъ значатся: поручикъ О., высланный по требованію въ слѣдственную тюрьму гор. Варшавы, 28-го февраля 1865 г.; Михаилъ Марковъ, волостной старшина, прослѣдовавшій въ 1865 г. во Владимірскія арестантскія роты; Николай Войтковъ, крестьянинъ, направленный въ крѣпость Свеаборгъ; Константинъ Никитинъ, воспитанникъ Сокольскаго училища, высланный на жительство подъ надзоръ полиціи въ Вятку, 3-го сентября 1863 г.; Илья Жуковъ, штабсъ-капитанъ, сосланный въ каторжныя работы, 1-го апрѣля 1864 г.; Яковъ Дмитріевъ, рядовой стрѣлковаго баталіона,—въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ, и Логинъ Оедоровъ Пантелѣевъ, чиновникъ 12-го класса и дворянинъ Вятской губерніи, приговоренный въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ. Онъ отправленъ 5-го февраля 1866 г.

II ¹⁾.

Политическіе ссыльные западныхъ губерній и Царства Польскаго направлялись въ Петербургъ или съ этапами въ губернское правленіе, или съ жандармами въ распоряженіе петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Здѣсь они размѣщались преимущественно въ пересыльной тюрьмѣ, а частью въ исправительномъ заведеніи (нынѣ больница св. Николая Чудотворца) и даже по нѣкоторымъ полицейскимъ частямъ, за неимѣніемъ въ тюрьмѣ свободныхъ мѣстъ. Въ послѣдней они занимали верхній этажъ, въ одной изъ комнатъ котораго была устроена временная каюта. Время это для нижнихъ тюремныхъ служителей было очень выгодно, потому что среди ссыльныхъ находились богатые люди, щедро расплачивавшіеся за разныя услуги. Простой классъ Царства Польскаго и особенно высланные оттуда въ большомъ количествѣ люди, отиѣченные въ спискахъ принадлежащими къ неизвѣстному званію, носили въ тюрьмѣ кличку рокамболей. Рокамболи прислались сюда скованными такимъ способомъ, что одна пара ножныхъ кандаловъ служила двоимъ, т. е. правая нога одного арестанта сковывалась съ лѣвою другого, что, вѣроятно, дѣлалось по случаю огромнаго движенія арестантовъ и недостатка кандаловъ. Въ Петербургѣ, при отправленіи ихъ въ дальнѣйшее слѣдованіе, этотъ сортъ арестантовъ заковывался по здѣшнему, т. е. каждый въ отдѣльные ножные кандалы. Больные ссыльные и принадлежавшіе къ таковымъ пользовались въ больницѣ исправительнаго заведенія.

Генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ принималъ самое живое, сердечное участіе въ положеніи осужденныхъ и ссылаемыхъ.

Нерасположеніе князя Суворова къ графу М. Н. Муравьеву было до того велико, что выходило даже иногда за предѣлы той сдержанности, которою долженъ бы былъ отличаться генералъ-губернаторъ столицы.

Вотъ одно изъ доказательствъ сего: случай, записанный въ свое время со словъ рассказчика ²⁾ и надлежаще повѣренный.

Михаилъ Алексѣевичъ Евреиновъ, бывшій исправникомъ въ гор. Гдовѣ, предъ началомъ повстанія въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, перепросился туда на службу, пробылъ тамъ не долго и въ концѣ

¹⁾ Здѣсь помѣщаемъ сообщенныя намъ замѣтки одного изъ чиновниковъ, служившихъ въ то время при тюрьмахъ города С.-Петербурга.

²⁾ Рассказчикомъ былъ Михаилъ Алексѣевичъ Евреиновъ; рассказъ его былъ въ свое время подтвержденъ П. Я. Ш.

1864 г., вопреки своему желанію, возвратился въ Петербургъ съ дѣлію принскать себѣ мѣсто. Въ декабрѣ 1864 г. Евреиновъ находился въ числѣ просителей въ приемной комнатѣ у князя Суворова, и обратился къ нему съ просьбой о мѣстѣ въ губернскомъ управленіи.

— «А гдѣ вы служили равьше?» спросилъ князь.

— При М. Н. Муравьевѣ, былъ отвѣтъ.

— «Служившій съ Муравьевымъ—отвѣчалъ князь громкогласно при просителяхъ и служебномъ синклитѣ,—не можетъ служить у меня. Я не могу сочувствовать Муравьеву, и если мы оба умремъ и на томъ свѣтѣ сдѣлають распоряженіе о помѣщеніи насъ обоихъ въ одно мѣсто—рай или адъ, то я почти своимъ долгомъ просить о помѣщеніи меня туда, гдѣ Муравьева не будетъ, хотя бы и въ адъ, лишь бы не быть съ нимъ вмѣстѣ».

На послѣднія слова князя Суворова, Евреиновъ отвѣтилъ, что онъ не самъ пошелъ служить къ Муравьеву, а его послало министерство внутреннихъ дѣлъ, (хотя первое было не вѣрно), и что онъ, Евреиновъ, потому и оставилъ службу въ Западномъ краѣ, что не могъ сочувствовать дѣйствіямъ генераль-губернатора.

— «Ну это другого рода дѣло; дать ему мѣсто», закончилъ князь.

При содѣйствіи Ив. Як. Четыркина, бывшего тогда правителемъ канцеляріи и знавшаго Евреинова, послѣдній былъ опредѣленъ помощникомъ исправника въ г. Лугу, 5-го января 1865 г.

Выше упомянуто о политическомъ преступникѣ Пантелѣевѣ. Въ одномъ съ нимъ этапѣ прибылъ изъ Вильны, 4-го января 1866 г., Михаилъ Ад. Коссовскій; долженъ былъ прибыть и Иосафатъ Огрызко, но вотъ что случилось: предъ отправленіемъ изъ Вильны, завѣдывавшему пересылкою арестантовъ между Вильною и Петербургомъ и обратно, конвойному офицеру Егору Ивановичу Ногаеву, былъ данъ приказъ, исходившій отъ князя Суворова: телеграфировать ему изъ Пскова о прибытіи этапа съ Огрызко на Псковскую станцію въ такихъ выраженіяхъ: «прибылъ во Псковъ съ такимъ-то числомъ арестантовъ и еще однимъ». Это слово однимъ должно было относиться къ Огрызко, и сдѣлано было это для того, чтобъ не называть преступника по фамиліи. По прибытіи партіи изъ Вильны во Псковъ на станцію, Ногаевъ исполнилъ приказаніе, но вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно по распоряженію виленаго начальства, явились и нарочно присланные въ догонку этапа жандармы, отобрали Огрызко и повезли его на почтовыхъ, минуя Петербургъ, по тракту на Нов-

городъ и Чудово, откуда прослѣдовали далѣе по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Этимъ эпизодомъ заканчивается обзоръ вышеупомянутыхъ списковъ осужденныхъ гр. М. Н. Муравьевымъ лицъ и прослѣдовавшихъ въ ссылку чрезъ Петербургъ.

III.

Списокъ ксендзовъ и прочихъ лицъ духовнаго званія, присужденныхъ за участіе въ смутахъ 1863 — 1866 гг. въ Западныхъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ къ каторжнымъ работамъ, на житье и поселеніе въ Сибири и на жительство подъ надзоръ полиціи въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи и прослѣдовавшихъ къ мѣстамъ назначенія чрезъ Петербургъ ¹⁾.

1. Фридрихъ Влодкій—кат.	Людвигъ Цогоскій—жит.
Иванъ Корженевскій—пос.	Игнатій Мацевичъ—жит.
Францъ Сидоровичъ—жит.	Антоній Піотровичъ—жит.
Игнатій Жаба—жит.	Фердинандъ Стульчинскій—кат.
Тадеушъ Годлевскій—жит.	30. Николай Морозъ—жит.
Станиславъ Митрисъ—пос.	Касперъ Сикорскій—жит.
Михаилъ Грековичъ—жит.	Леонъ Качинскій—жит.
Опифрій Сырвидъ—кат.	Станиславъ Домбровский—кат.
Янъ Бальцевичъ—жит.	Викторъ Малевичъ—жит.
10. Александръ Шепиновскій—кат.	Францискъ Абрампольскій—жит.
Іосифъ Розга—кат.	Станиславъ Весланскій—жит.
Антонъ Юзумовичъ—жит.	Леонъ Колаковскій—жит.
Онуфрій Шредерсъ—кат.	Леонъ Вашкевичъ—жит.
Онуфрій Ясевичъ—кат.	Людіанъ Гембицкій—жит.
Клементій Кайро—жит.	40. Іосифъ Вольскій—жит.
Доминикъ Тржецякъ—жит.	Адамъ Габеркантъ—жит.
Матвій Вейтъ—жит.	Якубовичъ—жит.
Викентій Мугаревичъ—кат.	Янъ Яковевичъ—жит.
Ипполитъ Савидскій—кат.	Владиславъ Жеголовскій—жит.
20. Яковъ Яковичъ—кат.	Степанъ Олехновичъ—жит.
Томашъ Сеньковскій—жит.	Валентинъ Яблоновскій—жит.
Викентій Волловичъ—жит.	Яковъ Кучикъ—жит.
Петръ Мачинскій—жит.	Станиславъ Владковскій—жит.
Адріанъ Новницкій—жит.	Фелксъ Лисидскій—жит.
Георгій Новницкій—жит.	50. Николай Касперовичъ—жит.

¹⁾ Въ каторжную работу—22 чел., на поселеніе и на житье въ Сибири—62 чел., на жительство подъ надзоръ полиціи—74 чел.

- Антонъ Ковалевскій—кат.
 Августинъ Лапа—кат.
 Діонисій Сташкевичъ—пос.
 Андрей Крижановскій—пос.
 Иванъ Войткевичъ—жит.
 Фелицианъ Горбачевскій—жит.
 Андрей Барташевичъ—кат.
 Иванъ Витковский—пос.
 Александръ Сидоровичъ—жит.
60. Александръ Моношко—пос.
 Виндеславъ Вишневицкій—жит.
 Кирианъ Бѣлковичъ—жит.
 Константинъ Верниковский—кат.
 Викторъ Байковский—жит.
 Казиміръ Гедройць—пос.
 Михаилъ Свендескій—пос.
 Антонъ Мацкевичъ—пос.
 Болеславъ Александровичъ—пос.
 Михаилъ Скорубскій—пос.
70. Степанъ Рудскій—кат.
 Альбрехтъ Греголоневичъ—пос.
 Гиларій Бичулевичъ—пос.
 Лаврентій Вляницкій—жит.
 Мельхіоръ Поспиковскій—жит.
 Юліанъ Кельпшъ—пос.
 Іосифъ Овсяный—пос.
 Зеферинъ Русецкій—кат.
 Адамъ Мацкевичъ—кат.
 Томашъ Ленчевскій—пос.
80. Феликсъ Крымскій—пос.
 Адамъ Шеметилло—пос.
 Александръ Гринвицкій—пос.
 Викентій Улинскій—пос.
 Иванъ Виткевичъ—пос.
 Габріэль Волошинскій—пос.
 Явъ Галентинновичъ—пос.
 Людвигъ Лебедзинскій—пос.
 Амвросій Коссаржевскій—пос.
 Иванъ Разводовскій—пос.
90. Августинъ Богущъ—пос.
 Викентій Мосій—пос.
 Карлъ Рукойжа—пос.
 Иванъ Плевака—пос.
 Михаилъ Олехновичъ—пос.
 Іосифъ Давыдовичъ—пос.
 Доминикъ Малчевскій—пос.
 Леонъ Годлевскій—пос.
 Іоганъ Вершилло—пос.
- Адамъ Колендо—пос.
100. Амвросій Шульць—пос.
 Игнатій Сташкевичъ—пос.
 Урбанъ Таргонскій—пос.
 Доминикъ Жукъ—пос.
 Георгій Бокевичъ—пос.
 Казиміръ Хорошанскій—пос.
 Эдуардъ Котовичъ—пос.
 Антонъ Вержбицкій—кат.
 Симонъ Яниковичъ—пос.
 Андрей Петровичъ—пос.
110. Павелъ Лукашевичъ—пос.
 Константинъ Стефановичъ—пос.
 Леопольдъ Урбановичъ—пос.
 Иванъ Вржестовичъ—жит.
 Михаилъ Грековичъ—жит.
 Іосифъ Кожуховскій—пос.
 Константинъ Песлякъ—кат.
 Александръ Милевскій—жит.
 Казиміръ Мачульскій—жит.
 Габріэль Лазаревичъ—жит.
120. Казиміръ Парафинскій—жит.
 Адамъ Девельскій—жит.
 Станиславъ Фіалковскій—жит.
 Валентинъ Касперскій—жит.
 Гавріэль Оржешковскій—жит.
 Эмашъ Оснискій—жит.
 Францискъ Храпкевичъ—жит.
 Бернардь Танскій—жит.
 Гривгорій Гутковскій—жит.
 Эдуардъ Гаевскій—жит.
130. Іосифъ Жукъ—жит.
 Владиславъ Шабронскій—жит.
 Юліанъ Нагородскій—жит.
 Израилъ Слатвинскій—жит.
 Цурианъ Слатвинскій—жит.
 Игнатій Барлинскій—пос.
 Эдмундъ Рогозинскій—кат.
 Юзефъ Червинскій—кат.
 Игнатій Ракоцинскій—жит.
 Адамъ Завадскій—жит.
140. Северинъ Ковальскій—жит.
 Граціанъ Мархвицкій—жит.
 Лаврентій Ярошъ—жит.
 Игнатій Красусскій—пос.
 Теофілъ Домбровскій—пос.
 Юзефъ Залевскій—пос.
 Мартынь Ольгинскій—жит.

Янъ Крживидкій—жит.	Викентій Юркевичъ—пос.
Антонъ Олай—пос.	Рафанъ Томашевскій—пос.
Анастасій Ягодовскій—пос.	Бонифацій Писанко—пос.
150. Валентій Навроцкій—жит.	Юзефъ Щепанскій—пос.
Викентій Серемента—пос.	Тома Смачинскій—жит.
Янъ Русецкій—пос.	158. Петръ Лукомскій—пос.

Примѣчаніе. Сокращенное кат. означаетъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, пос.—на поселеніе и на житье въ Сибиря, жит.—на жительство въ Европейской Россіи.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМВЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА ¹⁾.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

IV.

Переписка Мих. Ник. Муравьева о поселеніи лицъ, высылаемыхъ
изъ Западной Россіи.

1.

3-го декабря 1863 года.

„Въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ 1863 г. в. прев—ство ²⁾ изволили сообщить мнѣ списокъ губерній, въ которыя могли быть высылаемы мною на жительство, подъ надзоръ полиціи, неблагонадежные въ политическомъ отношеніи жители здѣшняго края, а равно и свѣдѣніе о цифрѣ, которою, по составленнымъ во вѣренномъ вамъ министерствѣ соображеніямъ, ограничено было число высылаемыхъ.

Въ настоящее время, изъ числа назначенныхъ для жительства неблагонадежныхъ лицъ внутреннихъ губерній,—Архангельская, Новгородская, Олонецкая, Пермская и Тамбовская уже окончательно наполнены уроженцами здѣшняго края; губерніи: Казанская, Костромская и Оренбургская, за сдѣланными высылками, будутъ вскорѣ также наполнены и засимъ остаются еще свободныя мѣста: въ Воронежской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ; но въ пер-

¹⁾ См. „Записки графа М. Н. Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 397—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630.

²⁾ Письмо къ бывшему въ 1863 г. министру внутреннихъ дѣлъ.

выхъ трехъ губерніяхъ имѣется также не много свободныхъ мѣстъ, а послѣднія три я не нахожу удобнымъ наполнять вреднымъ населеніемъ здѣшняго края, такъ какъ изъ нихъ въ Саратовской губерніи проживаетъ много католиковъ и существуетъ католическая епархія, а Лифляндская и Эстляндская губерніи, по смежности съ западными губерніями, дали бы возможность высылаемымъ въ оныя лицамъ сноситься съ жителями здѣшняго края, во вреду правительства.

Вслѣдствіе сего, озабочиваясь, что бы мѣра высылки вредныхъ для вѣреннаго мнѣ края лицъ на жительство во внутреннія губерніи имперіи не приостановилась въ то время, когда въ ней чувствуется настоятельная надобность, я считаю необходимымъ сообщить о вышеизложенномъ в. п—ству и поворѣйше просить васъ, м. г., указать, въ какія именно губерніи можно высылать неблагонадежныхъ лицъ здѣшняго края на жительство подъ надзоръ полиціи.

Вмѣстѣ съ этимъ я долгомъ считаю высказать мое убѣжденіе, что при слабомъ устройствѣ полицейской части внутри имперіи, размѣщеніе въ уѣздныхъ городахъ дворянъ и помѣщиковъ польскаго происхожденія можетъ оказаться для Россіи вредныя послѣдствія, такъ какъ всѣ эти лица, уѣзжая отсюда, послѣ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ мятежѣ, съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ правительству и оставаясь на новыхъ мѣстахъ жительства безъ строгаго надзора, будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, распространять тамъ свои вредныя замыслы.

Я думаю, что было бы гораздо полезнѣе, если бы высылаемые на жительство внутри имперіи польскіе выходцы, вмѣсто размѣщенія по многимъ мелкимъ городамъ имперіи, были сосредоточены въ двухъ или трехъ наиболѣе отдаленныхъ пунктахъ имперіи, для чего могли бы съ удобствомъ служить Печерскій край Вологодской губерніи, сѣверныя части Архангельской и Тобольской губерній, Туруханскій край и даже можно бы многихъ высылать въ Якутскую область. Въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ они не могли бы быть вредными и образовали бы колоніи, которыя, современемъ, утратили бы свое польское, враждебное для правительства нашего, настроеніе.

Конечно, противъ этой мѣры многіе будутъ возставать, но по моему мнѣнію, прежде всего надо имѣть въ виду пользу Россіи

и ограждение ея отъ тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя неминуемы отъ размѣщенія польскихъ выходцевъ по разнымъ губерніямъ. Мы уже имѣемъ опытъ въ той заразѣ польской революціонной пропаганды, которая произошла въ приволжскихъ губерніяхъ. Неужели этого указанія опыта для насъ не будетъ достаточно? Подавляя мятежъ въ западномъ краѣ, мы не должны жертвовать для того будущимъ спокойствіемъ внутреннихъ нашихъ областей. Отъѣзжающіе отсюда поляки радуются случаю, который мы имъ даемъ распространять свои замысли внутри Россіи; они этого не скрываютъ здѣсь и, конечно, во многихъ случаяхъ будутъ имѣть успѣхъ. Моя обязанность предостеречь правительство; я объ этомъ уже прежде писалъ и теперь еще разъ повторяю и увѣренъ, что в. п.—ство приметъ на себя трудъ довести все мною здѣсь высказанное до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія и не оставите, по усмотрѣнію вашему, принять мѣры противъ польской пропаганды въ Россіи. Ни Франція, ни Англія не размѣщаютъ политическихъ преступниковъ во внутреннихъ своихъ провинціяхъ, но отсылаютъ ихъ и вообще людей, опасныхъ для спокойствія государства, въ отдаленныя колоніи. Неужели мы тоже не можемъ прибѣгнуть къ подобнымъ мѣрамъ и за немѣніемъ заморскихъ колоній, высылать польскихъ агитаторовъ въ болѣе отдаленныя и безопасныя мѣста для общественаго спокойствія.

Я полагаю, что тѣ мѣры, которыя изложены въ сообщенныхъ мнѣ вами распоряженіяхъ, вслѣдствіе состоявшагося 23 іюля сего 1863-го года положенія Западнаго Комитета по подобному же возбужденному отъ меня вопросу, далеко не приведутъ къ желанной цѣли и не оградятъ нашихъ внутреннихъ областей отъ преступныхъ замысловъ высылаемыхъ отсюда неблагонадежныхъ лицъ польскаго происхожденія.

Примите, в. п., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности Михаилъ Муравьевъ“.

2.

11-го декабря 1863 года.

„Въ дополненіе къ письму моему отъ 3-го сего декабря нужнымъ считаю, для большаго разъясненія предположенія моего о размѣщеніи высылаемыхъ изъ западнаго края лицъ, изблечен-

ныхъ въ политической неблагонадежности, сообщить в. п—ству слѣдующія соображенія:

Изъ имѣющихся свѣдѣній оказывается:

1) До настоящаго времени, изъ вѣреннаго мнѣ края, сослано на житье въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ до 174-хъ политическихъ преступниковъ привилегированнаго сословія. Всѣ они, на основаніи постановленныхъ конфирмацій, размѣщаются преимущественно въ Тобольской и Томской губерніяхъ, по назначенію Тобольскаго приказа о ссыльныхъ; но какъ политическіе преступники, по мнѣнію моему, не должны быть водворяемы въ городахъ и вообще среди мѣстнаго населенія, ибо они несомнѣнно будутъ стараться распространять вездѣ свои зловредные замыслы, то я полагаю бы необходимымъ нынѣ же сосредоточить ихъ въ Туруханскомъ краѣ, или въ сѣверной части Тобольской губерніи, отдаливъ ихъ такимъ образомъ отъ прочаго населенія губерній и лишивъ ихъ права выѣзда изъ назначенной для ихъ жительства мѣстности.

Мнѣ кажется, что въ исполненіи сей мѣры не могло бы встрѣтиться особыхъ затрудненій въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ правительство, прибѣгая къ ссылке сихъ преступниковъ на житье въ Сибирскія губерніи, съ распределеніемъ ихъ въ различныхъ пунктахъ, истрачиваетъ значительную сумму, какъ на пересылку ихъ въ Сибирь, такъ и на водвореніе въ назначенныхъ для сего мѣстахъ. Расходы же, которые превысили бы эту сумму, при сосредоточеніи всѣхъ сихъ людей въ одной или двухъ мѣстностяхъ, легко могутъ быть попожены изъ секвестрованныхъ и конфискованныхъ имѣній.

2) Кромѣ указанныхъ преступниковъ, сослано изъ здѣшняго края въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія до 50 лицъ, также принадлежащихъ къ привилегированному сословію, но болѣе опасныхъ по вреду, который они причинили здѣсь и могутъ причинять вездѣ, при особенной закоренѣлости своей въ преступныхъ убѣжденіяхъ. Всѣхъ этихъ лицъ я полагаю бы полезнымъ сосредоточить, на изложенныхъ выше условіяхъ, въ сѣверной части Якутской области, водворивъ въ назначенномъ пунктѣ какъ тѣхъ, которые сосланы на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири, такъ и тѣхъ, которые предиа-

значены къ высылкѣ въ менѣе отдаленныя мѣста, т. е. Томскую и Тобольскую губерніи.

Наконецъ 3) до настоящаго числа выслано на жительство въ великороссійскихъ губерніяхъ, подъ надзоромъ полиціи, до 600 уроженцевъ здѣшняго края. Въ письмѣ отъ 3-го декабря я уже высказалъ в. п—ству, до какой степени можетъ быть вредно по послѣдствіямъ, при слабомъ устройствѣ у насъ полицейской части, размѣщеніе всѣхъ упомянутыхъ людей въ различныхъ пунктахъ нашихъ внутреннихъ областей. Этотъ вредъ будетъ тѣмъ значительнѣе и опаснѣе, что въ числѣ сказанныхъ лицъ, болѣе 450 человекъ суть здѣшніе арендаторы, управляющіе имѣніями, экономы, чиновники, мелкіе владѣльцы, всендзы и тому подобный сбродъ. Они и здѣсь составляли классъ людей, самыхъ вредныхъ и наиболѣе враждебныхъ правительству, и нѣтъ сомнѣнія, что они также будутъ вредны и опасны для общественнаго спокойствія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы ни поселились. Поэтому слѣдовало бы подобныхъ людей отправить нынѣ же на жительство въ какой либо отдаленный край, гдѣ бы они не могли имѣть сообщенія съ остальными губерніями имперіи, какъ напримѣръ: въ сѣверо-восточную часть Вологодской и Архангельской губерній, т. е. Печерскій край, а также въ Чердынскій и Верхотурскій уѣзды Пермской губерніи. Въ этихъ отдаленныхъ пунктахъ они будутъ менѣе вредны и легко могутъ быть подчинены правильному полицейскому надзору, тогда какъ, при нынѣшнемъ положеніи, бывъ разбросаны по самымъ населеннымъ областямъ имперіи, они избѣгнуть должнаго надзора и, по свойственной имъ искательности, будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, заражать революціонными мыслями мѣстное населеніе.

Остальные изъ высланныхъ на жительство до 150 человекъ, какъ принадлежащіе къ высшему сословію и менѣе общительные съ среднимъ классомъ и потому представляющіе болѣе средствъ для бдительнаго надзора за ними, могли бы быть сосредоточены въ нѣкоторыхъ городахъ Оренбургской и Пермской губерній. Впрочемъ не мѣшало бы, можетъ быть, часть и ихъ отправить въ отдаленныя уѣзды Олонецкой и Вятской губерній, въ которыхъ удобнѣе имѣть за ними ближайшій надзоръ.

Вмѣстѣ съ симъ имѣя въ виду, что важнѣйшіе революціонные дѣятели здѣшняго края сосланы, по суду, въ каторжную работу

на разные сроки, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, до 208 человекъ, изъ коихъ 165 — принадлежать къ сословію дворянъ, помѣщиковъ, всендзовъ и отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ, а полагалъ бы необходимымъ обратить на нихъ вниманіе генералъ-губернатора Восточной Сибири, съ тѣмъ, чтобы, по его усмотрѣнію, были приняты мѣры къ самому строгому и бдительному надзору за ними. По выбытіи этими преступниками сроковъ въ каторжныхъ работахъ, можно бы ихъ, подобно ссыльно-поселенцамъ, сосредоточить также въ сѣверной части Якутской области, принявъ правиломъ не возвращать, какъ этихъ преступниковъ, такъ и другихъ, сосланныхъ, по лишеніи особыхъ правъ состоянія, на житье въ Сибирскія, или отдаленныя внутреннія губерніи, — обратно въ край, такъ какъ неоднократно примѣры убѣждаютъ, что эти лица, находясь продолжительное время подъ заслуженною карою закона, нисколько не исправляются, и, возвращаясь въ край съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ къ правительству, становятся въ главѣ революціонныхъ беспорядковъ. На семъ же основаніи считаю необходимымъ и высланныхъ на жительство подъ надзоромъ полиціи лицъ, не смотря на ихъ просьбы и частыя за нихъ ходатайства вліятельныхъ особъ, не возвращать въ западныя губерніи, доволѣ край этотъ не получить окончательнаго и правильнаго устройства, съ возможнымъ уничтоженіемъ въ ономъ всякаго вліянія польскаго элемента и прекращеніемъ опасенія на возобновленіе, подобныхъ нынѣшнимъ, революціонныхъ смутъ.

Повторяю, что многіе будутъ возставать противъ предлагаемыхъ мною мѣръ и представлять затрудненія въ приведеніи ихъ въ исполненіе. Но должны ли насъ останавливать затрудненія, когда идетъ вопросъ о спокойствіи нашихъ внутреннихъ областей; когда намъ, прежде всего, необходимо обезопасить Россію внутри и оградить ее отъ наплыва революціонныхъ идей, распространяемыхъ польскими агитаторами? Еще разъ скажу, что для сей дѣли мы обязаны отстранить всѣ препятствія, какъ бы они ни казались съ перваго взгляда затруднительными; ибо только посредствомъ удаленія польскихъ уроженцевъ изъ населенныхъ мѣстъ имперіи, мы будемъ въ состояніи достигнуть внутренняго общественнаго спокойствія и удалимъ отъ себя заразу повсемѣстнаго развитія польской пропаганды.

И сожалѣю, что долженъ былъ прибѣгать къ высылкѣ отсюда

вредныхъ политическихъ дѣятелей и не могу оставить эту мѣру еще нѣкоторое время; но послѣднія десять лѣтъ ослабленія правительственныхъ учреждений въ здѣшнемъ край привели его въ такое положеніе, что противуправительственные замыслы проникли въ массу населенія привилегированнаго сословія, а также ксендзовъ и шляхты, а это въ свою очередь дало возможность вожакамъ революціи поднять знамя бунта. Мнѣ нужно было съ начала пріѣзда въ край употребить быстрыя и энергическія мѣры къ подавленію мятежа, и нѣтъ сомнѣнія, что этому много пособило удаленіе изъ края неблагонадежныхъ лицъ; ибо одни изъ нихъ были тайными членами здѣшней революціонной организаціи, изъ коихъ многіе, занимая высшія и въ прочихъ степеняхъ служебныя должности, прикрывали свои коварныя дѣйствія маскою мнимой преданности правительству; всѣ же остальные сочувствовали и содѣйствовали мятежу всѣми зависѣвшими отъ нихъ моральными и матеріальными средствами. Со временемъ, съ окончательнымъ умиротвореніемъ края и съ уничтоженіемъ въ немъ скрытой революціонной организаціи, число высылаемыхъ неблагонадежныхъ лицъ уменьшится и тогда въ отношеніи сихъ лицъ и вообще для прочнаго устройства края нужно будетъ предпринять другія мѣры, о которыхъ я не замедлю, въ свое время, сообщить.

Я высказываю в. п—ству свое мнѣніе съ полною откровенностію и надѣюсь, что если мое мнѣніе и не будетъ согласно съ вашимъ, вы не оставите всеподданнѣйше довести объ ономъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности Михаилъ Муравьевъ“.

3.

Министръ внутреннихъ дѣлъ г. главному начальнику Северо-Западнаго края.

17-го декабря 1863 года.

„Предположенія в. высокопр—ства, изложенныя въ отношеніи отъ 3-го числа сего мѣсяца, всеподданнѣйше доложены мною Государю Императору 13-го числа, но уже были извѣстны Его Величеству до моего доклада. Содержаніе позднѣйшаго отношенія вашего отъ 11-го декабря будетъ представлено на Высочай-

шее благоусмотрѣніе при первомъ за симъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, а именно въ пятницу, 20-го числа. Между тѣмъ, въ отношеніи къ сущности вашихъ предположеній, а равно и къ способу приведенія ихъ въ исполненіе, я вступилъ въ сношеніе съ гг. шефомъ жандармовъ и министромъ государственныхъ имуществъ.

Предусматриваемое в. высокопр—ствомъ различіе нашихъ взглядовъ на вопросъ о поселеніи въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ уроженцевъ Западнаго края, нынѣ изъ него удаленныхъ или удаляемыхъ, дѣйствительно существуетъ; но это различіе относится не столько къ сущности предполагаемой вами общей мѣры, сколько къ порядку приведенія оной въ исполненіе и въ большому или меньшему развитію ея примѣненія. Покорнѣйше прошу позволить и мнѣ изложить, въ общихъ чертахъ, мое мнѣніе по этому предмету.

Мнѣ кажется, что не предстоить сомнѣнія въ томъ, что водвореніе въ разныхъ мѣстностяхъ Восточной полосы Европейской Россіи, и даже въ среднихъ губерніяхъ, лицъ, удаляемыхъ изъ Царства Польскаго и Западныхъ губерній, за участіе въ мятежѣ или вообще за политическую неблагонадежность, сопряжено съ тѣмъ болышими неудобствами и приноситъ или можетъ принести тѣмъ болышій вредъ, чѣмъ значительнѣе число водворяемыхъ, временно или постоянно, такимъ образомъ лицъ.

Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что предварительныя вычисленія, послужившія основаніемъ изданнымъ по сему предмету въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ (1863 г.) правиламъ, оказались невѣрными.

Число высылаемыхъ польскихъ уроженцевъ Царства и Западнаго края превысило всѣ нормы и продолжаетъ быстро возрастать.

Наконецъ, не предстоить сомнѣнія и въ томъ, что желательно, и даже необходимо, сосредоточить, по возможности, въ небольшомъ числѣ мѣстностей, тѣхъ поляковъ, жителей Царства или Западныхъ губерній, коихъ удаленіе съ мѣстъ жительства, временное или постоянное, оказывается дѣйствительно необходимымъ.

Но изъ вышесказаннаго усматривается, что возбужденный вами вопросъ касается не только Сѣверо-Западныхъ и затѣмъ и Юго-западныхъ губерній, но и Царства Польскаго, изъ котораго уже выслано въ Имперію, по настоящее время, около 3000 чело-

вѣкъ разнаго званія. Слѣдовательно, при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ къ водворенію поляковъ, удаляемыхъ съ нынѣшнихъ мѣстъ ихъ жительства, надлежитъ сохранять въ виду размѣры предпринимаемыхъ переселеній и средства къ правильному и безостановочному устройству предполагаемыхъ колоній. Кромѣ того едва ли можно не допускать различія между удаленіемъ временнымъ и безсрочною ссылкойю, между ссылаемыми по суду и ссылаемыми или высылаемыми безъ суда, между степенями виновности и неблагонадежности, между различными условіями сословія, возраста, или пола, и наконецъ между свойствами разныхъ мѣстностей, болѣе или менѣе пригодныхъ для прочной осѣдлости поселенцевъ.

Вашему высокопр—ству извѣстно, что въ настоящее время, при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся Западный край и Царство, высылка лицъ, виновныхъ въ принятіи участія въ мятежѣ и въ обнаруженіи политической неблагонадежности, производится, и по необходимости должна быть болѣею частью производима, съ нѣкоторою поспѣшностью, не допускающею строгаго опредѣленія различныхъ оттѣнковъ виновности или неблагонадежности. При этихъ условіяхъ я не усматриваю возможности всякую высылку обращать въ безразличную и безвозвратную ссылку.

Далѣе вамъ, равнымъ образомъ, извѣстны общія свойства поименованныхъ вами мѣстностей. Печерскій край, Туруханскій край и сѣверныя части Архангельской и Тобольской губерній и Якутской области не представляютъ условій, необходимыхъ для прочной осѣдлости значительнаго числа поселенцевъ. Ссылаюсь въ семъ отношеніи на свидѣтельство находящагося здѣсь случайно якутскаго губернатора и другихъ лицъ, знающихъ эти мѣстности. Тамъ, гдѣ земледѣліе не возможно, колоніи будутъ постояннымъ бременемъ для правительства; не говоря даже объ общихъ требованіяхъ челоѣчества и о многоразличныхъ практическихъ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ устройствомъ поселеній въ мѣстахъ, столь отдаленныхъ, столь безлюдныхъ, и въ такой степени лишенныхъ необходимыхъ элементовъ правительственной организаціи и полицейскаго надзора.

По сямъ уваженіямъ я полагаю, что для приведенія въ исполненіе указанной вами мѣры необходимо: во первыхъ, избрать за

Ураломъ другія мѣстности, болѣе пригодныя для прочнаго водворенія лицъ, безвозвратно удаляемыхъ изъ Западныхъ губерній и Царства Польскаго; во вторыхъ, установить различіе между лицами, удаляемыми временно, и лицами, ссылаемыми безвозвратно, и опредѣлить условія этого различія; въ третьихъ, сосредоточить въ меньшемъ числѣ мѣстностей, при усиленіи средствъ и порядка полицейскаго надзора, тѣхъ поляковъ, которые не будутъ подлежать окончательной ссылке; и въ четвертыхъ, принимать въ соображеніе, при распредѣленіи ссылаемыхъ или высылаемыхъ лицъ между разными, для той или другой цѣли предназначенной мѣстностями, степень виновности или неблагонадежности, подвергающей то или другое лицо безвозвратной ссылкой или временному удаленію.

Покорнѣйше прошу ваше высочайш—ство принять увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и совершенной преданности Петръ Валувевъ“.

4.

Статья М. Н. Муравьева.

30-го декабря 1863 г.

„На письмо вашего прев—ства, отъ 17-го сего декабря, нужнымъ нахожу отвѣтствовать, что предположенія мои объ устройствѣ вѣреннаго мнѣ края и устраненія вредныхъ послѣдствій собственно для Россіи отъ нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣроположеній, не только нынѣ, но и всегда я признаю себя обязаннымъ доводить непосредственно до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія; что-же касается до мнѣнія в. пр—ства на послѣдній отзывъ мой къ вамъ, отъ 11-го числа сего мѣсяца, имѣю честь сообщить, что я и нынѣ остаюсь при томъ мнѣніи, что высылаемыхъ на жительство въ Россію дорянъ, ксендзовъ и разночинцевъ западнаго края слѣдуетъ отправлять въ указанныя мною сѣверныя области Россіи, ибо они никогда не могутъ быть обращены въ хлѣбопашцы и слѣдовательно не нужна имъ колонизація на Уралѣ, какъ вы изволите предполагать. Напротивъ того, я думаю, что ихъ должно отдѣлять отъ всякаго сношенія съ населенными частями Россіи, и

водворяя на сѣверѣ, выдавать имъ тоже кормовое пособіе, которое теперь они получаютъ, будучи расселены въ разныхъ городахъ имперіи. Потребный на это расходъ весьма незначителенъ въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который будетъ отстраненъ высылкою ихъ въ пустынные мѣста имперіи.

Сами высылаемые отсюда радостно ѣдутъ въ Россію, имѣя въ виду принести ей еще болѣе вреда, ибо знаютъ, что будутъ размѣщены, въ видахъ гуманности, въ лучшихъ провинціяхъ имперіи, гдѣ надѣются найти многихъ своихъ соотечественниковъ и совокупно съ ними распространять революціонные замыслы.

Я уже неоднократно объ этомъ писалъ и не перестану повторять, доколѣ наконецъ высшія правительственныя лица не рѣшатся принять мѣры къ огражденію Россіи отъ неминуемыхъ на будущее время бѣдствій, долженствующихъ произойти, ежели будутъ продолжать расселять польскихъ выходцевъ по всему государству.

Въ отношеніи изложеннаго в. пр—ствомъ предположенія о распредѣленіи высылаемыхъ по политической неблагонадежности на жительство во внутреннихъ губерніяхъ имперіи смотря по степени ихъ виновности или неблагонадежности, съ установленіемъ при томъ различія между лицами, удаляемыми временно, и лицами, ссылаемыми безвозвратно и съ опредѣленіемъ самыхъ условій этого различія, я полагаю, что это предположеніе едва-ли возможно въ практическомъ исполненіи, ибо тамъ, гдѣ не имѣлось достаточныхъ юридическихъ доказательствъ для преданія высылаемыхъ суду, не предстоить возможности съ правильною опредѣлить душевныя ихъ политическія наклонности, кромѣ общей извѣстной намъ вражды ихъ къ Россіи и желанія уничтожить наше владычество въ западномъ краѣ.

Мое мнѣніе, что всѣ высылаемые по политической неблагонадежности едва-ли не вреднѣе и не опаснѣе тѣхъ, которые осуждены за явное участіе въ мятежѣ и въ числѣ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, скрываются самые вредные и дѣятельные распространители мятежа, какъ это уже и нынѣ доказали, такъ что нѣкоторые изъ нихъ обратно вытребованы сюда, для преданія военному суду.

Я еще разъ повторяю: не должно полагаться на лстивыя и

униженныя просьбы и обѣщанія и увѣренія въ раскаяніи и преданности поляковъ и особенно высланныхъ на жительство вслѣдствіе политической неблагонадежности, ибо всѣ они увѣряютъ, что они невинны и преданы правительству, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они всегда были и суть самые тайные и вредные крамольники и скрытнымъ образомъ поддерживали и распространяли мятежъ.

По моему мнѣнію сколько съ одной стороны правительство должно быть человѣколюбиво ко всякому впавшему въ преступленіе и самому отъявленному своему врагу, столько съ другой стороны было бы, какъ мнѣ кажется, предосудительно, увлекаясь симъ, оказывать такое снисхожденіе высылаемымъ по неблагонадежности лицамъ, которое явно ведетъ къ несомнѣнному вреду для государства. Вотъ почему я полагалъ и теперь полагаю, чтобы всѣхъ высылаемыхъ лицъ привилегированныхъ сословіи на жительство въ Россію водворять не въ видѣ хлѣбопашенныхъ колоній на Уралѣ, какъ в. пр—ство полагаете, но отсылать въ отдаленные, болѣе пустынные края Россіи, гдѣ они будутъ менѣе вредны и гдѣ присмотръ за ними легче. Исключеніе изъ сего можетъ быть сдѣлано только для нѣкоторыхъ лицъ и семействъ, по особому удостовѣренію о нихъ высшихъ властей.

Покорнѣйше прошу, ваше превосходительство, принять увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и преданности

Михаилъ Муравьевъ.

V.

Вѣдомость о числѣ лицъ, содержавшихся подъ арестомъ въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губ.
за іюнь мѣсяць 1865 года.

Г У Б Е Р Н І И.	Бездомнѣ.	Офисеровъ отставныхъ и служащихъ.	Числовиковъ отставныхъ и служащихъ.	Поваровъ и дворск.	Шляхтичей.	Одюдворцевъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Нивныхъ чиновъ.	Езрействъ.	Иностранцевъ.	Итого.
Виленская.												
Въ г. Вильнѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	172
» » Трокахъ	—	1	—	1	5	—	—	—	—	—	—	7
» » Свенцѣнахъ	1	—	—	3	3	—	—	—	—	1	—	8
» » Опшянахъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
» » Диснѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	1	1	—	6	8	—	—	—	—	1	—	189
Ковенская.												
Въ г. Ковно	10	3	22	109	76	1	19	102	1	24	2	369
» » Вилькомирѣ	—	—	—	4	—	1	2	9	—	—	—	16
» » Поневѣжѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Россіенахъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Шавляхъ	—	1	—	9	—	—	1	10	—	—	1	22
» » Тельшахъ	1	—	2	2	—	—	1	8	—	—	—	14
» » Ново-Александровскѣ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Итого	11	4	24	124	78	2	23	130	1	24	3	424
Гродненская.												
Въ г. Гродно	4	1	6	27	10	6	14	17	1	4	2	92
» » Вѣлостокѣ	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	3
» » Вѣльскѣ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
» » Пружанахъ	2	—	2	1	—	—	6	1	—	—	—	12
» » Брестѣ	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3
» » Кобринѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Соколикѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	6	1	8	33	11	6	21	18	1	4	2	111

Г У Б Е Р Н І И.	Ксензовъ.	Офицеровъ отставныхъ и служащихъ.	Человѣковъ отставныхъ и служащихъ.	Показавшихъ и другихъ.	Шляхтичей.	Одновольцевъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Нижнихъ чиновъ.	Евреевъ.	Иностранцевъ.	Итого.
Минская.												
Въ г. Минскѣ	3	—	2	12	—	—	—	2	—	—	1	20
» » Борисовѣ	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
» » Слуцкѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
» » Мозырѣ и Рѣчицѣ	—	—	—	5	—	—	—	1	1	—	—	7
» » Пинскѣ	—	—	—	5	—	—	8	—	1	1	—	15
» » Игуменѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Бобруйскѣ	—	1	—	1	—	2	—	2	—	—	1	7
Итого	3	1	2	26	—	2	8	5	2	2	1	48
Могилевская.												
Въ г. Могилевѣ	—	—	—	14	—	1	—	—	—	—	—	15
Витебская.												
Въ г. Витебскѣ	—	—	—	6	—	—	1	—	—	—	—	7
» вр. Динабургѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» г. Полоцкѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Рѣжицѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
» » Лепельѣ	—	—	—	7	1	—	2	—	—	—	—	10
» » Себежѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	—	—	—	15	1	—	3	—	—	—	—	19
А всего	21	7	34	218	98	11	55	153	4	31	6	610

И. д. Полеваго Оберъ-Аудитора П. Нефловъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЬ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-ВИЛЕНСКІЙ.

Стихотворенія, рассказы и очерки къ его характеристикѣ.

При изданіи нами на страницахъ „Русской Старины“ „Записокъ графа М. Н. Муравьева-Виленскаго“—мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ какъ на этотъ историческій памятникъ, такъ и на заслуги его составителя:

„Какъ ни желчно и пристрастно, по отношенію къ нѣкоторымъ современнымъ графу М. Н. Муравьеву государственнымъ дѣтелямъ, написаны его „Записки“, но, конечно, каждый изъ нашихъ читателей согласится, что „Записки о мятежѣ въ сѣверо-западной Россіи“ имѣютъ весьма крупное значеніе. Главнѣйшее ихъ значеніе уже то, что онѣ исходятъ непосредственно отъ вчинателя цѣлаго ряда въ высшей степени важныхъ государственныхъ мѣръ, принятыхъ въ Литвѣ и смежныхъ съ нею губерніяхъ съ 1863-го по 1865-й годъ.“

„Создать оплотъ русскому государству возрожденіемъ русской народности въ глухомъ Литовскомъ краѣ, побороть всендза и пана, дѣлавшаго въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ все, чтобы придавить много-милліонное русское быдло (такъ звали они литовскаго и бѣлорусскаго крестьянина); вдохнуть жизнь въ задавленное сословіе крестьянъ этого края—таковыя заслуги заставляютъ, если не мириться ни съ прошлою дѣятельностію графа М. Н. Муравьева до 1863 г., ни съ его жестокостію, иногда совершенно бесполезною по отношеніямъ къ тысячамъ отдѣльныхъ лицъ, — то, во всякомъ случаѣ, заставляютъ вполне признать въ немъ одного изъ немногихъ русскихъ государственныхъ мужей, вполне ясно и опредѣленно создавшихъ себѣ программу дѣйствій въ 1863 г., по отношенію къ сѣверо-западной Россіи, и не от-

ступившаго ни на одну пядь при исполненіи этой программы". („Русская Старина“, изд. 1882 г. томъ XXXVI, декабрь, стр. 722—723).

Но выразивъ нашъ взглядъ на эту историческую личность, мы считаемъ вполне полезнымъ дать мѣсто разнообразнымъ о ней отзывамъ русскихъ людей, современниковъ и очевидцевъ дѣятельности гр. М. Н. Муравьева,—отзывамъ въ стихахъ, въ разсказахъ, замѣткахъ и его характеристикахъ.

Р е д.

I.

Кн. Италійскому, графу А. А. Суворову-Рымницкому

Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева.

Я списалъ для васъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, стихи Ѳ. И. Тютчева къ кн. А. А. Суворову. Вы, быть можетъ, не знаете по какому поводу они были написаны?

Къ 8-му ноября 1863 г., въ самый разгаръ шляхетскаго возстанья въ Сѣверо-Западномъ краѣ, мнѣ пришла мысль подбѣть здѣшній highlife, послать Мих. Ник. Муравьеву икону Архистратига Михаила и написать письмо, которое въ продолженіи двухъ-трехъ дней покрылось сотнею подписей.

Въ числѣ подписавшихся былъ и Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Письмо это было вручено мною отъѣзжавшему, по дѣламъ службы, внуку гр. Д. Н. Блудова, нынѣшнему лифляндскому губернатору, Шевичу,—который едва успѣлъ выѣхать изъ Петербурга, какъ состоялось, въ III-мъ отдѣленіи, постановленіе задержать отправку письма, — но, къ счастью, было уже поздно: Шевичъ успѣлъ передать его по принадлежности.

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь...

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему.

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ —
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себя.

* * *

Кто избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ жи и озлобленью
На зло, увы! и пошlostямъ роднымъ.

* * *

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великой
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

Ө. И. Тютчевъ.

12-го ноября 1863 г.
С.-Петербургъ.

Сообщ. П. Н. Вяткинцевъ.

II.

На это князь А. А. Суворовъ отвѣтилъ, что дѣдъ его никогда бы не скрѣпилъ своей подписью письма, посланнаго М. Н. Муравьеву. Тогда появились другіе стихи, именно князя П. А. Вяземскаго:

Да князь! поэтъ правъ: навѣрно вашимъ дѣдомъ
Было-бы скрѣплено письмо друзей къ тому,
Ботораго вы, князь, честите людодѣдомъ
За то, что онъ казнилъ по долгу своему.

* * *

Какъ вы, онъ не искалъ въ народѣ популярности,
Нежданная она пришла къ нему;
Слыветь онъ извергомъ, однакоже гуманность,
Гдѣ можно допустить, доступна и ему.

* * *

Онъ жертвовалъ собой въ минуту, гдѣ Россія
Потрясена была злодѣйствами враговъ;
Онъ подавилъ мятежъ; дѣла его благія.
Дай Богъ побольше намъ такихъ, какъ онъ, головъ!

Не много толку въ томъ, кто вмѣстѣ съ крикунами
Готовъ порочить всѣхъ, лишь болтовней пустой;
Бричать не мудрено, а мудрено дѣлами
Такъ править хорошо, какъ Муравьевъ—Литвой.

* * *

Какъ вѣрный русскій, самъ онъ дѣйствовалъ съ отвагой;
Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Русь вся за него;
Хотя теперь перомъ дрался онъ, а не шпагой,
Но имя на Русь прославилось его.

* * *

И такъ, гуманный князь, отдайте справедливость
Тому, кто заслужилъ сочувствіе сердецъ,
Иль вы не русскій, князь! Его неустранимость
Приобрѣла ему безсмертія вѣнецъ!

* * *

Что дѣдъ вашъ, князь, сказалъ: ужель вамъ не извѣстно?
Когда сражался самъ онъ противъ поляковъ,
Онъ Прагу бралъ тогда, напомнить здѣсь умѣстно
Слова Воликаго.... какъ нашихъ зналъ враговъ!

* * *

Екъ солдатамъ обратясь, онъ крикнулъ громогласно:
„Нещадно рѣжьте ихъ и рѣжьте ихъ дѣтей,
„И знайте, что вашъ штыкъ заколетъ не напрасно.
„Вы живъ сплѣсаете тѣмъ вашихъ же дѣтей!“

* * *

Вотъ что сказалъ вашъ дѣдъ, кто этихъ словъ не знаетъ?
Онъ русскій былъ и съ русскою душой;
Кто Муравьеву врагъ, его кто порицаетъ,
Россія тотъ не сынъ и русскому чужой.

Князь П. А. Вяземскій.

Сообщ. М. В. Выхожъ.

III.

Одна Петербургская газета, заимствуя отъ одной Московской газеты любопытный эпизодъ освобожденія лично графомъ М. Н. Муравьевымъ нѣкоего г. С., заарестованнаго жандармами въ Вильнѣ по недоразумѣнію, въ эпоху усмиренія повстанія 1863 г. въ сѣверо-западномъ краѣ, отъ себя присовокупляетъ, что хотя разсказъ, ею приводимый, и похожъ на легенду, но легенда эта очень характерна для покойнаго М. Н. Муравьева. Сообщаемъ ниже.

подъ стать къ этому разказу; три вполне достоверные эпизода изъ той же эпохи и о томъ же крупномъ государственномъ дѣятелѣ царствованія Александра II (переданные мнѣ—первый и послѣдній—лицами, въ нихъ фигурировавшими, а второй лицомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія), могутъ, по аналогичному содержанию своему съ разказомъ Московской газеты, убѣдить скептиковъ въ невымышленности его происхожденія и въ то же время послужить и въ свою очередь небезынтереснымъ матеріаломъ для характеристики графа Муравьева-Вилenskaго, собственныя Записки котораго были прочтаны всѣми читателями „Русской Старины“ съ такимъ живымъ интересомъ.

А. Е.

1.

Служившій въ г. Вильно еще до повстанія 1863 г. нѣкто Ив. Ив. Беренштейнъ, статскій совѣтникъ, находился случайно проездомъ въ этомъ городѣ въ самый разгаръ мятежа и примѣненія во всей строгости Муравьевской системы къ водворенію порядка въ краѣ. Это былъ крайне оригинальный человѣкъ: длинный, худощавый, съ зачесанными на виски сѣдыми волосами и съ тоненькимъ, какъ у флейты, голоскомъ. По характеру своему онъ былъ замѣчательно трусливъ и малодушенъ, любилъ невзначай похвастаться своими аристократическими связями въ Петербургѣ, называлъ разныхъ высокопоставленныхъ и титулованныхъ лицъ не иначе, какъ уменьшенными ихъ именами, за что и былъ извѣстенъ среди своихъ знакомыхъ подъ прозвищемъ „аристократа“; въ сущности же человѣкъ онъ былъ недурной и хотя носилъ нѣмецкую фамилію, вполне русскій и даже православный. Находясь, какъ уже сказано, проездомъ въ Вильнѣ, послѣ продолжительнаго въ ней отсутствія, и будучи по прежней своей долготѣней въ ней службѣ знакомъ съ очень многими поляками, онъ возмнилъ желаніе повидаться съ ними въ самый день своего прѣзда и съ этою цѣлью отправился въ мѣстный клубъ. Тамъ засталъ онъ, какъ и ожидалъ, всѣхъ своихъ пріятелей, пилъ съ ними на радости свиданія шампанское и калякалъ, по старой памяти, по польски... На другой день, рано утромъ, онъ былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь занимаемаго имъ въ гостиницѣ номера и на порогѣ предсталъ—жандармъ.

— „Извольте пожаловать къ г. генералъ-губернатору“, отчеканилъ жандармъ и принялъ выжидательную позу.

„Что и почувствовалъ въ моментъ неожиданнаго появленія въ дверяхъ фигуры жандарма,—разказывалъ потомъ (нынѣ уже покойный) И. И. Беренштейнъ,—того я передать не въ силахъ. Слова жандарма прозвучали въ ушахъ моихъ оглушительнѣе громовыхъ раскатовъ, въ глазахъ позеленѣло, ноги подкосились... Мѣшкать однако не подобало и я торопливо напялилъ на себя дрожащими отъ внутренняго волненія руками фракъ, благословясь, отдалъ себя въ распоряженіе голубому архангелу. Дорогой я сталъ перебирать въ умѣ своемъ всѣ свои сомнительныя дѣянія и, признаюсь откровенно,—никогда въ жизни моея ни одна моя исповѣдь не была столь искренна, какъ эта. Но сколько я ни ломалъ себѣ головы, сколько ни припоминалъ, я, по совѣсти, не чувствовалъ и никакъ не могъ признать за собою никакихъ такихъ предосудительныхъ дѣяній и ничего мало-мальски неблагонамѣреннаго не могъ отыскать ни въ своемъ прошломъ, ни въ настоящемъ. Такое отрадное сознаніе своей голубиной чистоты начинало было уже дѣйствовать нѣ-

сколько успокоительно на мои нервы, когда вдруг внезапная мысль озарилла мою мученную голову: я вспомнилъ, что вчера, въ клубѣ, я говорилъ съ своими пріятелями-поляками по польски!.. Разомъ вся появившаяся было бодрость духа вновь во мнѣ исчезла—теперь все стало мнѣ понятно и перспектива будущей судьбы моей предстала передо мною какъ въ наворамі!.. Когда, наконецъ, не помня себя отъ страха, я очутился въ генералъ-губернаторской пріемной и меня въ ней встрѣтилъ дежурный адъютантъ, оказавшійся, по счастью, моимъ давнишнимъ знакомымъ, то онъ, вида мое сильное волненіе, предложилъ мнѣ выпить стаканъ воды для успокоенія, прежде, чѣмъ рѣшится доложить о моемъ прибытіи. Не успѣлъ онъ, однако, взглянуть за снѣгъ, исчезнуть за дверь, ведущею въ кабинетъ страшнаго Виленскаго проконсула, какъ тотчасъ же вновь показался въ ней и схватилъ мнѣ зная рукой, чтобы я вошелъ. Могу сказать, что я не вошелъ, а вдвинулся автоматически за дверь и остановился у притолки, не вида и не слыша ничего, что вокругъ меня происходило: въ эту минуту я, кажется, благословилъ бы небо, еслибы потолокъ обрушился и задавилъ бы меня на мѣстѣ, или еслибы полъ раздался подъ моими ногами и я провалился бы въ преисподнюю! Но вотъ кто-то въ комнатѣ отодвинулъ стулъ и, взглянувъ затѣмъ, до ушей моимъ доходитъ слѣдующая фраза:

— „Здравствуйте, г. Беренштейнъ, подойдите-ка сюда и сядьте“.

„Не вѣрю ушамъ своимъ и глазамъ: передо мной стоялъ самъ Муравьевъ“.

— „Знаете-ли, зачѣмъ собственно я пригласилъ васъ къ себѣ? спрашивалъ онъ меня. — Мнѣ, говоритъ, доложили о вашемъ проѣздѣ черезъ Вильну и я хотѣлъ заохотѣть видѣть васъ, чтобы сказать вамъ и просить васъ передать при случаѣ, какъ бывшему начальнику вашему, такъ и бывшимъ сослуживцамъ, что комитетъ, въ которомъ вы всѣ служили здѣсь ¹⁾, оставилъ по себѣ своимъ твердо-русскимъ направленіемъ такую добрую память, что я считалъ нужнымъ заявить вамъ объ этомъ, пользуясь вашимъ присутствіемъ. Думаю, что вамъ и всѣмъ вашимъ будетъ пріятно знать, что я вѣрно понялъ и сумѣлъ оцѣнить вашу полезную дѣятельность въ краѣ. Ну, а теперь съ Богомъ, а васъ не задерживаю и желаю благополучнаго пути“.

„Когда дверь затворилась за моею спинной, рассказывалъ въ заключеніе И. И. Беренштейнъ, — то ко мнѣ на встрѣчу кинулся знакомый адъютантъ съ вопросомъ:

— „Куда прикажешь вестъ тебя?“

„Но я, не помня себя, только махнулъ ему въ отвѣтъ рукой и какъ сумашедшій вырвавшись на улицу, бросился безъ оглядки на вокзалъ, завернулъ только по дорогѣ въ гостиницу за своимъ чемоданомъ, и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ укатилъ изъ Вильны“.

¹⁾ Комитетъ этотъ, учрежденный еще до назначенія Муравьева въ Вильну, былъ инженерновъ военныхъ поселеній. Покойный отецъ мой, инженеръ-генералъ-лейтенантъ Е. А. Е.—онъ, былъ начальникомъ оного, а герой рассказъ, будучи по процессу своей архитектуромъ, состоялъ въ немъ на службѣ.

2.

Въ самый разгаръ преслѣдованія повстанскихъ шаекъ въ Литовскихъ гѣсахъ, генералъ-маіоръ В., изъ гвардейцевъ, командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ, по оплошности-ли своей, или по какой другой причинѣ, пропустилъ одну изъ такихъ шаекъ, не замѣтивъ ее и давъ ей возможность проскользнуть мимо себя, что называется, подъ самымъ носомъ, какъ тѣнь въ волшебномъ фонарѣ. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ, отдалъ приказъ явиться злосчастному генералу для немедленныхъ объясненій въ Вильну. Вотъ какъ описываетъ самъ провинившійся генералъ эпизодъ свиданія своего съ М. Н. Муравьевымъ

„Докладываютъ. Вхожу въ кабинетъ, расшариваюсь. Сидитъ самъ беремотъ ¹⁾ за письменнымъ столомъ и перелистываетъ бумаги... Привсталъ, глядитъ на меня, опершись обѣими руками о письменный столъ... Глядитъ и измѣряетъ взглядомъ изъ-подъ сдвинутыхъ бровей... Вижу начинаеть, наконецъ, шевелить губами...

— „Вы, генералъ, протягиваетъ онъ въ носъ,—про-пу-сти-ли?“..

„Я низко нагибаю свою повинную голову и рискую вымолвить нѣсколько отрывочныхъ фразъ въ свое оправданіе, но останавливаюсь на полусловѣ при видѣ сердитаго взгляда, устремленнаго въ упоръ на меня...

„Продолжительная пауза.

„И вдругъ „тѣфу“—какъ плюнетъ! и..., повернувъ мнѣ спину, исчезаетъ за дверью, оставивъ меня посреди комнаты съ открытымъ отъ изумленія ртомъ и съ растопыренными руками“.

3.

Въ окрестностяхъ Вильны проживалъ въ 1863 г. въ своемъ небольшомъ подгородномъ имѣніи молодой помѣщикъ—полякъ г. С—ича. Онъ почти безмѣдно сидѣлъ въ своемъ имѣніи, изрѣдка отлучаясь въ городъ для необходимыхъ покупокъ и т. п. Однажды, по возвращеніи къ себѣ съ одной изъ такихъ кратковременныхъ поѣздокъ, онъ, подѣзжая къ своей усадьбѣ, былъ внезапно пораженъ вѣдущимъ, непредвѣщавшимъ ничего хорошаго: вокругъ всей его усадьбы стояли лагеремъ казаки, а внутри самаго дома замѣчалась необыкновенная суетня и въ окнахъ мелькали жандармскія каски. Не будучи причастенъ къ жонду и нечувствуя поэтому за собой никакой вини, онъ тотчасъ же обратился къ распоряжающемуся внутри дома офицеру съ просьбой о разъясненіи ему причины, обрушившейся на него неожиданной напасти. Офицеръ обязательно объяснилъ ему, что на него, г. С—ича, былъ сдѣланъ вѣсть-то изъ его-же соотечественниковъ доносъ и что вслѣдствіе этого у него производится обыскъ по распоряженію высшей власти въ краѣ. Обыскъ, какъ впрочемъ и можно было ожидать, не привелъ ни къ какимъ открытіямъ, могущимъ компрометировать г. С—ича, но за то причинилъ ему не малый матеріальный ущербъ отъ произведенной ломки половъ, порчи печей и проч.

¹⁾ По характерной манерѣ своей, покойный гр. М. Н. Муравьевъ действительно напоминалъ этого звѣря. А. Ш.

Считая себя безпричинно обиженнымъ и желая получить хотя бы какое нибудь вознагражденіе за причиненные ему убытки, онъ обратился къ Муравьеву съ письмомъ, написаннымъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ, въ которомъ необыкновенно краснорѣчиво, чрезвычайно яркими красками, изобразилъ картину разгрома его усадьбы и просилъ о выдачѣ ему известной суммы денегъ на покрытіе причиненныхъ ему убытковъ.

Не получая долгое время никакого отвѣта на свое письмо, г. С—ичъ рѣшился наконецъ лично объяснить свою претензію М. Н. Муравьеву и съ этою цѣлію явился къ нему во дворецъ въ назначенный для просителейъ часъ.

— „Когда обходя просителейъ поочередно, — рассказывалъ г. С—ичъ, — Муравьевъ приблизился ко мнѣ и я объяснилъ ему свою просьбу, упомянуть о моемъ французскомъ письмѣ, оставленномъ имъ безъ отвѣта, онъ, какъ бы не слыша того, о чемъ я ему говорю, вдругъ озадачиваетъ меня неожиданнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ я получилъ свое образованіе?“

Я назвалъ заведеніе.

— „А гдѣ вы учились французскому языку?“

— Дома, ваше высокопр—ство.

— „А кто былъ вашимъ учителемъ?“

Я назвалъ фамилію учителя.

— „Прекраснаго учителя имѣли вы, говорить онъ улыбаясь; я съ удовольствіемъ прочиталъ ваше письмо—оно можетъ служить образцомъ эпистолярнаго слога и лежить у меня на письменномъ столѣ. Ну, а теперь отправляйтесь-ка съ Богомъ домой и благодарите судьбу, что въ это смутное время, когда за ошибку винить нельзя, вы остались внѣ всякаго подозрѣнія.“

Хотя я сильно негодовалъ въ ту пору на Муравьева за столь своеобразную резолюцію его моей законной просьбы, но, добавивъ рассказчикъ, я долженъ отдать справедливость графу Муравьеву—онъ былъ умный человекъ“.

Такое безпристрастное мнѣніе въ устахъ поляка, при томъ безвинно обиженнаго, о гр. М. Н. Муравьевѣ-Виленскомъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Должно сказать однако, что не слѣдуетъ полагать, чтобы оно было единичнымъ и исключительнымъ, напротивъ того, мнѣніе о немъ, какъ объ умномъ человѣкѣ, можно слезать, утвердилось между поляками, не смотря на всю ненависть ихъ къ нему, и это, въ свою очередь, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ къ характеристикѣ его, какъ несомнѣнно пятерсное явленіе.

Анатолій Ег—овъ.

Одесса.

IV.

Гр. Ф. Ф. Бергъ и М. Н. Муравьевъ.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 года, рассказывается о встрѣчѣ наѣстника графа Берга съ М. Н. Муравьевымъ, въ Вильнѣ, причѣмъ Бергъ изображенъ какимъ-то робкимъ школьникомъ, который конфузится, мѣшается, запинается въ разговорѣ съ Виленскимъ сатрапомъ. Этого на самоѣ дѣлѣ быть низкимъ образомъ не могло. Это только такъ показалось наблюдателю, плохо знавшему, какъ надо думать.

характеръ намѣстника Берга, его взгляды на Муравьева и кое-какіе факты, юторыхъ Бергъ не считалъ нужнымъ обнаруживать передъ Муравьевымъ.

Бергъ смотрѣлъ на Муравьева, какъ на человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшаго ниже его, и по воспитанію, и по службѣ, и по лѣтамъ; какъ на такое лицо, которое слѣдуетъ было дать полную свободу своимъ дикимъ инстинктамъ и который исполняетъ свои фантазіи, не размысливая о послѣдствіяхъ: удобно это или неудобно, достижимо или недостижимо, справедливо или несправедливо, по европейски это или по азіатски, компрометируется чрезъ то правительство, посадившее его на такое высокое мѣсто, или не компрометируется. Отчего тутъ Бергу было конфузиться, если Муравьевъ говорилъ или дѣлалъ что-нибудь такое, чего бы въ то время не позволилъ себѣ сказать и сдѣлать ни одинъ правитель обширной области въ Европѣ, какъ бы тамъ дѣла ни были испорчены? Бергъ, какъ старшій, оботрѣянный и учтивый дипломатъ, не спорилъ, не договаривалъ иного, какъ поступилъ бы всякій благовоспитанный гость Муравьева, при встрѣчѣ съ нимъ въ Виленскомъ его дворцѣ.

Авторъ увѣряетъ, что разговоръ не визался послѣ того, какъ Муравьевъ, услышавъ о французской труппѣ, играющей въ Варшавѣ, сказалъ: «а русская труппа у васъ есть?»

Бергъ просто-за-просто не хотѣлъ докладывать Муравьеву, почему приглашены французы и нѣтъ русскихъ. Могъ возникнуть споръ, основанный на пустыхъ фразахъ, а его-то Бергъ и избѣгалъ. Французская труппа была приглашена для того, чтобы заставить польское общество (хотя высшее) ходить въ театръ; чтобы жизнь города пошла обыкновеннымъ образомъ. Въ театръ тогда не ходилъ формально ни одинъ полякъ, вслѣдствіе запрещенія жонда, который, надо замѣтить, еще существовалъ въ 1864 году, вмѣстѣ съ городскою организаціей. Противъ выписанной нами весьма хорошей французской труппы польскіе аристократы не устояли: начали мало по малу ходить въ театръ, а потомъ стали ходить, сами не замѣтивъ какъ, и въ свой родной, польскій театръ. Вопросъ былъ рѣшенъ. Французамъ предложили уѣхать ¹⁾.

Русскаго театра заводять тогда было не для кого: одно дѣло Литва, другое дѣло—Царство Польское. Теперь русскихъ, которые стали бы ходить въ хорошій русскій театръ и представили бы тамъ естественную, статскую публику, въ Варшавѣ довольно много, но тогда было десятка два, три. Однако намѣстникъ, для оживленія родныхъ преданій между военными, хотѣлъ все-таки выписать хорошую русскую труппу и-велъ переговоры съ однимъ импрессарио, Милославскимъ; да кромѣ того послыалъ своего чиновника для особыхъ порученій, полковника генеральнаго штаба Анучина (нынѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири) въ Москву и Петербургъ, переговорить по этому поводу съ тамошними дирекціями. Ни тѣ, ни другіе переговоры не привели ни къ чему: Милославскій оказался несостоятельнымъ. Дирекціи обѣихъ столицъ отвѣчали, что не могутъ отпустить артистовъ и артистокъ, въ тѣхъ условіяхъ, какія предложены высшею властію Царства Польскаго. Послѣ того было разсуждаемо въ квартирѣ главнаго директора комиссіи внутреннихъ

¹⁾ Были въ Варшавѣ всего пять недѣль, съ 7-го іюля н. ст. по 14 августа 1864 г. (официальныя свѣдѣнія изъ театра). Н. В.

дѣлъ, князя В. А. Черкасскаго: „не выписать-ли артистовъ изъ провинціи?“ И это, большинствомъ голосовъ, опровергнуто, на томъ основаніи, что нравственность могла быть скомпрометирована: такихъ русскихъ артистовъ и артистокъ, которые могли бы соперничать съ тогдашними польскими въ Варшавѣ, было весьма не много и въ столицахъ имперіи, а въ провинціи не было вовсе. Пригласить труппу русскихъ провинціаловъ для того, чтобы русское варшавское общество, хотя бы только военное, пошло въ театръ изъ любопытства разъ или два, а потомъ снова стало ходить въ польскій театръ—ни Бергу, ни Черкасскому не хотѣлось.

Что касается, наконецъ, дикой угрозы Муравьева „сжечь монастырь и мусоръ сравнять съ землею“—это была, по вѣсімъ вѣроятностямъ, только пустая угроза, которой и Муравьевъ не рѣшился бы привести въ исполненіе. Видъ польскій монастырь есть ничто иное, какъ христіанскій храмъ, мѣсто для общественной молитвы. Сжечь его потому только, что на крышу заглян какой-то подозрительный трубочникъ, нельзя безъ того, чтобы не заговорили объ этомъ въ Европѣ. Варшава, которой населеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ, нуждается въ постройкѣ новыхъ храмовъ (и ихъ въ самомъ дѣлѣ ницѣ строить), а никакъ не въ уничтоженіи старыхъ солидныхъ построекъ этого рода, которыми простояли вѣка и простоятъ еще вѣка. Дикое, Муравьевское уничтоженіе стараго храма въ Варшавѣ несомнѣнно возвлекло-бы насъ въ объясненіе съ Римомъ. Поднялся-бы шумъ невѣроятный! Почему-же Бергъ долженъ былъ „заниматься“, докладывавъ Муравьеву, что онъ наложилъ на монастырь только штрафъ? Этого мы никакъ не понимаемъ. Вотъ, еслибы онъ сжегъ монастырь и мусоръ сравнялъ съ землею, ему позволительно было бы „заниматься“, даже и вовсе покраснѣть передъ своимъ косячкомъ..

Н. В. Вергъ.

9-го февраля 1883 г.

V.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Къ его „Запискамъ“, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882—1883 г.

Со времени появленія въ „Русской Старинѣ“ „Записокъ“ графа М. Н. Муравьева, появилось нѣсколько статей и замѣтокъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ объ этомъ важномъ фактѣ. Бѣдная часть выставляла Муравьева чуть не гениальнымъ администраторомъ, угадавшимъ сразу, что именно нужно было дѣлать въ Северо-Западныхъ губерніяхъ въ ту минуту, когда на насъ ополчилась вся Европа и когда мы сами усомнились въ томъ, удастся-ли намъ отстоять „хоть Литву“. Иные же (такихъ было

очень не много) находили, что Муравьевъ ничего особеннаго не сдѣлалъ, что онъ только довершилъ начатое В. И. Назимовымъ.

Ни то, ни другое мнѣніе не справедливо.

Въ М. Н. Муравьевѣ не было и тѣни геніальнаго администратора. Но, тѣмъ не менѣе, онъ успокоилъ край, приведенный его предмѣстникомъ въ неслыханный беспорядокъ; но успокоилъ его мѣрами, которыя въ Европѣ считаются варварствомъ, грубымъ азіатскимъ терроромъ.

Такіе „люди“ довольно давно повывелись въ Европѣ, а теперь стали выводиться, слава Богу, и въ Россіи, и мы полагаемъ, что повтореніе Муравьева уже болѣе невозможно. Это былъ послѣдній „Могиканъ“ нашихъ тяжелыхъ дней; а потому какъ-то странно теперь слышать и читать, что „одинъ лишь Муравьевъ обладалъ тайной управленія поляками!“ То же самое, чтѣ онъ сдѣлалъ, можно сдѣлать въ любой странѣ, гдѣ все перевернуто вверх ногами, не стирая съ лица земли большія деревни и не ссылая ихъ населенія, съ женщинами, дѣтьми и грудными младенцами, „во глубину сибирскихъ рудъ“, не вѣшая и не разстрѣливая почти ежедневно.

Нѣтъ, русскимъ надо въ особенности воздерживаться отъ всякихъ восхваленій господъ Муравьевыхъ, потому что въ насъ во всѣхъ есть довольно муравьевщины, дикости и грубости. Откуда онъ — не будемъ разбирать: это завело бы насъ далеко. Мы всѣ любимъ ломанье, разрушенье . . . . .

Когда читаешь въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1883 г. рассказъ генерала о встрѣчѣ Муравьева съ Бергомъ въ Вильнѣ, видишь, что авторъ на сторонѣ Муравьева, исполненъ муравьевщины, хотѣлъ бы въ душѣ, чтобъ Бергъ дѣлалъ у себя то же самое, что дѣлалъ Муравьевъ въ Литвѣ! Отчего это? Рассказчикъ, повидимому, старается быть безпристрастнымъ историкомъ, а самъ пристрастенъ. Графъ Бергъ у него „запинается“ въ разговорѣ, припомнивъ, что вѣдь монастырь-то все еще стоитъ, а не опровкнутъ, какъ бы слѣдовало — по муравьевски, по всякому.... Да! у насъ много

еще муравьевщины; но слѣдующее за нами поволѣніе, невидавшее въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ переднихъ и конюшенъ своихъ отцовъ, дѣдовъ и дядюшекъ, да... вой-чего, въ старину, и въ арміи,—будетъ относиться къ „Муравьевымъ“ всякихъ отгѣнковъ построже. Даже и теперь начинаетъ колебаться восторженное поклоненіе этимъ лицамъ.

Мы рѣшаемся представить читателямъ наше воззрѣніе на Муравьева почти четверть вѣка спустя послѣ его хозяйничанья въ Литвѣ, основанное частію на личномъ изученіи этого, во всякомъ случаѣ, любопытнаго историческаго лица 1860-хъ годовъ; частію на разсказахъ и печатныхъ свидѣтельствахъ компетентныхъ лицъ. Въ сущности это — дополненное и нѣсколько измененное повтореніе того, что уже напечатано въ нашемъ изслѣдованіи о Польскомъ возстаніи 1863—1865 гг., въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г.

Н. В.

I.

..... Призывъ Муравьева къ служебной дѣятельности въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, считавшихся Россією, означалъ поворотъ „назадъ“. Всѣми забытая мрачная фигура рѣзала всѣмъ глаза и сильно не вязалась съ яркими, живыми образами новой эпохи.

Кто не зналъ тогда, чтò такое Михайло Николаевичъ Муравьевъ?

Въ прошедшемъ этого лица было много темныхъ пятенъ.

Припоминали, что крутой монгольскій деспотъ, среди рабовъ и низкопоклонниковъ, становился очень часто, при другой обстановкѣ, тише воды, ниже травы; изгибался въ три погибели и самъ раболѣпствовалъ какъ никто, особенно, если было нужно устроить что-либо выгодное для себя. Припоминали, что отправась однажды по Россіи въ какое-то офиціальное путешествіе на

почтовыхъ, въ 1858 году, Михайло Николаевичъ взялъ прогоны по всѣмъ тремъ должностямъ, которыя тогда занималъ — и прозванъ за это „трехпрогоннымъ“¹⁾). Припоминали затѣмъ его грубое, азіатское выраженіе: „я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые сами вѣшаютъ!“²⁾). Послѣ чего къ нему прилипло на вѣки вѣговъ прозвище „Муравьева-вѣшателя“. Припоминали, наконецъ, его некрасивое поведеніе въ великую минуту освобожденія 25-ти милліоновъ рабовъ, по магію волшебнаго жезла, когда не сочувствовала царю только закоснѣлая въ невѣжествѣ и отсталая часть русскаго общества, — все, что стояло позади, тонуло во мракѣ; между тѣмъ какъ все остальное, выдвинутое впередъ, на солнце, — ликовало точно въ великій всесвѣтлый и всесвѣтлый праздникъ. Михайло Николаевичъ, съ учей заклятыхъ крѣпостниковъ, тормозилъ изо всей мочи святое дѣло и кричалъ, что „никакого освобожденія не будетъ!“³⁾ Са-

¹⁾ Онъ былъ тогда министромъ государственныхъ имуществъ, председателемъ департамента удѣловъ и директоромъ межевого корпуса, и по всѣмъ должностямъ получалъ огромныя содержанія.

²⁾ Сказано имъ въ Гроднѣ, гдѣ Муравьевъ былъ военнымъ губернаторомъ, вскорѣ послѣ взятія нами Варшавы въ 1831 году, когда онъ услышалъ, что одинъ чиновникъ спрашивалъ у кого-то: „не слыхали-ли вы, не родня-ли нашъ новый губернаторъ Сергѣю Муравьеву, повѣщенному въ 1826 году?“

³⁾ См. весьма любопытныя „Записки“, по предмету освобожденія крестьянъ въ Россіи, сенатора Я. А. Соловьева, въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 года, стр. 241—246. Слова: „никакого освобожденія не будетъ“ находятся на стр. 243. Н. В.

Свое упорное противодѣйствіе великому дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи въ 1857—1861 гг., графъ М. Н. Муравьевъ старался косвенно объявить въ 1866 году, во вступленіи къ своимъ Запискамъ. Вотъ эти строки:

„Въ концѣ 1861 г., по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья, я просилъ объ увольненіи меня отъ званія министра государственныхъ имуществъ; къ этому я былъ еще болѣе побуждаемъ тѣмъ направлеиємъ, которое получали въ то время всѣ правительственныя дѣла, т. е. полное и совершенное распущеніе и ослабленіе всякой власти, развитіе демократическихъ началъ во всѣхъ сословіяхъ, которое было явно во всѣхъ комитетахъ и правительственныхъ совѣщаніяхъ, а въ особенности при составленіи Положенія объ освобожденіи крестьянъ, въ которомъ вводилось много такихъ началъ, которыя, если бы были приняты, то, конечно, произвели бы большіе въ государствѣ безпорядки и неустройства.

„Такимъ образомъ, тотчасъ послѣ изданія манифеста 19 февраля о пре-

мая наружность его носила на себѣ печать вполне грубой, необузданной воли! И въ самомъ дѣлѣ, что за грубый, монгольскій типъ даже въ Россіи, гдѣ такъ много монгольскаго! Закройте мундиръ на карточкѣ Ермолова—выйдетъ левъ; сдѣлайте то же самое съ карточкой Муравьева—выйдетъ бульдогъ! Не потому-ли англійскій Times (никогда не помѣщающій никакихъ рисунковъ на своихъ страницахъ) помѣстилъ вдругъ нѣсколько усиленный портретъ М. Н. Муравьева, какъ что-то очень рѣдкое, незнакомое, забытое на Западѣ?

Какъ было не придти въ смущеніе лучшимъ людямъ Петербурга, стоявшимъ у трона, когда вдругъ пронеслась вѣсть, что этотъ затерявшійся гдѣ-то дѣятель опять отысканъ, опять призывается къ служебной дѣятельности! Съ другой стороны, эти люди чувствовали, что „такъ дѣла идти не могутъ, какъ шли они на Литвѣ и въ Царствѣ Польскомъ; что перемѣна должна послѣдо-

кращеніи крѣпостнаго права, Государь настаивалъ, чтобы немедленно было передано въ общее, неустрашенное еще, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ все управленіе государственныхъ крестьянъ, не взирая на то, что не было еще никакого управленія помѣщичьиими крестьянами и неизвѣстно было, чѣмъ окончится эта реформа.

„Я старался уговаривать Государя, чтобы выждать по крайней мѣрѣ годъ, пока увидать послѣдствія прекращенія крѣпостнаго права и устройство управленія мировыхъ учрежденій; но Государя старались увлечь къ исполненію идеи уничтоженія всякаго порядка управленія со введеніемъ демократическихъ началъ.

„Государю угодно было, чтобы непременно государственные крестьяне были переданы въ общее управленіе въ сентябрѣ 1861 г. Къ тому времени проектъ Положенія былъ составленъ; но я еще разъ упрашивалъ Государя не увеличивать неустройства внутренняго управленія прибавленіемъ еще 9-ти миліоновъ государственныхъ крестьянъ и выждать нѣкоторое время, пока вполне будутъ видны послѣдствія реформы. Хотя Государь на это не согласился, но, повидному, обстоятельства заставили его воздержаться исполненіемъ своего предположенія и дѣло не получило дальнѣйшаго направленія, (такъ какъ являлось предположеніе) составить новое положеніе, отаваля государственнымъ крестьянамъ въ собственность казенныя земли, по примѣру помѣщичьихъ. Это предположеніе встрѣтило много возраженій и дѣло осталось безъ исполненія до 1866 года.

„Между тѣмъ я оставилъ, въ исходѣ 1861 г., министерство и въ мартѣ 1862 г. отправился за границу для леченія“ (даже см. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 389 и слѣдующія). Гр. М. Н. Муравьевъ.

вать неизбежно; что она произойдетъ сама собою, если за нее не ухватится правительство, какъ за единственное спасеніе въ настоящую минуту; что идущій теперь, т. е. въ 1863 г., въ разрѣзъ съ мыслями Государя, со всей русской интеллигенціей, если не сказать, со всѣми русскими массаами,—есть ничто иное какъ измѣнникъ. Но вѣдь переимѣна можетъ быть устроена иначе, нежели придумано: пошлите въ Литву другаго графа Берга—вотъ и все! Для чего же тутъ отыскивать доктора, который вмѣсто того, чтобы отнять деликатнымъ скальпелемъ пораженный гангреною палець, возьметъ топоръ и отхватитъ по локоть цѣлую руку?“

На это возражали другіе, той же партіи, только постарше, болѣе освоенные съ пребываніемъ господъ „Муравьевыхъ“ въ разныхъ слояхъ русской администраціи: „обо всемъ этомъ можно толковать въ свободное для подобныхъ толковъ время, а теперь—надо дѣйствовать! Другаго Берга еще поди ищи, а этотъ, какой ни на есть, уже найденъ и притомъ—Государемъ. Его никто не рекомендовалъ!“¹⁾

---

¹⁾ О рекомендаціи Н. П. Игнатьева, по совѣту Андрея Н. Муравьева (что имѣли узнали изъ Записки послѣдняго въ декабрьской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г.), въ то время не было ничего извѣстно. Для самого Михаила Николаевича приглашеніе Государя занять должность генералъ-губернатора Сѣверо-Западныхъ губерній было совершенною неожиданностью. См. его Записки въ ноябрьской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. стр. 395.

Н. В.

Мы имѣемъ другое свидѣтельство и оно исходитъ отъ М. П. Погодина, что ему и еще одному лицу, въ Эмсѣ, гдѣ томъ въ 1875 г. (такъ кажется) Александръ Алексѣевичъ Зеленой передавалъ, что онъ первый подалъ мысль Государю, при одномъ изъ утреннихъ докладовъ,—пригласить М. Н. Муравьева на постъ генералъ-губернатора въ Вильно. Государь на первое заявленіе объ этомъ А. А. Зеленого ничего не отвѣчалъ. Зеленой перешелъ тогда къ обычному докладу дѣлъ по вѣренному ему министерству. Когда докладъ кончился, Государь самъ заговорилъ о мысли своего министра и выразилъ опасеніе, что Муравьевъ откажется. Зеленой просилъ позволенія съѣздить къ нему и передать предложеніе Его Величества. Когда на то послѣдовало согласіе Государя, Зеленой прямо изъ дворца проѣхалъ къ своему патрону и другу Мих. Николаевичу Муравьеву. Замѣчательно, что тотъ былъ въ это время въ весьма

Разсужденія такого характера, осторожный, сдержанный ро-потъ и споры скоро улеглись, но тѣмъ не менѣе достигли до Государя, съ разными дополненіями и измѣненіями, и произвели на Его Величество сильное впечатлѣніе. Когда Муравьевъ, че-резъ два дни послѣ перваго свиданія съ императоромъ, именно 27-го апрѣля ст. ст. 1863 г., явился въ Зимній дворецъ и объ-явилъ, что „министры окончили возложенную на нихъ задачу“,— онъ нашель въ Государѣ большую переѣну—и сталъ просить о назначеніи въ Западный край кого-либо другаго; но Государь (въ которомъ всегда твердо держалась однажды принятая мысль) возразилъ:

— „Я высказалъ мои убѣжденія и не намѣренъ ихъ повторять!“

— Но министры вашего величества не раздѣляютъ этихъ убѣ-деній, рѣшился замѣтить Муравьевъ.

— „Это не правда!“ сказалъ Государь рѣзкимъ тономъ.

Тогда Муравьевъ всталъ и произнесъ: „ищите, ваше вели-чество, другаго на мое мѣсто!“

Государь взялъ его за руку и просилъ извиненія въ непра-вильномъ выраженіи, которое вырвалось у него печально.

— Неправды я не говорю,—сказалъ Муравьевъ: найдите дру-гаго, кто бы сталъ вамъ говорить правду!

Государь вторично просилъ извинить его, обнялъ Муравьева и спросилъ: „и такъ я могу отдать въ приказахъ о вашемъ на-значеніи?“

— Какъ и когда угодно вашему величеству!—отвѣчалъ Му-равьевъ ¹⁾.

раздраженномъ состояніи. Дѣло однако быстро уладилось и въ тотъ же день А. А. Зеленой, въ началѣ вечера, въ часъ необычный для докладъ, явился къ Государю съ донесеніемъ. Назначеніе Муравьева въ Вильно не-медля и состоялось. Ред.

¹⁾ См. „Русская Старина“, изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 397—398. За вѣрность этой сцены отвѣчаетъ самъ Муравьевъ, изъ печатныхъ За-писокъ котораго мы беремъ эти подробности. Записки его, показывающія въ авторѣ небольшое знакомство съ литературными приѣмами и чрезвычайное

1-го мая ст. ст. было отдано въ приказѣхъ о назначеніи Муравьева генералъ-губернаторомъ шести Сѣверо-Западныхъ губерній; однако, онъ оставался въ Петербургѣ еще одиннадцать дней, именно до 12 мая 1863 г., бесѣдуя почти ежедневно съ государемъ и совѣщаясь съ министрами.

Затѣмъ Муравьевъ уѣхалъ въ Вильну, со свитою изъ приглашенныхъ имъ чиновниковъ. Между ними, а равно и между приглашенными затѣмъ Муравьевымъ, въ особенности для службы по крестьянскимъ дѣламъ, были лица достойныя; но были и совершенные изверги. . . . .

II.

Въ ту пору ломки прежнихъ порядковъ, когда далеко не всё умѣли строго отдѣлать высокое отъ низваго, грязное отъ чистаго; когда насъ смущала надвигавшаяся отъ Запада черная туча, которая, казалось, что ни часъ, становится чернѣе и чернѣе; когда разбирать со всею скрупулятностію ту или другую мѣру, предпринимаемую правительствомъ, не то отдѣльнымъ лицомъ, въ отвращеніе грозы; когда „что ни попь могъ быть батькой“, лишь бы только не походилъ ни на Велепольскаго, ни на В. И. Назимова,—начало, тихо и робко, вырабатываться у насъ нѣчто похожее на общественное мнѣніе. Апатія, сонъ, равнодушіе ко всякимъ явленіямъ нашей русской жизни стали проходить; не диво было услышать тамъ и самъ свободно-высказываемыя сужденія, громкіе голоса. Газеты съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оживлялись, теряли тотъ безцвѣтный обликъ, который замѣчался въ нихъ не далѣе, какъ два года назадъ. Онѣ уже походили временами на европейскіе органы печати, заводили у себя корреспондентовъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, Краковѣ и

пристрастіе къ себѣ, все-таки представляютъ весьма любопытный историческій матеріалъ, и не могутъ быть обойдены желающими составить себѣ понятіе о революціонномъ движеніи въ Царствѣ и Литвѣ, между 1861—1865 гг.

Львовѣ, а равно и въ другихъ городахъ, гдѣ сосредоточивалась европейская жизнь и кипѣніе. Корреспонденты эти писали сплеча, горячо, кое-какъ, вообще показывали умѣнья и опытности не много, но... нужно было начать хоть такъ. „Московскія Вѣдомости“ выдвинулись впередъ, имѣя хорошаго, образованнаго редактора, который разстался со своими польскими симпатіями, заперъ двери разнымъ повстанскимъ тузамъ, собиравшимся у него по пятницамъ—и первый привѣтствовалъ назначеніе Муравьева генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. Все печатное, ради заявленія тѣхъ же патріотическихъ чувствъ, загудѣло и залилось на разные тоны, кто громче, кто тише, вторя центральному звону Бѣлокаменной, подобно тому, какъ откликается Замоскворѣчье и всѣ другія отдаленныя церкви, когда ударить въ Кремлѣ большой Успенскій колоколъ и подъ-вонецъ уже становится не слышать его всепотрясающаго, густаго, мѣднаго контрабаса.

Полетѣли въ Вильну иконы, письма, адреса. Митрополитъ Филаретъ упредилъ въ этомъ случаѣ многихъ, отправивъ къ Муравьеву извѣстное письмо ¹⁾. Это былъ тоже, нѣкоторымъ образомъ, центральный колоколъ. Никто не способенъ такъ скоро забывать всякую дрянъ въ человѣкѣ, оказавшемся вдругъ на что нибудь пригоднымъ, какъ забываютъ русскіе. У насъ это идетъ (вслѣдствіе особыхъ условій нашего мягкаго, неустойчиваго характера и нашихъ житейскихъ приемовъ) всегда далѣе, чѣмъ слѣдуетъ: не только забываютъ все прошлое дряннаго человѣка, но и начинаютъ находить въ немъ то, чего нѣтъ и не можетъ быть; вадятъ, восторгаются, пересаливаютъ до-нельзя въ похвалахъ и нѣжностяхъ, даже унижаются, „падаютъ до ногъ“.

То же самое случилось съ обществомъ и въ отношеніи къ Муравьеву: весьма некрасивое прошедшее его было мгновенно забыто. Тѣ же самые люди, которые недавно читали съ большимъ удовольствіемъ рѣзкій памфлетъ князя П. В. Долгору-

¹⁾ Письмо это и отвѣтъ на него Муравьева напечатаны въ ноябрьской книгѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1882 года. Н. В.

кова о служебныхъ походахъ Михаила Николаевича ¹⁾, спѣшили теперь всячески заявить ему, другъ передъ дружкой, самое восторженное сочувствіе. Исторія всѣхъ этихъ увлеченій новымъ героемъ кончилась тѣмъ, что въ Вильнѣ, на Долгой улицѣ, явилась особая часовня Архистратига Михаила.

Легко понять, что при такомъ настроеніи русскихъ массъ и при могучей поддержкѣ высшей власти, новый генераль-губернаторъ далеко не встрѣтилъ на своемъ пути тѣхъ препятствій, какихъ опасался въ Петербургѣ. Управлять ему ввѣреннымъ краемъ такъ, какъ онъ хотѣлъ, было не трудно: все, что онъ представлялъ въ утвержденію,—утверждалось; кого задумалъ смѣнить, тотъ лѣгко, что называется, кувыркомъ. Требовалъ денегъ, деньги отпускались министерствомъ финансовъ ту-же минуту. Враги и недоброжелатели, точнѣе сказать: люди характерные, которые никогда не измѣнялись въ Муравьеву въ своихъ чувствахъ и знали хорошо, чтѣ это за человѣкъ,—поневолѣ притихли и попрятались. Онъ дѣйствовалъ свободно.

Приговоры подписывались за приговорами, одни другихъ суровѣе. Если начальникъ штаба, при докладѣ, старался иной разъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, смягчить рѣшеніе,—Муравьевъ вырывалъ у него изъ рукъ бумагу и быстро подписывалъ. Слова: повѣсить, разстрѣлять выходили у него всегда разборчивѣе другихъ, какъ будто бы писались съ особенною любовью ²⁾.

Родись Муравьевъ въ Европѣ, или хоть и у насъ, но при другихъ условіяхъ,—изъ него могъ бы выработаться рѣдкій политическій боецъ, замѣчательный государственный мужъ. Природа дала ему все, чтобы выдвинуться изъ толпы: голову крѣпкую и

¹⁾ Біографическій очеркъ князя П. В. Долгорукова, въ №№ 13, 14 и 15 „Будущности“, 1861 года. Черезъ два года потомъ, именно въ 1863 г., было напечатано то же самое по французски, въ изданіи того же лица „Le Veridique“, № 5, стр. 190—241. Наконецъ, въ 1864 г., вышла въ Лондонѣ отдѣльная брошюра, по русски, подъ заглавіемъ: „Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ“, въ 16 д. 62 стр.

²⁾ Сообщено автору самимъ начальникомъ штаба Муравьева. Онъ сказывалъ при этомъ, что если Муравьевъ сердился, то губы его тряслись и круглые тигровые глаза наливались кровью. Но кричалъ онъ мало и рѣдко.

свѣтлую, взглядъ быстрый и сообразительный, здоровье самое неслыханное. Онъ могъ работать съ ранняго утра до поздней ночи, не зная утомленія. Довладчики разныхъ бумагъ находили его, во всѣ минуты, однимъ и тѣмъ же: свѣжимъ, бодрымъ, выслушивающимъ все съ одинакимъ вниманіемъ, отвѣчающимъ мгновенно на всѣ вопросы, нисколько не задумываясь и бѣльшею частію впопадъ. Обѣденное время, обыкновенно измѣняющее всѣхъ, оживляющее самыя могучіе организмы и какъ бы усыпляющее въ насъ всякія способности,—на Муравьева не дѣйствовало нисколько: онъ и послѣ обѣда работалъ съ тою же энергіей и бодростію, какъ и до обѣда. И всѣ эти рѣдкія способности, умственная и физическая вѣрность и здоровье подавлялись массою дикихъ свойствъ и самыхъ грубыхъ наклонностей. Замѣтите: о чемъ Муравьевъ, по свидѣтельству очевидца ген.-лейт. П. П. Карцова,—говорить за обѣдомъ съ графомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ, въ первый и послѣдній разъ къ нему заѣхавшимъ: о казняхъ, о соженіи монастырей! „Пановъ поубралъ; молодыхъ охотниковъ до политическихъ проповѣдей повывелъ“. А въ старому епископу пишетъ: „сиди въ Сейнахъ, пока цѣль!“ Гостю совѣтуетъ: „если человекъ стоитъ веревки, то и вздернуть его поскорѣй!“¹⁾—И не чувствуетъ, какъ это все безтактно и грубо!... А можетъ онъ думалъ, что такіе разговоры, какъ для него, составляютъ для гостей лучшую, приятную приправу въ подаваемымъ кушаньямъ!...

Все въ Литвѣ затрепало изъ конца въ конецъ. Многія банды рассѣялись сами собою; другія перешли въ Царство²⁾. Начальники нашихъ отрядовъ въ Литвѣ сдѣлались вдвое энергичнѣе и совершенно измѣнили систему дѣйствій, послѣ того какъ Муравьевъ объявилъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ приказовъ по войскамъ, что онъ „Кавказа“ устраивать у себя не позволитъ³⁾. Нашлись между прочимъ и такіе, которые систему разрушенія простерли до размѣровъ и формъ, незнакомыхъ въ Европѣ. Къ такимъ принадлежатъ въ особенности генералы Манюкинъ и

¹⁾ Февральская книга „Русской Старины“ изд. 1883 года, стр. 320.

²⁾ Гиллеръ говоритъ, что „всеобщее сгромаженіе бандъ изъ Литвы въ Царство началось въ іюнь мѣсяцѣ 1863 г.“ (I, 206), т. е. однимъ мѣсяцемъ позже прибытія Муравьева въ Вильну.

³⁾ Намекъ на способъ дѣйствій отрядныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго и частію въ Литвѣ. Н. В.

Баклановъ¹⁾. Они прибавляли въ свирѣпостямъ свирѣпости, наводили Муравьева на мысли, въ которыхъ-бы онъ, можетъ быть, никогда не пришелъ. Къ числу мѣръ, напоминающихъ доктора, который рѣжетъ руку или ногу, когда довольно отрѣзаетъ палецъ, принадлежитъ, между прочимъ, сожженіе двухъ деревень и ссылка ихъ жителей въ отдаленныя мѣста Сибири и Россіи, всѣхъ до одного, съ женщинами и дѣтьми²⁾. Кто будетъ отвѣчать за такія бессмысленныя варварства? По поводу нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ лѣсу по русскимъ отрядамъ, вырублены лѣса на 50 сажень, по обѣимъ сторонамъ всѣхъ дорогъ, а срубленные деревья отданы крестьянамъ, ихъ рубившимъ. Сколько погублено такимъ образомъ отличнаго, вѣками бережнаго лѣсу,

¹⁾ См. „Записки Я. П. Бакланова“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., томъ III, стр. 1—15. Томъ IV, стр. 154—161. Манюкинъ былъ послѣ отправленъ въ Царство Польское.

²⁾ Можетъ быть сожжено и болѣе, но намъ извѣстно только два случая: сожженіе въ августѣ 1863 года деревни Яворовки, Гродненской губерніи, Бѣлостоцкаго уѣзда, отрядомъ полковника Мантейфеля, и, въ октябрѣ того же года, дер. Ибяны, въ Ковенской губерніи, отрядомъ сына Муравьева, тогдашняго Ковенскаго губернатора. Подробностей объ этомъ послѣднемъ сожженіи мы не имѣемъ. Сожженіе Яворовки произошло при слѣдующей обстановкѣ:

„5 августа ст. ст. 1863, полковникъ Николай Максимовичъ Цѣге-фонъ-Мантейфель, (нынѣ генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи), стоявшій съ отрядомъ въ Бѣлостокѣ, получилъ отъ Муравьева телеграфическую депешу такого содержанія: „съ полученія сего деревню Яворовку, въ 12 верстахъ отъ Бѣлостока, сжечь; мѣсто, гдѣ она стояла, вспахать, а жителей увести въ Бѣлостокъ, впредь до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія“.

„6 августа, взявъ три роты Новонингерманландскаго пѣх. полка и двѣ сотни казаковъ, полковникъ Мантейфель отправился въ Яворовку и 7-го, на зарѣ, былъ уже на мѣстѣ. Спящую деревню окружили войсками, но жители скоро услышали не такъ-знакомый для нихъ шумъ и бряканье оружія, стали выходить изъ строеній и со страхомъ спрашивали: „что такое хотятъ съ нами дѣлать?“ Имъ объявлена была воля начальника края и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано выносить въ полѣ всякое имущество. Поднялся крикъ и плачъ. Въ нѣмкихъ избахъ оказались больные. Было даже нѣсколько женщинъ, только-что разрѣшавшихся отъ бремени или на сносяхъ. Ихъ велѣно положить поскорѣе въ телеги и окружить возможнымъ вниманіемъ. Когда начальникъ отряда убѣдился, что никого и ничего въ строеніяхъ не осталось, онъ приказалъ казакамъ поджечь ихъ спичками, одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ. Пламя быстро охватило всю деревню. Послѣ чего отрядъ тронулся къ Бѣлостоку. Относительно распашки земли не сдѣлано никакого распоряженія, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія средствъ. Жители помѣщены на одной изъ площадей Бѣлостока, а потомъ сосланы въ Сибирь, на границы Туркестанской области“.

погублено безтолково, несправедливо—даже прямо въ ущербъ нашимъ правительственнымъ интересамъ!..

Если счастье всѣхъ казенныхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ за время управленія Муравьева, придется одинъ человѣкъ на три дня ¹⁾. Казнили представителей всевозможныхъ сословій: помѣщиковъ, студентовъ, чиновниковъ, духовныхъ особъ, мѣщанъ и люповъ. Никакія заступничества, просьбы за кого-либо, вымалыванія прощеній были невозможны. Всего одинъ разъ пріѣхалъ къ Муравьеву просить за всендза Станислава Ишору, викарія залудзкаго костела въ Лидскомъ уѣздѣ, приговореннаго къ разстрѣлянню за оглашеніе манифеста жонда народоваго, отъ 22-го января 1863 г., Виленскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, преданный правительству и уважаемый самимъ Муравьевымъ ²⁾. Муравьевъ отвѣчалъ ему рѣзкимъ тономъ, что „никакихъ послабленій попамъ—въ особенности попамъ!—не будетъ. Они, по самому своему званію, должны быть образцомъ христіанскаго смиренія, а они-то и бунтуютъ! Никакой пощады, никакого снисхожденія!“—заклучилъ онъ, еще возвысивъ голосъ.

— Не кричите, Михайло Николаевичъ, я никого не боюсь, кромѣ Единаго, тамъ живущаго! ³⁾

Муравьевъ нѣсколько утихъ и сказалъ, немного погодя, уже другимъ тономъ: „Я прожилъ слишкомъ 60 лѣтъ, но никогда не видалъ тамъ живущаго: ты-то видѣлъ что-ли?“

¹⁾ Та же самая пропорція, что казенныхъ при Эмирѣ-Беширѣ въ Ливанскихъ горахъ, между 1830—1840 гг. Эмирѣ-Беширѣ былъ потомъ сосланнымъ турецкимъ султаномъ, Абдуль Меджидомъ въ Брюссу. При Паскевичѣ за все время управленія его Царствомъ Польскимъ, казнено всего даже 20 человѣкъ.

²⁾ Муравьевъ отзывается о немъ въ своихъ Запискахъ съ самой лучшей стороны. См. декабрьскую книгу „Русской Старини“ изд. 1882 г. стр. 630—632.

³⁾ Слова Гермогена Гонсевскому, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1612 года, по текстъ Карамзина. (Исторія государства российскаго, изданіе Смирдина, 1853 г. XII, стр. 305). Въ Никоновской лѣтописи, стр. 161: „онъ-же рече къ что де мнѣ вы угроживаете? Единаго де я Бога боюсь!“

Епископъ Сѣмашко скончался 28 ноября ст. ст. 1868 года. Статья объ немъ: въ № 326. „С.-Петербургскихъ вѣдомостей“ и въ № 255 „Московскихъ вѣдомостей“, 1868. Кромѣ того, въ ноябрьской книгѣ „Русской Старини“ изд. 1882 г. (см. также въ изд. „Слова и Рѣчи“ гр. Д. А. Толстого, С.-Петербургъ 1876, стр. 65—135.

Дѣдъ графа Мих. Николаевича (Виленскаго)—былъ Николай Ерофѣевичъ, одинъ изъ лучшихъ инженеровъ времени Екатерины II, уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-аншефа, † 1770 г. Сынъ его генер.-маіоръ Николай Николаевичъ основатель школы колонновожатыхъ—перваго по времени разсканика въ Россіи офицеровъ генеральнаго штаба. У него было пять сыновей: Александръ—декабристъ, сосланъ въ Сибирь, затѣмъ полицмейстеръ въ Иркутскѣ, генер.-лейтенантъ, умеръ въ 1863 г. сенаторомъ. Это былъ добрейшій человѣкъ и пылкій сторонникъ Императора Александра II въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, занималъ въ ту эпоху постъ губернатора въ Нижнемъ-Новгородѣ. Николай Николаевичъ (Карскій), генер. отъ инфантерій, род. 1793 г. ум. 23 октября 1866 г. Графъ (съ 17 апр. 1865 г.) Михаилъ Николаевичъ (Виленскій) род. въ 1796 г. Андрей Николаевичъ—извѣстный своими сочиненіями въ области духовной литературы и Сергѣй Николаевичъ—простой обыватель с.-петербургскій,—всѣ они уже умерли.

Михаилъ Николаевичъ род. въ 1796 г.; въ 1813 г. былъ офицеромъ на войнѣ; затѣмъ преподаватель математики въ школѣ колонновожатыхъ; женился на Пелагеѣ Вас. Шереметевой, родная сестра которой была за декабристомъ Ив. Дмитр. Якушкинымъ—однимъ изъ главныхъ членовъ тайнаго общества. Умеченный въ 1820-хъ годахъ потокомъ либеральныхъ идей, Мих. Николаевичъ вошелъ въ члены тайнаго общества; по арестованіи заговорщиковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость; успѣлъ оправдаться, освобожденъ и вскорѣ съ чиномъ статскаго совѣтника занимаетъ постъ вице-губернатора. Въ 1831 г. — губернаторъ въ Гродно въ чинѣ ген.-маіора; въ 1832 г. — военный губернаторъ въ Минскѣ, произведенъ по пріездѣ въ С.-Петербургъ въ генер.-лейтенантъ; но за то, что посильнѣе надѣтъ генер.-лейтенантскіе эполеты до объявленія о производствѣ въ Высочайшемъ приказѣ—подвергся немилости. Производство въ чинъ было отиѣнено. Отправленъ въ Курскъ — губернаторомъ, гдѣ оставилъ надолго память суровымъ вниманіемъ съ крестьянъ недоимокъ. Министръ финансовъ Канкринъ былъ женатъ на сестрѣ Муравьева и взял его къ себѣ въ директоры департамента податей и сборовъ. Въ 1842 г. Мих. Ник. сдѣланъ сенаторомъ съ чиномъ тайнаго совѣтника; затѣмъ назначенъ директоромъ жежеваго корпуса; 1 янв. 1850 г.—членомъ госуд. совѣта; въ нояб. 1856 г. предсѣдателемъ департамента уѣловъ; съ апрѣля 1857 г. по 1861 г. былъ министромъ госуд. имущества; съ апрѣля 1863 г. по апрѣль 1865 г. генералъ-губернаторъ Виленскій; въ апрѣлѣ 1866 г. назначенъ предсѣдателемъ верховной комисіи по дѣлу Каргозова. Умеръ 31-го августа 1866 г. Жена его Пелагея Вас. Шереметева † 29 марта 1871 года.